

ШРИ АУРОБИНДО

САВИТРИ

ЛЕГЕНДА И СИМВОЛ

I

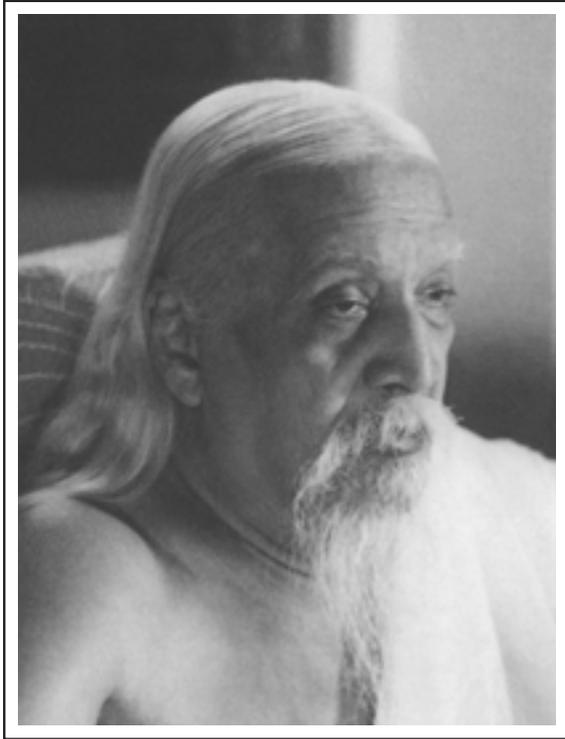

*С благодарностью Шри Ауробиндо
и Савитри*

*Восстань!
Жизнь и Сила явились к нам.
Кончилась тьма, наступает Свет.
ОНА освободила путь
для странствия Солнца.
Так устремимся туда, где боги
понесут наше существо
прочь из этих пределов!*

Веда

*Из рабочих тетрадей
переводчика*

Шри Ауробиндо
1950

*В неверном свечении людского ума
Средь роя разрозненных мыслей и слов
Свой эпос воздвигни — гимн горных громад
С глубокими гротами вещей стихов.*

Шри Ауробиндо. Духовная Муза

ШРИ АУРОБИНДО

САВИТРИ

ЛЕГЕНДА И СИМВОЛ

КНИГА I

КНИГА НАЧАЛ

*Поэтическое и прозаическое переложение
Д. В. Мельгунова*

Фонд интегрального развития человека
САВИТРИ

2006

— Из рабочих тетрадей переводчика —

ШРИ АУРОБИНДО

САВИТРИ

Легенда и Символ

КНИГА I. КНИГА НАЧАЛ

Поэтическое и прозаическое переложение,
предисловие, краткое содержание:
Д. В. Мельгунов

Фонд интегрального развития человека
«САВИТРИ»

ISBN 5-98865-007-4

© Фонд интегрального развития человека «САВИТРИ», 2006

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В настоящей серии публикаций мы впервые представляем вашему вниманию эпическую поэму «Савитри» — главное произведение Шри Ауробиндо, видного общественного деятеля Индии, великого духовного первопроходца, мыслителя, поэта-провидца. «Савитри» — необычное произведение: плод сверхсознательного видения и опыта великого йогина. Шри Ауробиндо работал над поэмой в течение нескольких десятилетий, продолжая совершенствовать ее до последних дней жизни. Каждый раз, достигнув более высокого уровня сознания, он переписывал ее заново, стремясь выразить в ее строках вибрации высших уровней Сверхсознания, доступных человеку. Таким образом, поэма представляет собой плод Боговдохновения, и очевидно, что подобное произведение невозможно полноценно перевести на другой язык, — речь может идти только о его переложении. Поэт-переводчик Д. В. Мельгунов уже более 15 лет занимается изучением грандиозного эпоса, работая над его переложением на русский язык. Фрагменты переложения, публиковавшиеся в различных изданиях, вызвали большой интерес. Однако учитывая огромный объем и сложность произведения, для завершения этой работы может понадобиться значительное время. Поэтому по многочисленным просьбам читателей, интересующихся выдающимся эпосом и пытающихся изучать его, мы решили представить вам ее текущие результаты под общим заглавием «Из рабочих тетрадей переводчика», подчеркивая тем самым, что эти тексты не претендуют на законченное и совершенное представление поэмы, а являются, скорее, рабочими материалами — итогом многолетних усилий по ее исследованию и переводу.

Из-за сложности работы пока не все Песни эпоса представлены в полном поэтическом переложении, поэтому отдельные фрагменты текста даются в прозаическом переложении либо в ритмизованном прозаическом переложении, являющемся одним из возможных способов передачи текста «Савитри» на русском языке; эти фрагменты выделены *курсивом*. В тех Песнях, которые пока представлены в поэтическом переложении лишь частично, приводится краткое содержание остального текста.

Параллельно с переложением дается оригинальный текст на английском языке, сопровождающийся нумерацией строк, а также [в квадратных скобках] — постраничной нумерацией, соответствующей изданию Ашрама Шри Ауробиндо.

Такая разнообразная подача материала создает особую атмосферу, позволяя читателю более полно ощутить глубину и многомерность оригинального текста-откровения.

В конце книги помещены некоторые общие комментарии к публикуемым Песням из частной переписки Шри Ауробиндо, а также — краткое содержание всего эпоса. Книга снабжена предисловием, представляющим общую информацию о «Савитри», процессе ее создания и сюжете, а также о мировоззрении Шри Ауробиндо в целом. Кроме того, в своей заметке автор переложения делится опытом изучения поэмы и поясняет принципы настоящего издания.

*

В настоящем томе представлена Книга первая «Савитри» — вероятно, самая мощная по высоте и концентрированности духовной вибрации Книга эпоса.

Песнь первая

Начальный фрагмент первой Песни «Савитри» «Символическая Заря» является, вероятно, наиболее сложным для понимания текстом во всей поэме. Ему посвящена обширная комментаторская литература, и Шри Ауробиндо не раз отвечал на вопросы, связанные с этой Песнью, исполненной глубокого и многопланового символизма. Работе над нею Шри Ауробиндо уделил особое внимание: сохранилось более десяти рукописных вариантов ее текста. Как пишет сам автор:

Вся «Савитри», как явствует из ее подзаголовка, представляет собой легенду, которая есть одновременно и символ, и эта первая Песнь является, можно сказать, ключевым введением ко всей книге и анонсом дальнейшего сюжета. ...

Все используемые [в ней] элементы нужны, чтобы своей суггестивной силой выявить тот или иной аспект символического содержания и таким образом адекватно начать разработку значения всей поэмы.

Письма о поэзии и искусстве, с. 341

Эта «Символическая Заря» олицетворяет, по словам Шри Ауробиндо,

...новое погружение в Несознание, прерываемое медленным и трудным возвращением сознания, за которым следует краткий, но блистательный и пророческий прорыв-откровение духовного света, оставляющий после себя «день» обычного человеческого сознания, в котором и должно быть осуществлено предреченное.

Письма о поэзии и искусстве, с. 341

Описание представляет собой символ оккультной истории мира и эволюции Земли из первородного Мрака к высшему Свету, направляемой божественными Пришествиями; символ духовного совершенствования человека и его восхождения из тьмы Неведения к лучезарной Истине, из страдания к Блаженству, из смерти к Бессмертию; символ возвышенной миссии Шри Ауробиндо и Матери.

Эта Песнь также играет существенную роль в композиции всей поэмы, необычной и вместе с тем следующей древним традициям классической литературы. В самом начале произведения мы оказываемся непосредственно в преддверии решающих событий драмы: в первой же Песни автор позволяет нам в полной мере ощутить весь драматизм ситуации и грандиозность задачи, стоящей перед главной героиней поэмы, так же как и величие ее духа. Савитри, божественная Спасительница, пробуждается на заре предсказанного и ожидаемого ею рокового дня, когда ее муж Сатьяван, олицетворяющий душу человечества, обречен умереть. Будучи воплощением высочайшей Любви и Истины и переживая в себе боль и обреченность всего человечества, Савитри готовится противостоять вселенскому Року.

Учитывая особую сложность начального фрагмента этой Песни, в конце книги в Приложении приводится еще один вариант его поэтического переложения с целью более точно передать смысловое богатство оригинального текста.

Песнь вторая

Вторая Песнь служит своеобразным прологом всей поэмы. Здесь, в начале произведения, как это было принято в древних эпосах, приводится краткое изложение сюжета и в обобщенной форме отображается суть происходящего, которая затем раскрывается на протяжении всего дальнейшего повествования. Перед нами во всем величии предстает героиня эпоса Савитри — божественная Спасительница, пришедшая освободить мир от Неведения, Ажи, Страдания и Смерти, — и ее грандиозная миссия: ей предстоит вступить в противоборство с Роком, остановить неумолимое вращение вселенского кармического колеса и отменить предначертания, обрекающие на гибель душу человечества. Как пишет сам Шри Ауробиндо,

...это противоборство между Савитри и Судьбой или, скорее, между воплощенным Светом, Богиней Солнца, и Смертью, Творцом и Пожирателем этого мира с его Законом мрака, ограничения, неведения.

Письма о поэзии и искусстве, с. 278

В итоге этого противостояния в ней проявляется сама божественная Матерь мироздания, которая силой своей пламенной Души побеждает роковую предопределенность, опровергает всемогущество Смерти, сокрушает оковы Мрака и распахивает для человечества новые горизонты Сознания, Света и Истины.

Песни третья — пятая

На фоне всего эпоса особенно выделяются три заключительные Песни Книги первой, открывающие грандиозное описание Йоги царя Ашвапати — отца Савитри, великого духовного первопродца, предводителя вековечных исканий человечества. Это описание занимает почти всю первую часть поэмы, по объему охватывая почти половину эпоса, и, по словам Шри Ауробиндо,

...повествует о том, что послужило причиной рождения Савитри на земле, и показывает подлинное значение ее рождения.

Письма о поэзии и искусстве, с. 277

Таким образом, начав повествование с краткого яркого описания сути всей драмы в своеобразной прекрасной увертюре двух начальных Песней, автор затем обращает взгляд в прошлое и излагает нам развернутую предысторию драматического противостояния. Ретроспектива, охватывающая великую Йогу царя Ашвапати, благодаря которой Савитри — воплощение божественной Матери рождается на земле, а также рождение, детство и юность самой Савитри, ее встречу с возлюбленным, роковое пророчество, согласно которому через год он обречен умереть, жизнь с ним в лесной отшельнической обители и ее могучую Йогу, с помощью которой она ищет в себе силу, способную победить роковое предначертание и изменить судьбу, занимает большую часть всей поэмы. Только ближе к концу эпоса, в Книге восьмой, мы вновь оказываемся в том судьбоносном дне, с которого началось повествование, и затем в последующих Книгах видим грандиозное противоборство Савитри с богом Смерти и победу над ним.

Йога Ашвапати состоит из трех частей, которым соответствуют первые три Книги эпоса:

Вначале он достигает собственного духовного осуществления как индивид — именно это описывается в «Йоге царя».

Затем он совершает восхождение через все планы сознания как типический представитель человечества, чтобы завоевать возможность их открытия и освоения, и это описывается в Книге второй [«Книге Странника миров»], — но и это пока еще лишь индивидуальная победа. Наконец, он стремится уже не для себя, но во имя всех, ради всеобщей реализации и нового творения. Это описывается в «Книге Божественной Матери» [Книге третьей].

Письма о поэзии и искусстве, с. 330

Первая часть этой великой Йоги как раз и представлена в трех завершающих Песнях Книги первой. По словам автора,

...эта часть духовного развития Ашвапати состоит из двух йогических движений: одно — психодуховная трансформация, другое — более великая духовная трансформация с восхождением к верховной силе.

Письма о поэзии и искусстве, с. 329

«Йога освобождения души» — одна из самых больших и, безусловно, одна из самых могучих Песней «Савитри» — посвящает нас в тайну подлинной души человека (*психического существа*, как называет ее Шри Ауробиндо — см. Указатель терминов и имен), скрытой под покровом внешней личности и эмоциональной «души желаний», и описывает таинство ее раскрытия-освобождения посредством силы Йоги, наполняющее все существо человека светом истины и гармонии, — то есть первый этап Интегральной Йоги Шри Ауробиндо, психическую самореализацию и трансформацию.

Песнь «Йога свободы и величия духа» описывает дальнейшее развитие этого процесса — второй этап Интегральной Йоги: духовную самореализацию и трансформацию — раскрытие всего существа высшим планам Сознания и нисхождению в человека Энергии этих планов, преображающей его существо в выражение божественной светоносной Силы и Истины. Это настоящий гимн просветленному могуществу и величию человеческого духа, поднимающегося к вершинам своего бытия.

Во второй из трех Песней [Песни четвертой «Тайное Знание»] возникает пауза между двумя этими движениями и дается описание тайного знания, к которому он [Ашванати] приходит и чьи результаты описываются в последней из трех Песней [Песни пятой «Йога свободы и величия духа»].

Письма о поэзии и искусстве, с. 329

Песнь «Тайное Знание» заслуживает особого внимания. Это, вероятно, самая высокая по уровню мантрической вибрации и, безусловно, самая насыщенная по смыслу Песнь «Савитри». Ее без преувеличения можно назвать откровением в Откровении, ведой в Веде. Если бы Шри Ауробиндо создал только эту Песнь и не написал больше ничего, он уже вошел бы в историю человечества как один из величайших духовных провидцев — выразителей божественной Истины. В этой Песни Шри Ауробиндо в великолепных концентрированных строках-мантрах излагает постигнутые им фундаментальные истины Бытия — глубочайшие прозрения в тайны Бога, мира, человеческой души, мистерии микро- и макрокосма, слагающиеся под пером великого поэта-провидца в единое грандиозное Откровение о высшем предназначении человека и его жизни на земле.

*

Мы рады впервые на русском языке представить вам эти блистательные творения великой мистической поэзии — откровения великого знания и мудрости. Читателям, у которых поэма вызывает интерес, рекомендуем также издаваемые нами книги серии «Песни Савитри»; в них более глубоко и подробно исследуются отдельные Песни эпоса, представленные как в поэтическом, так и в прозаическом переложении, с развернутыми комментариями. Надеемся, что наши публикации помогут вам ближе познакомиться с этим выдающимся произведением, которое является наиболее полным и совершенным выражением уникального мировоззрения и духовного опыта великого провидца.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

«Савитри» — это символический эпос о цели супраментальной йоги.

Шри Ауробиндо

Письма о поэзии и искусстве, с. 261

Введение

Мы представляем вашему вниманию первые на русском языке выдающуюся эпическую поэму «Савитри» — главное произведение Шри Ауробиндо, видного общественного деятеля Индии, великого духовного первопроходца, мыслителя, поэта-провидца. Над этим эпосом он работал в течение нескольких десятилетий, продолжая совершенствовать его до последних дней жизни. Поэма основана на древней легенде, изложенной в индийском эпосе Махабхарата, о преданной жене царевне Савитри, которая силой своей любви и праведности побеждает смерть и возвращает к жизни своего мужа царевича Сатьявана. Шри Ауробиндо показывает, что в действительности сюжет древнего сказания является искусно завуалированным символом, скрывающим глубокое оккультное знание ведийского и даже доведийского цикла о сотворении мира и его спасении божественной Милостью. В своей поэме он раскрывает символическую суть персонажей и сюжета древней легенды и использует ее для выражения собственных духовных постижений и свершений.

Издавна в Индии было известно понятие *мантры* — слова-откровения, Боговдохновенной речи, выражающей высшие прозрения, запредельные состояния, глубинные истины. Величайшим уважением в эпоху древности пользовались *риши* или *кави* — поэты-провидцы, которые своим вдохновенным словом доносили до человечества сокровенные реальности и истины бытия. Ими были созданы главные священные Писания Индии: Веды, Упанишады, Бхагавадгита, которые веками и тысячелетиями служили животворными источниками, созидавшими и питавшими культуру и жизнь великой нации. Вот как определяет мантру Шри Ауробиндо:

Под мантрой ведические риши, поэты-провидцы, понимали вдохновенное видение-откровение или мысль-прозрение, основывающееся на реализации ... некоей сокровенной истины Бога, личности, человека, Природы, космоса, жизни, творения, мысли, опыта и действия. Их мантры выражали полет мысли, воспарившей на крыльях великого ритма души.

Поэзия будущего, с. 217

Вряд ли можно лучше выразить суть мантры, чем это сделал Шри Ауробиндо в великолепной мантрической строке «Савитри»:

Sight's sound-waves breaking from the soul's great deeps...

*Созвучья-волны виденья, что льются
Из сокровенных родников души...*

Савитри, с. 383

Именно такую задачу поставил перед собой и Шри Ауробиндо — создать мантрическое откровение своей Интегральной Йоги, выразить в слове высшие уровни сознания, доступные человеку, чтобы помочь всем духовным искателям соприкоснуться с этими уровнями и возвыситься до них. При этом, достигнув в своем духовном продвижении нового уровня сознания, он каждый раз перерабатывал поэму, чтобы выразить в ее строках вибрации более высокого плана бытия, и, таким образом, превратил «Савитри» в дневник своей Йоги. При создании поэмы он стремился к совершенству каждой строки и произведения в целом:

Я использовал «Савитри» как средство восхождения. Я начал ее, находясь на определенном ментальном уровне, и каждый раз, достигнув более высокого уровня, переписывал ее в соответствии с этим уровнем. Более того, я был требователен: если мне казалось, что та или иная часть приходит с недостаточно высоких уровней, я не соглашался оставить ее только лишь потому, что это была хорошая поэзия. Все должно было быть, по возможности, одной пробы. Фактически, я рассматривал «Савитри» не как поэму, которую необходимо

написать и закончить, но как поле эксперимента, призванного показать, насколько возможно создавать поэзию, используя собственное йогическое сознание, и до какой степени оно может проявлять себя в творчестве.

Письма о поэзии и искусстве, с. 272

Результатом стала грандиозная эпическая поэма объемом около 24000 строк, являющаяся наиболее полным и совершенным среди всех произведений Шри Ауробиндо выражением его духовного опыта. «Савитри» с ее 12-ю Книгами (49 Песней) является также самым большим поэтическим произведением на английском языке.

Шри Ауробиндо: великий синтез

Сама личность Шри Ауробиндо, а также его мировоззрение, жизнь и деятельность представляют собой глубокий и многосторонний синтез. Прежде всего, это синтез высших достижений и идеалов Востока и Запада. До двадцатилетнего возраста Шри Ауробиндо воспитывался и обучался в Англии, где получил образование в Кембридже, специализируясь на классической филологии. Таким образом, английский стал его родным языком и именно на нем он написал практически все свои произведения (хотя он также прекрасно владел французским и рядом других европейских языков, а кроме того — древнегреческим и латынью). Усвоив самые благородные основы классической европейской культуры в главном образовательном центре Европы с его многовековой рафинированной традицией подлинного классицизма, он по возвращении в Индию систематически и целенаправленно осваивает родную национальную культуру, для чего изучает и несколько индийских языков, включая санскрит, язык священных писаний Индии. В результате, овладев в полном объеме и высшими достижениями индийской классической культуры, он воплотил в себе синтез высочайшего классицизма западной и восточной цивилизации.

Но Шри Ауробиндо не был просто просвещенным культурологом и человеком книжного знания, как не был он и идеалистичным

спиритуалистом, витающим в своих небесах и с бессильным презрением отвергающим жизнь. Опираясь на глубокие познания и черпая силы в великой любви к своей родине, он вскоре стал лидером национально-освободительного движения Индии, готовившим вооруженное восстание против иноземных завоевателей! При этом, изучая многовековую культуру своей страны, он увидел, что в мистической йоге, издревле развивавшейся в Индии, действительно заключена великая сила, и решил использовать эту духовную силу для освобождения родины. Таким образом, он на деле осуществил синтез йоги и жизни. Даже тюрьма, куда он был брошен англичанами по ложному обвинению, стала для него «*обителью йоги*», где он получил фундаментальные духовные реализации! «*Вся жизнь — Йога*» — такой подход являлся для Шри Ауробиндо ключом к духовному продвижению. Он писал:

Секрет успеха в йоге заключается в том, чтобы рассматривать ее не как одну из целей своей жизни, но как саму жизнь. ...Ибо истину Духа нужно не просто осмыслить, но воплотить в жизнь.

Синтез Йоги, с. 71

Постепенно он пришел к такому уровню духовных достижений, когда для него более эффективно стало оказывать воздействие на ход событий при помощи духовной силы. Теперь его цель изменилась, он увидел свою задачу не просто в освобождении одной отдельной страны от иноземного гнета, но в освобождении всего человечества от неведения, лжи, страдания и смерти. С этого момента он удаляется от активной внешней деятельности и уезжает в Пондичерри — французский анклав в Южной Индии. Здесь в течение сорока лет вплоть до последних дней жизни он посвящает себя поистине революционной духовной работе по трансформации универсальной Природы, стремясь низвести на землю открытое им Сознание-Истину, или Супраментальное Сознание, Сверхразум, Гнозис, который обладает силой превратить все человеческое бытие, включая само тело и Материю, в субстанцию и выражение Духа:

Супраментальное это Сознание-Истина, в котором Божественная Реальность проявляется со всей полнотой и совершенством без участия средств и орудий Неведения; статическая истина абсолютного бытия обретает динамическое выражение в истинной энергии и деятельности бытия, самосушей и совершенной.

Синтез Йоги, с. 266

Под Сверхразумом имеется в виду вся полнота Сознания-Истины Божественной Природы, преисполненной света и знания и превосходящей любое ментальное проявление; на супраментальном уровне нет места двойственности и неведению. ... На уровне Сверхразума отсутствуют противоречия и двойственность, присущие ментальному плану бытия; проблемы, созданные нашим несовершенным разумом, исчезают и Истина предстает как единое лучезарное целое. ...

Разум — это неведение, находящееся в поисках Истины, тогда как Сверхразум, по своему определению, есть Сознание-Истина, то есть Истина, полностью обладающая собой и реализующая себя собственной силой. В супраментальном мире несовершенство и дисгармония неизбежно должны исчезнуть. ...Нашей первостепенной задачей является... низведение Супраментала на землю, чтобы он стал здесь действующей силой, и утверждение его в земном сознании... чтобы позволить ему действовать здесь, проявляя все больше свое могущество, подобно тому, как Разум когда-то низошел в Жизнь и Материю и стал действующей Силой, реализующей свои возможности на земном плане. Подобного нисхождения Супраментала будет уже достаточно для того, чтобы изменить мир и Природу, устранив ее нынешние ограничения. ... При этом на земле будет утверждена гармония, совершенство, творение Истины.

Письма о Йоге, с. 13, 257

Только эта нисходящая сверху и снизу вскрывающая высочайшая супраментальная Сила сможет всевластно воздействовать на физическую Природу и устранить все присущие ей затруднения и препятствия.

Час Бога, с. 35

На основе собственных великих духовных реализаций он проник в утраченный сокровенный смысл древних священных Писаний Индии — Вед, Упанишад, Бхагавадгиты. Из них он выявил и возродил суть великой мистической культуры древности, утраченной в более поздние века. Это знание стало одним из краеугольных камней его мировоззрения и работы. Он обогатил видение древних провидцев пониманием фундаментального принципа эволюции во вселенной как саморазвертывания-восхождения Сознания, погрузившего себя во мрак полного Несознания, по ступеням лестницы промежуточных уровней бытия — Материи, Жизни, Разума — обратно к себе, к своим высшим высотам Сверхразума и Духа. Таким образом, его мировоззрение являет также синтез достижений прошлого с самыми передовыми идеями и открытиями современности, устремленный в поистине великое будущее. Обобщив наиболее глубокие и подлинные откровения древней духовной мудрости и культуры Востока и Запада, а также направления и тенденции современного знания и мысли Шри Ауробиндо открыл для человечества путь восхождения к самым высоким вершинам, когда-либо манившим его взгляд.

Божественное нисходит из чистого существования через игру Сознания-Силы и Блаженства и творческое посредничество Сверхразума в космическое бытие; мы восходим из Материи через развивающуюся жизнь, душу и разум и озаряющее посредничество Сверхразума к божественному бытию. ... Благодаря озаряющему нисхождению высшего в природу низшего бытия и целенаправленному восхождению низшего в природу высшего разум может вновь познать свой божественный свет во всепостигающем Сверхразуме, душа — обрести свое божественное «я» во всеобъемлющей всеблаженной Ананде, жизнь — снова исполниться своей божественной силой в игре всемогущего Сознания-Силы, а Материя — открыться своей божественной свободе в качестве формы божественного Существования. И если у эволюции есть цель... то такое светоносное преобразование и проявление Божественного в тварном создании, человеке, должно быть ее высочайшей целью и глубочайшим смыслом.

Жизнь Божественная, с. 264—265

При этом он создает целый ряд фундаментальных мировоззренческих трудов, освещающих основные аспекты человеческого бытия, а также описывающих его собственные духовные открытия и реализации. Кроме того, он сочиняет множество поэтических произведений — стихов, поэм, пьес, стремясь сделать их *мантрой реальности*. И здесь можно говорить об осуществленном им синтезе философии и поэзии. С одной стороны, его прозаическим произведениям, несмотря на то, что они исполнены серьезнейшей философской мысли и глубочайшей мудрости, присущ блистательный поэтический язык. Его *magnum opus* «Жизнь Божественная», метафизический трактат о фундаментальных проблемах бытия и их разрешении, являет собой поистине Боговдохновенную поэзию в прозе, это сама музыка великой духовной мысли, гимн просветленного видения и знания. С другой стороны, его поэтические произведения, и особенно «Савитри», отличаются необычайной глубиной мысли и широтой видения, чрезвычайно насыщенной и проникновенной мудростью и кажутся ритмической песнью самой Истины, истекающей из уст вечного Безмолвия.

Итогом этой грандиозной работы стало создание Шри Ауробиндо Интегральной и Супраментальной Йоги, или *Пурна Йоги*, которая не только включает в себе синтез всех основных направлений и школ Йоги, разработанных в Индии, но и, в совокупности со всеобъемлющим мировидением Шри Ауробиндо, представляет собой самый широкий и многогранный синтез Духа и Материи.

Противопоставление Духа и Материи, созданное нашим практическим восприятием и длительной привычкой ума, в действительности не имеет под собой фундаментальной реальности. Мир един во всех своих разнообразных проявлениях, и в основе его лежит единство-в-многообразии... Неотъемлемое единство, порождающее бесконечное многообразие, является его основанием и началом; постоянная гармонизация за видимым разделением и борьбой, примиряющая все возможные противоречия и различия для достижения безграничных целей в тайном Сознании и Воле, которое всегда остается единым и полновластно распоряжается всем своим сложным многомерным действием, похоже, является подлинным характером мира на сред-

нем этапе; поэтому мы должны прийти к выводу, что полное осуществление проявляющихся в мире Воли и Сознания и торжество высочайшей гармонии должны быть его завершением. Субстанция — это форма самого Сознания, над которой оно работает, и Материя является одним полюсом этой субстанции, а Дух — другим. Два эти полюса в действительности едины: Дух — это душа и реальность того, что в своем чувственном ощущении мы воспринимаем как Материю; Материя — это форма и тело того, что мы постигаем как Дух.

Жизнь Божественная, с. 240—241

Для меня сознание представляет саму суть существования, и я ощущаю его всюду, объемлющим и пронизающим даже камень не меньше, чем человека или животное.

Письма о поэзии и искусстве, с. 316

Эта материальная вселенная сама по себе есть лишь Существование, Бытие — в том виде, в каком оно предстает нам во время пребывания души на уровне материального движения и опыта, где Дух облакает себя в форму, в результате чего вся совокупность и организация вещей и явлений, в которой он движим жизнью и которую объемлет сознанием, подчинена принципу бесконечного разделения и соединения из обособленных частей — принципу Материи, или субстанции формы.

Упанишады, с. 208

Так же, как Разум есть лишь конечное проявление действия Сверхразума в его нисхождении на уровень творения, а Жизнь — проявление действия Сознания-Силы в условиях Неведения, созданных этим нисхождением Разума, так и Материя в том виде, как мы ее знаем, есть лишь конечная форма проявления сознательного Существа в результате его нисхождения. Материя есть субстанция единого Сознательного-Существа, феноменально в самом себе разделенного в результате деятельности универсального Разума. ...

Материя обладает своей собственной реальностью, скрытым от нее самым сознанием, вовлеченным в процесс формо-

образования и поглощенным им до самозабвения. И какой бы грубой и бесчувственной она ни казалась нам, для потаенного в ней сознания она является Блаженством бытия, которое должно быть воспринято скрытым в Материи сознанием как объект чувственного восприятия, что поможет вызволить таким образом скрытое от глаз божество из его убежища.

Жизнь Божественная, с. 236, 239

Вселенная — это не просто математическая формула, которая выражает взаимоотношения неких ментальных абстракций, называемых числами и принципами, — формула, приводящая в конечном итоге к нулю или пустому множеству; это и не физический процесс, воплощающий некое уравнение сил. Это радость Возлюбившего себя, игра Ребенка, бесконечное приумножение себя Поэтом, опьяненным восторгом собственной силы бесконечного творения.

Час Бога, с. 66

Дух — это истина нашего бытия; разум, жизнь и тело, будучи несовершенными, суть маски его; в идеале своем они должны стать формами его выражения.

Час Бога, с. 77

Вся жизнь — это Йога Природы, стремящейся проявить Бога, скрытого в ней. ...

Восхождение от низшей Природы к высшей и является целью Йоги; и это восхождение может осуществиться путем отвержения низшей Природы и ухода в Природу высшую — общепринятая точка зрения — или же путем трансформации низшей Природы и возвышения ее до уровня высшей. Именно эту цель, по всей видимости, должна преследовать интегральная Йога. ...

Значит, наш метод должен состоять в том, чтобы всем своим существом войти в сознательное соприкосновение с Божественным и призвать Его преобразовать все наше существо в Свое существо, так что в определенном смысле Сам Бог, наша подлинная Личность, становится садхаком этой садханы,

так же как и Господином Йоги, благодаря которому наша низшая личность превращается в центр божественного преображения и средство достижения собственного совершенства. ... Божественное, всеведущее и всемогущее, нисходит в ограниченное и затемненное, постепенно просветляет и наполняет энергией всю низшую природу и заменяет собственным действием всякое проявление низшего человеческого света и смертной деятельности.

Синтез Йоги, с. 44—46

Свобода обретается, когда достигается всеобъемлющее единство; она — наше подлинное бытие. Мы можем достигать сущности этого единства в самих себе; мы можем в единении со всеми остальными принимать участие в Божественной игре. Этот двойной опыт — все, к чему душа стремится в Природе.

Бессмертие, единство и свобода уже есть в нас, они ждут, когда мы откроем их; но даже и тогда, во имя радости любви, Бог в нас будет по-прежнему оставаться Множественностью.

Час Бога, с. 73

Так что же есть Бог? Вечное дитя, вечно играющее в вечном саду.

Час Бога, с. 67

Своим глобальным видением Шри Ауробиндо объединяет все высокие искания и познания человечества:

Поиск человеком Бога, который в конце концов становится самым пылким и поглощающим из его исканий, начинается с первых смутных попыток проникнуть в глубь Природы и ощущения чего-то скрытого и неведомого и в себе, и в ней... Но только когда знание достигает своих высочайших проявлений, становится возможным достичь его величайшего единства. Ибо высочайшее и обширнейшее видение приносит нам и глубочайшую мудрость, ведь это видение объединяет все знание, постигая его единый всеобъемлющий смысл. Все религии предстают различными путями к единой Истине, все фило-

софии — многообразными взглядами на разные аспекты единой Реальности, все науки объединяются в единой высочайшей Науке. Ибо все, чего ищут наше умственное и чувственное знание, а также наше сверхчувственное видение, самым полным и всесторонним образом обретается в единстве Бога, человека и Природы, а также всего, что скрыто в Природе.

Жизнь Божественная, с. 699—701

Он провидит возможность для человека единения с Богом на всех уровнях его бытия. При этом он находит истину в каждой религии мира и не отрицает ни одного из этих возвышенных устремлений человечества, но, наоборот, в его всепримиряющем видении каждая религия получает возможность высшей полноты самоосуществления, основанной на всеобъемлющей духовной Истине. Таким образом, он предлагает также синтез религии и духовности, ведущий к божественному преобразованию всей жизни человека и человечества:

Философии и религии спорят о приоритете того или иного аспекта Бога, и различные йогины, риши и святые отдают предпочтение той или иной философии или религии. Наша задача — не обсуждать их, но реализовать и стать ими всеми, не следовать какому-то одному аспекту, исключая все остальные, но объять Бога во всех его аспектах и за их пределами.

Собр. соч., т. 17, с. 62

Божественное преображение обычной жизни человека и торжество его извечных усилий по развитию умственной и этической культуры в личности и обществе в итоге этого всеохватывающего распространения совершенного духовного бытия могло бы должным образом увенчать как индивидуальное, так и коллективное наше устремление. Такое свершение, будучи не чем иным, как воплощением во внешнем мире царствия небесного, утвержденного внутри человека, стало бы также подлинным осуществлением идеала, которого так или иначе ищут все религии мира.

Синтез Йоги, с. 49—50

Вместе с тем, Шри Ауробиндо следующим образом характеризует подлинную духовность:

Духовность в сути своей — это осознание внутренней реальности нашего существа — духа, души, истинного «я», которое отличается и превосходит наши ум, жизнь и тело, а также — внутреннее стремление познать, ощутить, быть этим «я», войти в соприкосновение с высшей Реальностью за пределами вселенной и пронизывающей вселенную, Реальностью, которая пребывает и в нас самих, достичь сопричастности ей и единения с нею, и кроме того — изменение, преобразование, трансформация всего нашего существа в результате этого стремления, соприкосновения, единения, рост или пробуждение к новому становлению или новому бытию, новому «я», новой природе.

Жизнь Божественная, с. 857

При этом можно видеть, что выдвигаемое Шри Ауробиндо возвышенное духовное преобразование нашего бытия естественно и гармонично включает в себя также и синтез индивидуального и коллективного его аспектов. И это — еще одна уникальная черта мировоззрения Шри Ауробиндо:

Интегральное преобразование, к которому мы стремимся, не было бы реальным или даже возможным, если бы оно ограничивалось индивидуальной реализацией. Поскольку в своем божественном совершенстве мы должны полностью реализовать себя не только в собственных бытии, жизни и любви, но и в бытии, жизни и любви всех остальных, то распространение нашей свободы и ее плодов на всех наших собратьев стало бы неизбежным следствием и, кроме того, окончательной целью нашего освобождения и совершенства. Значит, такого рода усилия, неизбежные в процессе интегрального преобразования, рано или поздно должны привести к расширению индивидуальной реализации до масштабов всего человечества.

Синтез Йоги, с. 49

И он не просто изложил принципы подлинного коллективизма, единства индивидуальной и коллективной работы, но и воплотил их на практике в созданной им совместно со своей сподвижницей француженкой Миррой Альфассой, которой он дал имя «Мать», духовной общине — Ашраме Шри Ауробиндо, насчитывающем сегодня около 2000 человек.

Шри Ауробиндо и Мать

Жизнь и труд Шри Ауробиндо невозможно рассматривать и понимать в полной мере в отрыве от вклада Матери, играющей роль своеобразной динамической силы, которая воплощает в жизнь возвышенное видение Шри Ауробиндо. Шри Ауробиндо и Мать олицетворяют собой издавна известный в индийской духовной традиции идеал Ишвары—Шакти — Владыки, Духа, источника видения и подателя санкции, и его динамической реализующей Силы, претворяющей в жизнь видение и идеи Духа-вдохновителя. «*Сознание мое и Матери — это единое сознание*» — писал Шри Ауробиндо. Эта глубинная связь представляет собой выражение мистической Истины, лежащей в основе мироздания, — единения божественного Сознания и творческой Энергии, Единых-Двоих, становящееся источником божественного Творения. Мать, чрезвычайно глубокая и многосторонне одаренная личность, художник, литератор, педагог, удивительно талантливый организатор, необычайно могучий оккультист, духовный первопроходец и водитель, своей личностью и деятельностью являет живое воплощение учения Шри Ауробиндо и словно проводит мост между утверждаемыми им возвышенными и глубинными истинами и повседневной человеческой жизнью. Она стала настоящей вселюбящей и всезаботливой Матерью для духовных искателей, устремившихся со всех концов мира к источнику Света, зажженному Шри Ауробиндо и Матерью в Пондичерри, а также для нескольких сотен учеников Образовательного центра Ашрама Шри Ауробиндо, созданного Матерью и являющегося сегодня одним из самых прогрессивных и высокоразвитых образовательных учреждений Индии.

В мистическом отношении единство Шри Ауробиндо и Матери представляет собой совместное проявление двух взаимодополняющих аспектов единого Бытия, чье общее воздействие необходимо для осуществления всеобъемлющей трансформации, являющейся целью Интегральной Йоги, как в индивидуальном, так и в универсальном плане. Вот как характеризует это двуединое воздействие Шри Ауробиндо:

Ошибочно проводить слишком жесткое разграничение между Шри Ауробиндо и Матерью. Оба воздействия необходимы для полноценного развития садханы. Только совместная работа обоих низводит Супраментальную Истину на физический план. Шри Ауробиндо воздействует непосредственно на ментальное и витальное существо через озаренный разум; он представляет собой аспект Пуруши [Духа, Сознания], чья сила состоит преимущественно в озаренном знании (уровня интуиции, супраментального или духовного) и энергии, которая проявляется в этом знании; при этом психическое существо поддерживает это воздействие и помогает трансформировать физический и витальный планы. Мать воздействует непосредственно на психическое и на эмоциональное витальное и физическое существо через озаренное психическое сознание; при этом озаренные интуиции супраментального существа дают ей необходимое знание, чтобы действовать нужным образом и в нужный момент. Ее сила, представляющая собой аспект Шакти [Силы, Энергии], является непосредственно психической, витальной и физической, а ее духовное знание — преимущественно практическим по своей природе. Говоря точнее, это обширное и подробное знание и опыт взаимодействия с ментальными, витальными и физическими силами, вовлеченными в процесс, и наряду со знанием — сила и способность распоряжаться ими и использовать их для целей жизни и йоги.

Цит. по: Амаль Киран. Наш Свет и Восторг, с. 5

О необходимости участия Матери для осуществления его собственной миссии и ее роли в этой духовной работе Шри Ауробиндо писал ученикам:

Для осуществления собственной трансформации йогину нет необходимости иметь шакти [— духовную сподвижницу, воплощающую в себе динамическую реализующую божественную Энергию]. Шакти нужна только, если на нем лежит особая миссия. В моем случае она была необходима для работы, стоящей передо мной. ... Для этой работы было нужно, чтобы оба аспекта [Пуруши и Шакти] действовали совместно. Наше с Матерью совместное действие создает определенные условия, которые облегчают вам осуществление трансформации. И вы можете воспользоваться этой благоприятной возможностью. ...

Прежде чем Мать приехала сюда, я продолжал поиски своего пути к трансформации и восхождению к Супраментальному (всего, что касается частей йоги, выходящих за пределы обычной веданты)... Приезд Матери оказал серьезную помощь в моей работе. Без нее все мои реализации — Нирвана и другие — не получили бы должного проявления во внешнем мире. Именно Мать показала путь к практической организации. Без нее организованная форма проявления была бы невозможна. Она занималась подобной работой с самого детства.

Цит. по: Амаль Киран. Наш Свет и Восторг, с. 4

Шри Ауробиндо видел в своей Шакти воплощение божественного материнского принципа, божественной Матери мироздания, которую с незапамятной древности столь почитали в Индии и во многих других сакральных и мистических традициях. Божественная Мать играет центральную роль в мировоззрении и Йоге Шри Ауробиндо как высочайший динамический принцип и трансформирующая Сила Божественного. Он писал:

Один из двух великих шагов в этой йоге — обрести убежище в Матери. Другой же — устремление искателя к божественной жизни.

Цит. по: Амаль Киран. Наш Свет и Восторг, с. 4

Вот что Шри Ауробиндо говорит о божественной Матери:

Та, кому мы поклоняемся как Матери, есть божественная Сознательная Сила, которая господствует над всем существующим, единая и в то же время настолько многообразная, что даже самый живой ум и самый свободный и широкий интеллект на в состоянии уследить за ее движением. Мать — это сознание и сила Всевышнего — и пребывает высоко над всем, что она создает.

...Мать пребывает над всеми мирами и несет в своем вечном сознании Высочайшее Божественное. Она единственная служит вместилищем абсолютной Силы и невыразимого Присутствия; держа в себе или вызывая Истины, которым суждено проявиться, она низводит их из Мистерии, в которой они были скрыты, в свет своего бесконечного сознания и в своей всемогущей власти наделяет их силой, своей беспредельной жизнью и телом во вселенной. ... Все есть ее игра с Всевышним; все есть ее проявление тайн Вечного, чудес Бесконечного. Все есть она, ибо все является долей и частью божественного Сознания-Силы.

...Мать не только управляет всем сверху, но и нисходит в эту более ограниченную тройственную вселенную [Ума, Жизни и Материи]... ибо, движимая тайным указом Всевышнего выработать нечто, что было в возможностях Бесконечного, она согласилась на великую жертву и как маску приняла душу и формы Неведения. И даже в личном аспекте соблагОВОЛИЛА она нисзойти сюда, во тьму, чтобы привести ее к Свету; в Ложь и Заблуждение, чтобы обратить их в Истину; в Смерть, чтобы превратить ее в богоподобную Жизнь; в мировую боль и нескончаемую скорбь и страдание, чтобы положить им конец в преобразующем экстазе своей возвышенной Ананды. В глубокой и великой любви к своим детям она согласилась надеть на себя покров этого мрака, снизошла до того, чтобы сносить атаки и мучительные воздействия сил Тьмы и Ажи ... приняла на себя терзания, горести и муки творения, поскольку, похоже, только так можно возвысить его до Света, Радости, Истины и вечной Жизни.

Час Бога, с. 48—51

Именно этому спасительному пришествию божественной Матери на землю и посвящена «Савитри».

Таким образом, Шри Ауробиндо и Мать представляют собой также самый возвышенный и полноценный синтез мужского и женского начал как провидящего и санкционирующего Духа и воплощающей творческой Энергии.

Лейтмотив жизни и деятельности Шри Ауробиндо и Матери, их трудов и устремлений и их величественного синтеза глубоко и емко выражен в следующем высказывании Шри Ауробиндо:

Всеобъемлющий синтез совершенства — в самых грандиозных масштабах, на которые только способна мысль, — есть единственное достойное устремление для тех, чей исполненный благоговения взгляд постигает Бога, тайно пребывающего в человеке.

Синтез Йоги, с. 50

«Савитри» является самым могучим, глубоким и многосторонним выражением всеобъемлющего мировоззрения Шри Ауробиндо, а также его и Матери духовной работы.

Стиль и язык «Савитри»

Стиль «Савитри» можно охарактеризовать как универсальный мистический классицизм будущего — универсальный, прежде всего, в том смысле, что она объединяет в себе главные достижения наиболее выдающихся культур мира: в первую очередь, высшие классические ценности интеллектуально-эстетической культуры Европы и тысячелетней духовно-мистической культуры Индии. Хотя основу поэмы составляет классический пятистопный ямб (ямбический пентаметр), ее нерифмованный белый стих содержит разнообразные ритмические вариации. По словам автора, это

...белый стих, не содержащий (за редким исключением) строчковых переносов (enjambement): строки, каждая из которых является вещью в себе, образуют абзацы из одной, двух, трех, четырех, пяти строк (изредка более длинная серия), в попыт-

ке передать что-то от ритма Упанишад или произведений Калидасы, насколько это возможно в английском.

Письма о поэзии и искусстве, с. 276

То есть, уже в аспекте ритмики «Савитри» представляет собой сплав высших классических достижений восточного и западного поэтического искусства. Но классическая основа получает новое развитие с учетом лучших находок и наиболее утонченного духа модернизма:

В «Савитри» ... я принял некоторые из свобод, введенных модернистами, включая внутренний ритм, ассонанс слогов, нерегулярности, вводимые в ямбический метр и прочее, что было бы болезненно для моего раннего вкуса. Но я использовал все это не механически и не ради какой-то манерности, а только в том случае, если это было ритмически оправдано; ибо всякая свобода несет в себе определенную истину и порядок — либо рациональный, либо инстинктивный, либо интуитивный.

Письма о поэзии и искусстве, с. 31

В поздний период творчества Шри Ауробиндо много экспериментировал с количественным стихосложением, а также пытался обогатить английскую поэзию за счет органичного введения в нее образцов стихотворчества из других языков. Тем самым он исследовал пригодность различных примеров поэтической речи для выражения высших духовных переживаний и реальностей и даже написал небольшую работу, в которой обосновал принципы количественного стихосложения в английском языке. В «Савитри» также ощущается влияние количественного принципа стихосложения: во многих ее строках пятистопный размер выдерживается, скорее, в тоническом смысле, а не в рамках общепринятой метрической структуры. Такой более свободный подход к метрическим принципам позволяет Шри Ауробиндо отступать там, где это оправдано, от классической ямбической схемы и использовать различные ритмические вариации, добываясь нужного эффекта звучания, когда звуковые модуляции подчеркивают и усиливают смысловое наполнение строк. Таким образом, «Савитри» присуща совершенно

своеобразная модель стиха. Причем это своеобразие проявляется не только в ритмическом отношении, но и в самой структуре поэтического текста, которую Шри Ауробиндо характеризует так:

Структура пятистопного белого стиха в «Савитри» весьма своеобразна и отличается по своему строению и замыслу от белого стиха, который стал общеупотребимым в английской поэзии. В «Савитри» практически нет строчных переносов: они используются крайне редко и только тогда, когда нужен особый эффект; каждая строка должна быть достаточно сильной, чтобы выступать как законченное целое, и в то же время строки гармонично складываются в предложение или абзац, как камень к камню. Предложение обычно состоит из одной, двух, трех или четырех строк, реже из пяти, шести или семи; как для строки, так и для предложения почти неизбежны сильные окончания, кроме тех случаев, когда нужна некая модуляция незавершенности; в ритме или метрическом движении нигде не должно быть слабости, вялости или расплывчатости — это должен быть ровный, мощный поток, а не беспорядочное, прерывистое течение.

Письма о поэзии и искусстве, с. 342

Можно также отметить, что для «Савитри», как для всякого подлинно великого поэтического творения, характерен очень ясный, непосредственно точный и лаконичный и вместе с тем глубокий и выразительный язык. Вот что говорит о нем Шри Ауробиндо:

Что касается метода «Савитри», то для нее характерно стремление к определенной силе и непосредственности, духовной ясности и реальности выражения. Непонимание этого возникает из-за того, что выражаемые в ней истины не знакомы обычному уму или принадлежат неизведанной области или областям либо относятся к сфере оккультного опыта, — а не из-за того, что ставилась задача добиться смутной и замысловатой псевдоглубины или избежать всякой отчетливой мысли. Просто мысль здесь является не интеллектуальной,

а интуитивной или более высокой, чем интуитивная, и всегда выражает видение, духовное соприкосновение или знание, которое возникает за счет проникновения в самую суть явления, за счет тождества.

Письма о поэзии и искусстве, с. 317

Так, словно волны, каждая из которых имеет свой неповторимый образ и в то же время подчиняется единому ритму беспредельной божественной стихии, плавно движутся строки «Савитри», слагаясь в необъятный и прекрасный океанический лик Эпоса, выразившего в человеческом слове сверхчеловеческие уровни бытия.

В «Савитри» также осуществлен глубокий синтез достижений и открытий прошлого и настоящего с самым возвышенным видением будущего: очень многое в поэме основано на многовековом духовном наследии древней Индии, она пронизана ведийской и ведантистской образностью и символизмом. И вместе с тем, в текст поэмы искусно вплетаются образы и понятия, связанные с самыми современными открытиями. Вот лишь один пример:

*An ocean of electric Energy
Formlessly formed its strange wave-particles
Constructing by their dance this solid scheme,
Its mightiness in the atom sbut to rest;
Masses were forged or feigned and visible shapes;
Light flung the photon's swift revealing spark
And showed, in the minuteness of its flash
Imaged, this cosmos of apparent things.
Thus has been made this real impossible world...*

*Пучина электрической Энергии,
В аморфном созидательном волнении
Исторгла чудо странных волн-частиц
И в пляске их воздвигла тверди мира,
И в атом затворила мощь свою...
Свет разметал, пространство озаряя,
Стремительные искорки фотонов
И очертил в их крохотных огнях,*

*Как грезу, космос видимых предметов.
Так явью стал наш невозможный мир...*

Савитри, с. 155

Какое емкое поэтическое описание рождения вселенной, в котором отражены и современные научные воззрения! Частицы-волны, атомы, фотоны и протоны, телевидение — все это находит отражение на страницах «Савитри», увидевших свет еще в середине 40-х годов!

При этом с точки зрения богатейшего образно-интуитивного поэтического языка и глубочайшего мистического содержания «Савитри», безусловно, написана на языке будущего. Этот великолепный классический и одновременно мистически-модернистский язык вобрал в себя и величайшие достижения мировой классической культуры, и высочайшие мистические открытия человечества. Очень часто «Савитри» звучит голосом грядущего, зовущим человека превзойти себя и стать достойным своего высшего божественного предназначения. Недаром Шри Ауробиндо писал:

Мои более поздние мистические произведения и «Савитри» принадлежат будущему и, возможно, им придется дожидаться еще одного радикального изменения эстетической атмосферы, прежде чем хоть что-то в них обретет признание.

Письма о поэзии и искусстве, с. 349

«Савитри» — это запись видения, опыта, которые не относятся к общедоступным и часто очень далеки от того, что видит и испытывает обычный человеческий ум. Не стоит ожидать признания и понимания широкой публики или даже просто многих читателей при первом соприкосновении с ней. Как я указывал, необходимо новое расшифрование сознания и эстетического восприятия, чтобы по достоинству оценить мистическую поэзию нового рода. Более того, если это действительно новая поэзия, то она может использовать и новую технику — может быть не всецело новую, но по крайней мере новую в некоторых или во многих своих элементах; и в этом случае прежние правила, каноны и стандарты могут быть

неприменимы к ней... То есть нам нужно увидеть, действительно ли в ней есть то, что составляет суть поэзии, и насколько новая техника оправдывает себя, выражая новую красоту и совершенство; и, чтобы увидеть это, необходима определенная свобода ума от прежних общепринятых воззрений, позволяющая составить справедливое и объективное суждение.

Письма о поэзии и искусстве, с. 345

Таким образом, «Савитри», являясь наиболее многосторонним выражением мировоззрения Шри Ауробиндо, представляет собой глубокий органичный синтез восточного и западного миропонимания и культуры, материализма и духовности, мудрости незапамятных веков и научных открытий настоящего, возвышенного классицизма и смелого модернизма, философии и поэзии, мистики и реализма, откровений прошлого и прозрений будущего. Сам Шри Ауробиндо характеризовал «Савитри» как *«своеобразную поэтическую философию Духа и Жизни, охватывающую большинство предметов философской мысли и видения, а также многие аспекты духовного опыта»* (Письма о поэзии и искусстве, с. 279). Можно с уверенностью утверждать, что, как когда-то Веды и Упанишады положили начало великой цивилизации Индии, «Савитри» с ее синтетичностью и универсализмом зачинает новую общечеловеческую культуру, новую одухотворенную цивилизацию, высший идеал которой Шри Ауробиндо емко и поэтично сформулировал как *«божественная жизнь в божественном теле»*.

Сюжет «Савитри»

С точки зрения сюжета «Савитри» достаточно четко делится на две практически равные по объему части. Первая ее половина (соответствующая Части I поэмы) в основном посвящена описанию грандиозной йоги великого духовного искателя царя Ашвапати, его восхождению по всем уровням проявленного бытия, в результате которого на вершине Проявления он удостоивается встречи с Божественной Матерью мироздания. Вторая половина «Савитри» (соответствующая Частям II и III) посвящена рождению, жизни

и миссии Савитри, дочери Ашвапати, которая является земным воплощением Божественной Матери, пришедшей спасти человечество от неведения и смерти. Каждая из частей поэмы фактически представляет собой законченное целостное произведение.

Фигура Ашвапати необычайно возвышенна и запредельна и, казалось бы, далека от обычной человеческой жизни. Этот царь-йогин, *«первопроходец из бессмертных сфер»*, *«странник иных миров»*, *«зодчий в сферах идеала»* словно символизирует высшее устремление к сферам Духа. Он олицетворение стремления, надежды, мечты всего человечества об освобождении, о гармонии, о непреходящей радости, о высшей и более светлой жизни. Символизм этого персонажа подчеркивается тем фактом, что автор впервые называет его имя лишь в самом конце Части I, на вершине его восхождения, когда тот обращается с мольбой о спасении человечества к Божественной Матери — только в этот судьбоносный момент раскрывается его глубинная человечность. Савитри же, не смотря на то — или, скорее, благодаря тому, что она является воплощением Божественной Матери, невзирая на всю божественную высоту своего внутреннего существа, запредельность своей Души — чрезвычайно человечна; ее духовное развитие, ее миссия естественно и неразрывно связаны с ее человеческой жизнью и развитием, с ее судьбой, с ее чаяниями, страданиями и борениями. Прекрасные проникновенные Песни, повествующие о рождении и детстве Савитри, ее юности, поисках возлюбленного, встрече и жизни с ним, постепенно сменяются драматическими описаниями противоборства Савитри с жестокой судьбой, ее поисков и открытий в собственном внутреннем мире в стремлении обрести в себе силу, способную победить рок, и наконец, ее грандиозного противостояния с Богом Смерти, воплощающим в себе сам принцип фундаментального Отрицания, Несознания, Небытия, и победы над ним.

Интересно, что при этом йога Ашвапати получает реализацию именно на земле, с рождением Савитри, хотя эта реализация и является лишь проявлением того, что прорекает ему божественная Мать на вершине его восхождения; йога же Савитри получает реализацию в высочайших сферах, когда Всевышний прорекает ей освобождение земли, хотя и в этом случае осуществление предреченного должно произойти в земном мире. Также следует отметить,

что царь Ашвапати, являясь вестником и представителем человечества, на вершине своего духовного восхождения получает Откровение божественной Матери; Савитри же, будучи воплощением божественной Матери, в кульминации своей йоги достигает Откровения Всевышнего и молит Его как Матерь человечества о спасении и освобождении своих чад, вызывая Его спасительный высочайший Глагол и сама проявляясь как этот Глагол-Возвестие для мира и человека. Таким образом Шри Ауробиндо показывает роль божественной Матери как *«посредницы меж миром и Всевышним»*: только Она может осуществить эту связь между проявленным космосом и трансцендентным Божественным, предстательствуя за человека и мир пред непостижимым Ликом Вечного.

В целом, можно говорить о том, что первая и вторая половины эпоса отражают два взаимодополняющих аспекта, два движения Интегральной Йоги Шри Ауробиндо и Матери. Первая олицетворяет восходящее движение Йоги, пролагающее своеобразный мост между нашим низшим миром Неведения и Тьмы и высшим Источником Бытия; это духовная самореализация, включающая работу на тонких планах Проявления, их открытие и освоение для человека и восхождение по уровням Сверхсознания вплоть до вершины проявленного Существования, увенчивающееся высочайшим Откровением божественной Матери — трансцендентной Сознательной Силы, Сознания-Истины, которая одна только может принести земле спасение от Неведения. Вторая половина «Савитри» олицетворяет нисходящее движение Йоги, описывая нисхождение божественной Силы, *«ниспосланного Пламени»*, в мир Неведения и ее работу по преобразованию основополагающих принципов этого мира в принципы Истины; она включает психическую самореализацию, то есть раскрытие своего глубинного истинного «я», подлинной души, психического существа, и супраментальную самореализацию-проявление через психическое. Если йогу Ашвапати можно охарактеризовать как психодуховную трансформацию с освоением тонких планов внутреннего существа и уровней Сверхсознания, ведущую к реализации высшего «Я» и высшей Реальности в ее статическом и динамическом аспектах и делающую возможным Нисхождение высшей божественной Силы-Истины в мир Неведения, то йога Савитри направлена на физическую трансформацию через

раскрытие психического существа, интеграцию всего существа в свет и истину души и воссоединение через психический центр со своим высшим супраментальным Источником, также ведущее к реализации высшей Реальности в ее статическом и динамическом аспектах и высшей божественной Личности и делающее возможным излияние супраментальных сил в физический мир и трансформацию фундаментальных принципов низшего бытия и самой Материи в выражение Духа, Истины и Света. Оба движения дополняют друг друга и не могут достичь полноты осуществления в отрыве друг от друга: первое движение делает возможным второе; второе приносит достижение цели и полноту осуществления первому.

Можно заметить, что эти движения соответствуют мистической истине двух взаимодополняющих аспектов Йоги, которые олицетворяют собой Шри Ауробиндо и Мать (см. цитату на с. 25). То есть две половины «Савитри» и по содержанию, и по качеству вибраций выражают два эти воздействия. Первая половина (йога Ашвапати) в большей мере выражает *«озаренное знание»*, исходящее из высших уровней Сверхсознания, и соответствует работе на ментальном и витальном плане через воздействие этого знания, которое на заднем плане поддерживается психическим, оказывающим влияние также на витальный и физический планы. Вторая половина поэмы (жизнь и йога Савитри) выражает *«озаренное психическое сознание»* и соответствует работе на психическом, витальном и физическом плане через воздействие этого психического сознания, служащего проводником для супраментальных интуиций и сил. Нужно сказать, что первая часть «Савитри» изобилует описаниями запредельных опытов Ашвапати и его странствий в иных мирах и является более сложной для восприятия. Части же поэмы, посвященные жизни и миссии Савитри, ближе и понятнее нам.

Как уже отмечалось, различие между двумя половинами эпоса ощущается и в вибрационном отношении: если для первой половины более характерны могучие высокодуховные вибрации, соответствующие запредельной работе Ашвапати (и в мистическом аспекте выражающие силу озаренного сверхсознательного Знания, которую олицетворяет собой Шри Ауробиндо), то для второй, скорее, свойственны проникновенные и глубокие психические вибра-

ции, выражающие сущность Савитри и ее миссии (или в мистическом аспекте — сущность озаренного психического сознания, которое олицетворяет собой Мать), — причем в начале второй половины в большей мере выражена утонченная психическая красота, зачастую насыщенная тонким прекрасным лиризмом, в конце же ее — психическая сила, могущество души, противостоящей року и торжествующей над ним. Вместе с тем, и Ашвапати, и Савитри совершают не только индивидуальную йогу, но и духовную работу для всего человечества. Йога Ашвапати во многом ассоциируется с духовным трудом Шри Ауробиндо; йога Савитри — с работой Матери, хотя, конечно, два эти движения тесно связаны и во многом пересекаются друг с другом. Очень точно говорит об этом Мать:

Шри Ауробиндо описал в «Савитри» все стадии, указал каждый шаг, чтобы дать возможность интегрального продвижения в интегральной Йоге. Все это его собственный опыт, но, что самое удивительное, — это и мой опыт тоже. Его садхана была моей садханой. Каждый объект, каждое событие, каждая реализация — все описания, даже оттенки — именно те, что я видела, а слова, фразы — именно те, что я слышала в своих опытах. ... Обычно каждое утро я приходила к нему и он читал мне «Савитри». Ночью он работал над нею, а утром читал мне написанные за ночь строки. И вот что любопытно: день за днем он читал мне по утрам описания в точности тех переживаний и опытов, которые я получила перед этим ночью, слово в слово. Да, все описания, цвета, картины, которые я видела, слова, которые слышала, — все, все это обретало выражение в поэтической форме, в его дивной поэзии. ... Именно мои опыты он изложил столь подробно в «Савитри» — и это были также и его опыты. Более того, это картина нашего совместного странствия в неведомое — или, точнее, в Сверхразум.

Мать. (Цит. по: М. Шаркар. Гармонии Света, с. 27—29)

Можно сказать, что «Савитри» является наиболее точным, полным и действительно живым дневником духовной работы Шри Ауробиндо и Матери.

Источник вдохновения и процесс создания «Савитри»

Интересно, что каждая Песнь, также как и каждая Книга «Савитри», словно бы представляет собой отдельное законченное произведение — такое ощущение возникает прежде всего потому, что тема, которой посвящена каждая из этих частей поэмы, получает в ней чрезвычайно глубокое, всестороннее и законченное освещение. И при этом отдельные части гармонично увязаны друг с другом в единое многоаспектное целое. Все дело в том, что «Савитри» является могучим образцом творчества высшего уровня ментального Сверхсознания, который Шри Ауробиндо назвал Верховным или Глобальным Разумом (Overmind)¹:

Между супраментальным и человеческим сознанием существует ряд последовательных планов бытия, или уровней сознания, где субстанция разума и все его проявления от уровня к уровню по восходящей несут в себе все больше и больше света, силы и широты охвата. Верховный Разум есть высший из уровней этого восходящего ряда, непосредственно предшествующий Супраментальному плану бытия. Он исполнен большого света и силы, но по сравнению со Сверхразумом представляет собой разделительную черту между полнотой неделимого знания и нисходящим путем в Неведение.

Письма о Йоге, с. 257

На уровне Верховного Разума видение отличается покоем и устойчивостью, охватывая огромные промежутки времени и пространства, глобальных связей и отношений. То же самое характерно и для созидательного действия Верховного

¹ В разных источниках переводится как Глобальный Разум, Надментальный Разум, Сверхразум, Надразум. В подлиннике Overmind означает одновременно высший и конечный уровень, увенчивающий сферу Разума. Нам представляется наиболее удачным перевод «Верховный Разум», поскольку он точно отражает положение этого уровня сознания в иерархии планов Разума и, судя по всему, наиболее точно соответствует смыслу оригинального термина. Более подробно о Верховном Разуме см. в нашем издании: Шри Ауробиндо. Савитри. IV—I. Рождение Пламени, с. 154—163.

Разума. Это уровень бытия великих Богов и божественных Творцов.

Письма о Йоге, с. 1154

Верховный Разум ... является силой космического сознания, принципом глобального знания, несущего в себе делегированный свет супраментального Гнозиса. ... [на этом плане обретаются] широкое космическое восприятие и ощущение беспредельного универсального «я» и вселенского движения ... чувства, эмоции, ощущения воспринимаются как волны все той же космической безграничности, накатывающие на тонкое и грубое тело и вызывающие соответствующую [их природе] реакцию индивидуального центра универсальности, — ибо тело становится лишь крошечной опорой или даже всего лишь точкой взаимосвязи для деятельности космических инструментальных сил. В этой беспредельной грандиозности не только обособленное эго, но и всякое чувство индивидуальности, даже подчиненной или инструментальной индивидуальности, может полностью исчезнуть; остаются лишь космическое бытие, космическое сознание, космическое блаженство, игра космических сил...

Жизнь Божественная, с. 950—951

Воспринимая супраментальный Свет, Верховный Разум приносит в него разделение на аспекты, отдельные силы и всевозможные отличные друг от друга принципы, которые, попадая на более низкие планы бытия, еще больше деградируют в своем сознании, как, например, в случае с Разумом, и начинают считать себя исключительными носителями всей полноты Истины, вступая при этом в противоречия со всеми остальными.

Письма о Йоге, с. 243

Вот что Шри Ауробиндо говорит о способе отображения действительности Верховным Разумом:

В этой поэме я постоянно представляю тот или иной частный взгляд на жизнь таким образом, что он на время словно бы

предстает целостным и завершенным ее восприятием; и делаю я это для того, чтобы выявить полную ценность опыта тех, кто ограничен этим взглядом, — например, опыта, приобретаемого в рамках материалистического восприятия жизни, — но если кто-то обвинит меня в мировоззренческой непоследовательности, то, значит, он просто не понимает техники интерпретации жизни Верховным Разумом.

Письма о поэзии и искусстве, с. 313

Верховный Разум представляет каждый аспект реальности как отдельное завершенное целое во взаимосвязи с другими представленными таким же образом аспектами и, охватывая все аспекты, увязывает их в едином гармоничном сосуществовании. Согласно Шри Ауробиндо, Верховный Разум является наивысшим уровнем сознания, который можно выразить в человеческом слове, и соответственно полноценное его выражение стало бы словотворчеством высочайшего уровня:

Нет сомнения, что, если бы удалось добиться продолжительного вдохновения, исходящего из Верховного Разума, результатом стала бы поэзия, чье совершенство и духовное качество превосходило бы все созданное доньше; но на сегодня нам, в лучшем случае, дано выразить смутное ощущение этого плана, да и то лишь в коротких отрывках и строках.

Письма о поэзии и искусстве, с. 26

Шри Ауробиндо находил примеры вдохновения Верховного Разума в отдельных строках великих поэтов разных стран и эпох. Но то было лишь «смутное ощущение» этого глобального Сознания, а не его прямое выражение. Шри Ауробиндо же стремился достичь продолжительного непосредственного *самовыражения* Верховного Разума в слове. Все его поздние поэтические произведения в той или иной мере несут в себе силу мантр Сверхсознания, но полностью эта цель осуществилась именно в «Савитри», в которой он поистине воплотил это «*продолжительное вдохновение, исходящее из Верховного Разума*» в пробуждающих строках могучей мистической поэзии. «Савитри», вероятно, является пока единст-

венным произведением человечества, автор которого целенаправленно стремился выразить в человеческом слове в максимально возможной степени столь высокий уровень Сверхсознания, причем делал это с такой тщательностью, выверяя не только каждую строку и каждое слово, но даже каждый звук в стремлении достичь «совершенного совершенства» каждой строки и всего эпоса:

Каждое слово должно быть верным словом, иметь верную атмосферу, верную связь со всеми другими словами, так же как и каждый звук должен быть на своем месте и все звучание в целом должно воплощать в себе то неопределимое значение, которое лежит за пределами вербального выражения.

Письма о поэзии и искусстве, с. 283

В результате этой беспримерной работы сознание, видение и вибрации Верховного Разума выражены в «Савитри» в наиболее чистом и непосредственном виде.

Таким образом, «Савитри» создавалась великим Мастером Йоги с особыми целями — как мантрическое откровение высочайших уровней Сверхсознания, и поэтому неудивительно, что метод ее создания также был весьма необычен. Вот как его описывает сам Шри Ауробиндо:

Мой собственный метод [при написании поэзии] заключается не в том, чтобы успокоить свой ум, поскольку он и так пребывает в вечном покое, но в том, чтобы обратить его вверх и внутрь. ...Все, что я написал с 1909 г., написано именно таким способом, то есть из безмолвного разума или, точнее, через безмолвный разум — при полном безмолвии не только разума, но и всего сознания в целом. ...

Я не делаю никаких усилий, чтобы написать что-либо. Я просто предоставляю высшей Силе совершать работу, и когда она не работает, не прилагаю никаких усилий. В прежние интеллектуальные дни я, бывало, пытался добиться чего-то за счет усилий, но не после того, как начал развивать поэзию и прозу с помощью йоги. ... Я никогда не думаю и не ищу нужных выражений, как и не пытаюсь писать хорошим

стилем; я записываю в безмолвии разума то, что приходит в готовой форме свыше. Даже когда я исправляю что-то, исправления приходят таким же способом... Супраинтеллектуальное (а не только супраментальное) — это сфера спонтанного автоматического действия. Чтобы добраться туда или чтобы открыться ей, нужны усилия, но когда оно уже действует в вас, усилия больше не нужны.

Письма о поэзии и искусстве, с. 214—217

Я получаю строки свыше, из пространства над головой, и впоследствии таким же образом получаю правки и изменения без каких-либо собственных усилий или умственной деятельности. Даже если я исправляю написанное сотню раз, ум совершенно не участвует в этом процессе — он лишь воспринимает проходящее свыше.

Письма о поэзии и искусстве, с. 211

Мой литературный стиль развился благодаря йоге — вследствие развития сознания, утонченности и точности мышления и видения, возрастающего вдохновения и возрастающего интуитивного различения верных мыслей, словоформ, подходящих образов и выражений. ...

Я не размышляю о технике, поскольку размышление у меня больше не в ходу. Но я вижу и чувствую ее, когда строки приходят и впоследствии — при редактировании написанного... Если вдохновение подлинно, мне незачем беспокоиться о технике ни сразу, ни впоследствии, поскольку строка приходит совершенной, обладая совершенным ритмом... Я могу добавить, что эта техника не подчиняется каким бы то ни было правилам, установленным умом, поскольку цель здесь — не в безупречном изяществе техники в общепринятом смысле, а в сущности звуков, образующей сущность слов¹. Если это достигается нарушением правил, что ж, — тем хуже для правил.

Письма о поэзии и искусстве, с. 215, 273—274

¹ В подлиннике: *sound-significance filling out the word-significance* — можно также перевести как «значение звуков, образующее (наполняющее) значение слов».

Мой труд над «Савитри» не был трудом в обычном смысле, кропотливой работой трудоемкого «конструирования»: я могу описать его как бесконечную способность ждать и прислушиваться к истинному вдохновению, отвергая все, что ниже его уровня, сколь бы хорошим воспринятое ни казалось с точки зрения более низкого стандарта, пока не получу то, что буду ощущать как абсолютно верное.

Письма о поэзии и искусстве, с. 344

Пожалуй, лучше всего процесс создания «Савитри» описан в строках самой поэмы:

*Oft inspiration with her lightning feet,
A sudden messenger from the all-seeing tops,
Traversed the soundless corridors of his mind
Bringing her rhythmic sense of hidden things.
A music spoke transcending mortal speech.
As if from a golden phial of the All-Bliss,
A joy of light, a joy of sudden sight,
A rapture of the thrilled undying Word
Poured into his heart as into an empty cup,
A repetition of God's first delight
Creating in a young and virgin Time.
In a brief moment caught, a little space,
All-Knowledge packed into great wordless thoughts
Lodged in the expectant stillness of his depths
A crystal of the ultimate Absolute,
A portion of the inexpressible Truth
Revealed by silence to the silent soul.*

*Молниекрылый вестник, вдохновенье,
Вдруг низлетая из всезрящих высей,
Блистало в залах разума беззвучных,
Неся заветных тайн ритмичный смысл.
Реченьем плавным музыка текла,
Превосходя убогий говор смертных.
Как из золотого кубка Всеблаженства,*

*Услада света, благодать прозренья,
 Счастливым пыл бессмертного Глагола
 Алились рекой в пустую чашу сердца —
 Так разлилась впервые радость Божья
 В твореньи юных, девственных Времен.
 Явившись в краткий миг, в пространстве тесном,
 Всеведенье лучом бессловной мысли
 Роняло в тишь его глубин молящих
 Верховной Абсолютности кристалл,
 Невыразимой Истины частицу —
 Безмолвья дар душе его безмолвной.*

Савитри, с. 38

Заключение

«Савитри» — это зов в прекрасное будущее, это устремление к прежде казавшимся недостижимыми высотам Бытия на основе глубочайших прозрений и высочайших постижений прошлого, которые воскресают к новой жизни в свежих потоках Духа, свободно низливающих с далеких вершин грядущего. Вслед за чувственно-мистическим видением-воображением «Божественной Комедии» Данте и вдохновенной интеллектуально-этической мыслью «Потерянного Рая» Мильтона к нам приходит духовное откровение «Савитри» Шри Ауробиндо — этой Божественной Драмы Блаженства, в которой Любовь торжествует над Смертью, а человек, раскрывая в себе божественность, побеждает враждебных богов, неумолимую судьбу и неотвратимый рок, возвращая «потерянный рай» всей земле. Здесь мы встречаем и поражающие воображение описания всей иерархии проявленных миров, от низших inferнальных царств до трансцендентных божественных сфер, и пронзительные по своей глубине и живой достоверности откровения немислимых духовных реализаций, и грандиозные прозрения о сотворении мира, о вселенской эволюции, о судьбе человечества. Великий провидец словно доносит до нас в строках могучей поэзии медовые струи божественного Восторга, утоляя нашу душу живительным нектаром сокровенных истин, истекающим из высо-

чайших родников Духа. Очень много в «Савитри» и просто блистательных поэтических описаний красоты природы и мира, человеческой души и жизни — тонких лиричных строк, проникнутых просветленным духовным видением. Здесь нашли отражение, вероятно, все стороны нашего бытия, все наши устремления и трудности, чаяния и мечты, заблуждения и достижения. Искренний искатель может черпать в «Савитри» нескончаемые силы для духовного восхождения, для самопознания и самосовершенствования, для привнесения в свою жизнь все большего света и гармонии. Мы надеемся, что всем читателям будет интересно познакомиться с этой поэмой, безусловно, принадлежащей к числу наиболее выдающихся произведений человечества.

В своей работе «Поэзия будущего», написанной во втором десятилетии XX века, Шри Ауробиндо говорит о высших возможностях эпической поэзии в новом веке:

Эпос, великое поэтическое сказание о человеке, мифе или богах, не обязательно должен быть ярким, энергичным изложением внешних действий... Эпические реальности души, прозреваемые в их самой глубинной сути — а именно так будет видеть их интуитивная поэзия, — станут величайшим возможным предметом эпического творца, и именно такой поэзии высочайшего образца мы будем ожидать от некоего глубокого и могучего голоса будущего, которому еще предстоит проявиться. Его песнь, воистину, может достичь величайшего взлета, чтобы с этих высочайших высей и с обширнейшим охватом видения раскрывать судьбу человеческого духа, а также присутствие, пути и цель Божества в человеке и вселенной.

Поэзия будущего, с. 286

Несколькими десятилетиями позже он сам зазвучал для нас этим глубоким и могучим голосом будущего, воплотив эпические реальности души, прозреваемые в их самой глубинной сути, и поистине раскрыл нам с высочайших высей и с обширнейшим охватом видения судьбу человеческого духа, а также присутствие, пути и цель Божества в человеке и вселенной в своей божественной песне «Савитри».

Однажды Шри Ауробиндо написал о другом поэтическом и мантрическом шедевре — Бхагавадгиде, одном из самых почитаемых в Индии священных Писаний, «божественной Песни» Шри Кришны:

Невозможно отделить Шри Кришну как Повествователя от Его Слова, от Гиты. Шри Кришна и Гита — одно целое, Гита — это сам Шри Кришна в Его форме Слова.

Сочинения на бенгали. с. 95

И перефразируя его собственное высказывание, мы можем сказать: Шри Ауробиндо и «Савитри» — одно целое, «Савитри» — это сам Шри Ауробиндо в его форме Слова.

Вряд ли можно сказать о «Савитри» лучше, чем это сделала в своих прекрасных вдохновенных словах Мать — та, чья жизнь и духовный подвиг легли в основу возвышенного характера героини эпоса:

«Савитри» — это откровение, это медитация, это поиск Беспредельного, Вечного. Если читать ее с подобной устремленностью к Бессмертию, то само чтение будет вести и направлять вас к Бессмертию. Чтение «Савитри» — это воистину практика йоги, духовной концентрации; в ней вы найдете все, что нужно для реализации Божественного. Здесь описан каждый шаг, каждый этап [Интегральной] Йоги, включая секреты всех других йогических путей. ... Это поистине безупречный путеводитель, который никогда не подведет и не покинет вас; тот, кто стремится следовать духовному пути, всегда найдет в нем опору и поддержку.

Мать. (Цит. по: М. Шаркар. Гармонии Света, с. 25—26)

Мы приглашаем вас совершить это удивительное путешествие сознания с «Савитри».

ОТ АВТОРА ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Знакомство с «Савитри»

О Шри Ауробиндо я узнал в 1990 г., прочитав известную книгу Сатпрема «Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания», повествующую о жизни и труде великого духовного первопроходца. В книге цитировались отдельные строки эпической поэмы Шри Ауробиндо «Савитри», которые почему-то особенно затронули меня. Это было достаточно необычно, поскольку до тех пор я мало интересовался поэзией, как впрочем и философией, учился на радиомеханическом факультете одного из ленинградских вузов и большую часть времени уделял занятиям спортом. Теперь же я отправился в Публичную библиотеку и к своему удивлению обнаружил там «Савитри» в подлиннике (позднее там же, в Отделе литературы стран Азии, Африки и Латинской Америки, я разыскал и Собрание сочинений Шри Ауробиндо, открыв для себя неисчерпаемый клад мудрости и красоты). С тех пор я начал изучать эпос, как и творчество Шри Ауробиндо в целом, чем занимаюсь и по сей день. «Савитри» очаровала и захватила меня. Я стал по-настоящему серьезно и целенаправленно овладевать английским, который до тех пор знал очень слабо — в рамках школьной и институтской программы. Причем для освоения языка я главным образом использовал сам текст «Савитри». Огромную помощь в изучении английского и осмыслении «Савитри» в течение многих лет мне оказывала Наталья Вячеславовна Кутузова, которой я выражаю самую искреннюю сердечную признательность. При этом, чтобы лучше понять текст, я, естественно, пытался переводить его. Так постепенно начали возникать переводы отдельных фрагментов, а потом и Песней. Мой уровень владения английским еще не позволял мне в полной мере наслаждаться подлинником — так, как это возможно при чтении поэзии на родном языке. Поэтому я старался перевести подлинник как можно более поэтично, чтобы полнее насладиться им.

Постепенно я заметил, что общение с «Савитри» стало производить изменения в моем сознании и восприятии — и перевод становился все более поэтичным и гармоничным. При этом

я почувствовал глубокий интерес к усовершенствованию перевода и теперь серьезно читал и изучал всю доступную литературу по теории и практике перевода. В какой-то момент барьер иноязычной отчужденности был преодолен, и я смог свободно читать «Савитри» в подлиннике, наслаждаясь ею в полном объеме.

Шри Ауробиндо — творец поэтов

«Савитри» — это мантрическое откровение, и уже само его чтение оказывает преображающее воздействие на сознание, способствует раскрытию внутреннего существа и его тонких сил и способностей, пробуждению души. «Само чтение «Савитри» — это практика йоги, духовной концентрации», — говорит Мать. Известно, что многие ученики Шри Ауробиндо, практикуя йогу под его руководством, в результате раскрытия внутреннего существа становились поэтами. Это происходило столь часто, что Шри Ауробиндо даже стали называть «творцом поэтов».

Дилип Кумар Рой, известный певец и музыкант, ученик и близкий друг Рабиндраната Тагора, стал одним из ближайших учеников Шри Ауробиндо. Вскоре после прихода в Ашрам Шри Ауробиндо под влиянием силы йоги он начал сочинять прекрасные стихи сначала на родном бенгальском, а потом и на английском. Вот что писал ему по этому поводу Шри Ауробиндо:

Поэзия и музыка приходят из внутреннего существа, и чтобы сочинить нечто подлинное и действительно великое, нужно, чтобы у вас был раскрыт канал между наружным умом и чем-то во внутреннем существе. Именно поэтому вы приобрели поэтические способности, когда начали практиковать йогу: сила йоги раскрыла этот канал. ... В действительности, все, что нужно, — это раскрыть, расчистить этот канал, так как все эти необычайные силы и способности уже находятся внутри вас.

Цит. по: Д. К. Рой. Шри Ауробиндо пришел ко мне, с. 219—220

Прочитируем, как сам Д. К. Рой описывает произошедшее с ним.

«Несмотря на присущий мне скептицизм, я вынужден признать, что без активной помощи Шри Ауробиндо и воздействия невидимых йогических сил я не мог бы достичь раскрытия поэтических способностей. ... Прежде чем я присоединился к Ашраму Шри Ауробиндо, я пробовал свои силы в поэзии, но и стиль и ритм моих стихов были столь неуклюжими, что Тагор, который высоко оценивал мои музыкальные способности и даже отзывался обо мне, как об одном из ведущих композиторов Индии, никогда не поощрял моих поэтических упражнений. ...

Когда я стал членом Ашрама, Гуру¹ и Мать рассказали мне, что йога способна совершить много поистине чудесных преобразований в человеке — в том числе может в одночасье развить и совершенное чувство поэтического ритма. Эти слова привели меня в сладостный трепет и я стал молиться о том, чтобы во мне расцвел настоящий поэт. ... Некоторое время спустя я начал переводить стихотворения Гуру на мой родной бенгальский и вскоре вдруг обнаружил, что «чудо» действительно случилось! Увы, я не могу назвать произошедшее ничем меньшим — даже ради того, чтобы умиловить скептика во мне самом или критически настроенного читателя. ... Вопреки всему моему неверию я могу только сказать: «Невероятное произошло!» ... Во мне, словно раскрывающийся бутон, вдруг начало расти ощущение контакта с чем-то вроде моего Даймона, сокровенного духа, который, как я чувствовал, был глубоко связан со Шри Ауробиндо. Это чувство быстро развилось и окрепло, и Шри Ауробиндо, подтверждая мои собственные ощущения, действительно написал мне, высоко оценив меня как «уникального переводчика», что, «именно переводя мои стихи, вы вошли в мой свет». Впоследствии я в полной мере осознал это. ...

Шри Ауробиндо писал мне о моей поэзии:

«Благодаря йогической практике ваши поэтические творения приобрели новое качество — способность выражать с великой чистой радостью утонченные психические² чувства, глубину мысли и эмоции, которых я до сих пор не встречал в бенгаль-

¹ Гуру — духовный учитель; имеется в виду Шри Ауробиндо.

² Термин «психическое» Шри Ауробиндо использует для обозначения подлинной души человека, в отличие от его поверхностной эмоциональной «души желаний».

ской поэзии. ... Ваше вдохновение исходит из связи творческого витального инструмента с более глубоким психическим восприятием и опытом... Именно благодаря тому, что установилась эта связь, в вас внезапно пробудился подлинный поэтический дар — ибо прежде его не было, по крайней мере, на поверхности. ... И эта радость выражения психического существа — вашей подлинной души, которая искала такой возможности с детства, — действительно делает сочинение стихов оправданной частью вашей практики йоги». ...

Тагор же так отозвался о моих новых стихах на бенгали:

«До сих пор я видел много ваших сочинений, которые вы причисляли к категории поэзии. Но они вызывали у меня чувство, что вы не нашли пути к сердцу мелодии нашего бенгальского языка, что вы были, так сказать, «калекой» в сочинении стихов. ... Но что это? Такое ощущение, что вы в одночасье обрели поэтический дар! ... Как вам удалось так развить слух? Вам больше незачем сомневаться в своих силах. Но я не могу постичь, как «калека» в один прекрасный день вдруг смог отбросить костыли и помчаться вперед со всех ног! Иногда мне даже кажется, что все это написал кто-то другой. Но нет, теперь, когда Богиня Сарасвати¹ коснулась вашего языка своей волшебной палочкой, вы и впредь можете сами изъясняться своим новопробужденным языком в своем присущем только вам стиле. И то, что вы изрекаете этим языком, проникает в самую душу и сразу прорастает и распускается в ней».

Я цитирую письмо Тагора, поскольку, боюсь, иначе мои читатели не смогут в полной мере оценить весь масштаб и глубину того чудесного преображения, которое наш Гуру осуществил не только во мне, но и во многих других своих учениках...

Я часто удивлялся, почему же он тратил столько своего драгоценного времени, чтобы помогать нам в наших поэтических изысканиях, когда, казалось бы, гораздо более важные вещи напрасно зывали к его вниманию. ... Только я сам написал более шестисот

¹ В индийской традиции — покровительница поэзии.

страниц поэзии на английском и по меньшей мере две тысячи страниц на бенгали, и он не только нашел время внимательно прочитать их все, но и прокомментировал большинство из стихотворений, а также сделал предложения, как их улучшить! ... Часто находя невозможным уделить несколько минут запросам самых выдающихся личностей Индии, он не только продолжал вдохновлять на сочинение стихов таких, как мы, но и в течение многих лет читал и правил наши стихи на английском — и как внимательно! ...

Он всегда внушал нам, что нам нужно продолжать следовать своим собственным путем — выражать в поэзии духовные переживания, психические эмоции и истины, прозреваемые душой на пути к Свету... Он часто говорил нам, что психическая поэзия — это есть поэзия, вдохновленная психической эмоцией и приносящая людям высшие духовные ценности, редко проявляется на земле. ... Для этого, как он подчеркивал, необходимо вывести на передний план психическое существо. И, как он объяснил мне в одном из писем, именно ради этого он и побуждал нас сочинять поэзию:

«Когда вы пишете стихи, за этим всегда стоит психическое существо — даже когда вы находитесь в состоянии ментальной и витальной подавленности, психическое вторгается и вносит собственное самовыражение в то, что вы пишете».

Сочинение такой поэзии помогает душе восходить к Свету. ...

По поводу же удивительного воздействия йогической Силы, которое я испытал и на себе, он писал одному из учеников:

«Как Дилип, который ранее не мог сочинить и одного-единственного добротного стихотворения и не имел чувства ритма и метра, потом, когда приехал сюда, вдруг — а не после «долгих, кропотливых усилий» — расцвел в поэта, знатока ритма и метра — так что даже Тагор был ошеломлен, увидев, как, по его выражению, «хромой отбросил костыли и помчался со всех ног» по дороге поэтического творчества? ... Даже если с помощью йоги можно мгновенно или за несколько дней достичь того, что обычно требует долгих, кропотливых усилий и искренней, серьезной культивации, это уже показывает силу йоги.

Но если в существе вдруг стремительно и спонтанно возникает способность, дар, которого прежде вообще не было, или беспомощность превращается в высочайшую способность, или чуть пробивающийся талант с такой же быстротой развивается в свободную полновластную искусность — это ли не самое убедительное свидетельство могущества йогической силы?»

Д. К. Рой. Шри Ауробиндо пришел ко мне, с. 220—247

*

Воспоминания Д. К. Роя точно описывают процесс раскрытия в человеке более высоких способностей под воздействием силы Йоги. Сходные изменения я наблюдал и в себе под влиянием силы «Савитри», которая исполнена высшего сознания, выраженного Шри Ауробиндо в слове. Постепенно я ощутил определенное раскрытие в себе поэтических способностей: мой перевод стал обретать все большую поэтическую гармонию; кроме того, стали возникать и собственные стихи, сначала на русском, а потом и на английском. Приведу строки одного из своих стихотворений на английском языке (полностью опубл. в сборнике *Nirodbaran: Divinity's Comrade. — Delhi. The Gnostic Centre, 2003*), написанного к 100-летию юбилею близкого ученика и секретаря Шри Ауробиндо Ниродбарана, который в последние годы жизни Гуру записывал «Савитри» под его диктовку и который под влиянием духовной силы Учителя из прагматичного доктора превратился во вдохновенного поэта-мистика; в этих строках как раз и описывается тонкий процесс пробуждения-раскрытия в духовном искателе внутреннего поэта:

*Touching his heart with His mighty beam,
The Lord a poet awakened in him
And dropped so many a poem-star
From the distant heaven to his praying jar.*

*Коснувшись сердца властной дланью Света,
Учитель вдруг в нем пробудил поэта
И щедро звезды строф с небес манящих
Ронял, любя, в кувшин его молящий.*

Эти примеры показывают могучую эффективность мантрической поэзии как средства раскрытия подлинного существа человека. Именно поэтому я решил поделиться и своим опытом, чтобы собственным примером засвидетельствовать действенность мантрической силы «Савитри». Сознание и Сила Шри Ауробиндо, воплощенные в ее удивительных строках, продолжают работать и доступны каждому искреннему искателю, который готов приложить определенные усилия, чтобы погрузиться в светоносный океан «Савитри».

Итак, теперь, для того, чтобы понимать строки «Савитри» в подлиннике, мне уже не нужно было переводить их на русский, но перевод стал потребностью моей души: я ощутил глубокое стремление попытаться выразить великую красоту, силу и глубину «Савитри» на русском языке.

Изучение «Савитри» и работа по переводу

В течение нескольких лет я работал в издательстве «Адити», где приобрел очень ценный и многосторонний опыт: я участвовал в подготовке к изданию многих трудов Шри Ауробиндо и Матери, выполненных разными переводчиками, редактировал самые разные по стилю и уровню тексты. Это дало мне возможность усвоить достижения и опыт других переводчиков и тем самым существенно расширить свой языковой и литературный диапазон. Помимо работы в издательстве профессиональному росту способствовало и тесное личное общение с ведущими переводчиками трудов Шри Ауробиндо и Матери — прежде всего, с Владимиром Барановым, Валентиной Зориной и Андреем Шевченко, подготовившими переводы ряда главных работ основоположников Интегральной Йоги и, кроме того, блестящий перевод книги Сатпрема «Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания», которая открыла личность Шри Ауробиндо столь многим русскоязычным читателям и привела меня самого к Шри Ауробиндо и к «Савитри». Я искренне благодарен этим мастерам перевода за их труд и великолепные работы, изучение которых сыграло большую роль в моем становлении как переводчика.

Все это время я не прекращал заниматься изучением «Савитри». Она стала моим бесценным другом и советчиком, спутником и водителем на жизненных дорогах. Она дарила мне вдохновение и силы для жизни и работы. Очень большую помощь в понимании и осмыслении «Савитри», а также жизни и труда Шри Ауробиндо и Матери в целом, мне дали многократные посещения Ашрама Шри Ауробиндо в Пондичерри, где я имел счастливую возможность более глубоко изучить материалы и факты, связанные с жизнью и деятельностью Шри Ауробиндо и в первую очередь — с созданием им «Савитри», а также пообщаться с близкими учениками Шри Ауробиндо и Матери, прежде всего с уже упоминавшимся Ниродбараном и с Амаль Кираном — самым выдающимся поэтом Ашрама, которого Шри Ауробиндо считал духовным поэтом мирового значения и с которым вел обширную переписку относительно мистической поэзии и даже обсуждал «Савитри», работая над ней. Общение с этими глубоко умудренными людьми помогло мне получить подробные разъяснения по самым разным вопросам, касающимся «Савитри» и процесса ее создания, принципов перевода, трудностей и перспектив мистической поэзии и других важных для меня тем, и я хотел бы выразить им самую сердечную благодарность за интерес к моей работе и неоценимую помощь в ней. Большую помощь в понимании «Савитри» мне также оказало изучение поэмы в международном городе Ауровиле, создаваемом недалеко от Пондичерри под эгидой ЮНЕСКО, где в Савитри Бхаване, или «Доме Савитри», проходят различные учебные программы, посвященные «Савитри» и другим трудам Шри Ауробиндо. Очень полезным было посещение лекций по «Савитри» Шраддхаван, д-ра Надкарни, проф. Маноджа Даса, д-ра Ананды Редди, Нарада и других искренних исследователей, которые много десятилетий серьезно изучают поэму. Хочу выразить всем им глубокую признательность за помощь в постижении «Савитри». Я также искренне благодарен Владимиру Яценко, санскритологу, живущему в Ауровиле, за ценные идеи, позволившие мне глубже понять многие аспекты «Савитри». Кроме того, много интересных и полезных материалов я нашел и в различных изданиях и комментариях, посвященных «Савитри» (см. библиографию в нашем издании: Шри Ауробиндо. Савитри. IV—1. Рождение Пламени.).

О переводе «Савитри»

С самого начала работы по переводу «Савитри» я часто слышал, что перевести «Савитри» невозможно. Теперь, после 15 лет интенсивной работы над переводом, я очень глубоко осознал, насколько это невозможно. «Савитри» не переводима, и об этом не раз говорила и писала Мать. На самом деле, это очевидно, ведь поэма создавалась не просто как еще одно поэтическое произведение, а как Откровение высочайших уровней Сознания, которые можно выразить в человеческом слове. Это Боговдохновенная поэзия и поэтому перевести ее действительно невозможно. Даже если подняться к тому же Сознанию, откуда изошли строки «Савитри», результатом будет уже некая другая поэзия, пусть и выражаемая тем же божественным Вдохновением; это будет уже не «Савитри», а другое произведение. Перевести же «Савитри» на обычном ментальном уровне — значит, в лучшем случае, сделать искаженную плоскую проекцию трехмерного объекта — и не просто объекта, а блистательнейшего, многограннейшего и глубочайшего духовного шедевра. Очевидно, что исходный объект и его проекция будут несопоставимы друг с другом. Это можно сравнить, например, с нашим восприятием и ощущениями при соприкосновении с лучами живого, реального солнца и с его изображением на бумаге.

Текст «Савитри» столь насыщен, имеет столько глубочайших смысловых оттенков (очень часто в одном словосочетании одновременно функционируют два, три и даже более уровней или аспектов смысла), обладает настолько тонкой и необычной звукописью, что передать все это с достаточной адекватностью просто невозможно. Строки поэмы столь емки по содержанию и вместе с тем лаконичны, что очень часто передать одну строку удается только двумя. При этом теряется или значительно снижается лаконичная интенсивность оригинального текста либо строки получаются куцыми и банальными по сравнению с великолепными, пространными на пределе возможностей языка и вместе с тем чрезвычайно гармоничными и сбалансированными строками подлинника и их свободным, плавным и величественным движением. Здесь уместно вспомнить, что Шри Ауробиндо уделял большое внимание количеству

строку в каждом предложении, чтобы достичь гармоничного сочетания предложений и добиться тем самым, с одной стороны, сбалансированности всего текста, а с другой — отсутствия монотонности за счет более масштабных модуляций его структуры. Очевидно, что лишние строки могут легко нарушить эту тонкую масштабную гармонию. Поэтому воспроизведение оригинального текста на русском языке часто предполагает глубокую переработку его структуры и при этом очень трудно приблизиться к сбалансированной точности и выверенности подлинника.

Даже при попытке передать смысл подлинника в прозаическом переводе сталкиваешься с тем, что это совершенно невозможно, поскольку, во-первых, очень часто одна и та же фраза в «Савитри», как уже говорилось, имеет несколько смыслов, которые при чтении возникают в сознании одновременно, и передать эту многомерность прозой невозможно; а во-вторых, игра смысловых оттенков столь утонченна и часто столь сложна, что ее невозможно выразить средствами другого языка. Да и можно ли пересказать прозой шедевр поэтического вдохновения? Кроме того, следует помнить, что глубоко символичная и часто очень многозначная образность «Савитри» является живым выражением конкретного духовного опыта. По словам Матери, *«Савитри» — это оккультное знание и духовный опыт. Определенную ее часть можно понять ментально — но для понимания большей ее части требуются те же самые знание и опыт* (М. Шаркар. Гармонии Света, с. 30). Когда по прошествии некоторого времени перечитываешь «Савитри», каждый раз прочитанное предстает в совершенно новом свете и открываются вещи, которых раньше, казалось, не было. Поэтому каждый может увидеть в «Савитри» только то, что готово воспринять его сознание, то есть любое ее восприятие будет заведомо ограниченным, не говоря уже о попытках передать это восприятие на другом языке.

И наконец, главное. «Савитри» — это мантра и в ней ведущую роль играет ЗВУКОПИСЬ, *«сущность звуков, образующая сущность слов»*, как говорит сам Шри Ауробиндо. Очевидно, что при любой попытке воспроизвести «Савитри» на другом языке вся эта магическая звукопись будет безвозвратно утрачена. О какой же адекватности можно говорить, если в «переводе» заведомо

утрачивается, вероятно, наиболее важная составляющая подлинника?

Таким образом, тексты, представленные здесь, являются интерпретацией, переложением великого божественного шедевра — это то, что мне удалось открыть в «Савитри» в результате многолетней работы, что удалось вместить и передать на русском языке. При работе над поэтическим переложением ставилась задача как можно полнее передать поэтическую красоту и силу «Савитри». При этом в случаях, когда приходилось выбирать между большей красотой строки и ее большей смысловой точностью, выбор делался в пользу красоты. Нужно помнить, что представленные тексты являются лишь переложением подлинника, личностной, а значит заведомо ограниченной и неточной, интерпретацией глубочайшего Боговдохновенного откровения великого провидца. Они призваны дать русскоязычному читателю первое представление о «Савитри», а также помочь всем интересующимся в освоении оригинального текста. Однако, несмотря на все вышесказанное, обнаружилось, что поэтическое переложение «Савитри» все же имеет одно очень серьезное достоинство. В нем хотя бы в какой-то мере, пусть зачастую в видоизмененной и переработанной форме, оживают и вибрируют образы подлинника, — а по словам Шри Ауробиндо, *«абстракции дают нам чистую концепцию Божьих истин; образы даруют нам их живую реальность»* (Час Бога, с. 66). «Савитри» можно охарактеризовать как образно-интуитивное откровение: именно за счет живых образов, воплощенных в магической звукописи, происходит ее мантрическое воздействие на сознание. Поэтому поэзия, пусть и в несовершенной форме, способна более живо, чем любое прозаическое выражение, передать образно-вибрационное содержание «Савитри» и облегчить его восприятие для изучающих эпос в подлиннике.

Я заверяю читателя, что старался быть как можно более бережным с подлинником, стремясь максимально сохранить его поэтическую красоту и силу, но и пытаюсь как можно точнее передать глубочайший и многогранный смысл великого духовного Откровения; я прошу прощение за все возможные неточности и искажения, допущенные как по субъективным, так и по объективным причинам.

О причинах и принципах издания

В последние годы интерес к «Савитри» среди русскоязычных читателей заметно растет. В разных городах начинают работать группы по изучению этого грандиозного эпоса; многие пытаются ознакомиться с ним самостоятельно. В связи с этим мои переложения «Савитри» оказались востребованными и полезными для людей, пытающихся осваивать это труднейшее произведение. Многие изучающие с благодарностью и энтузиазмом восприняли эти материалы и именно по их настоятельным просьбам начато издание материалов к «Савитри».

Сам Шри Ауробиндо работал над «Савитри» в течение нескольких десятилетий, перерабатывая поэму снова и снова, чтобы добиться максимального совершенства каждой строки и произведения в целом как мантрического выражения высочайшего духовного опыта и видения. Отдельные части эпоса он переписывал десятки раз. Издавать «Савитри» он начал в 1946 г. отдельными Песнями и при этом продолжал дорабатывать текст как на этапе публикации, так и уже после издания Песней, прежде чем опубликовать произведение целиком. Поэма представляет собой плод Боговдохновения, и очевидно, что такие произведения невозможно полноценно перевести на другой язык, — и поэтическое переложение эпоса, призванное в максимально возможной степени воспроизвести подлинник на русском языке, может совершенствоваться бесконечно. Главная причина этого — в необычайной сложности текста подлинника, в связи с чем качественная подготовка материалов требует огромного труда. При этом сейчас у достаточно широкого круга людей, изучающих «Савитри», существует серьезная и неотложная потребность в этих учебных материалах. Поэтому мы решили не ждать, пока будут приемлемо доработаны переложения целых Книг или Частей поэмы, и представить вам текущие результаты этой работы под общим заглавием «Из рабочих тетрадей переводчика», которое призвано подчеркнуть, что эти тексты не претендуют на законченное и совершенное представление эпоса на русском языке, а являются, скорее, рабочими материалами — плодом многолетних усилий по исследованию и пере-

воду произведения. Материалы публикуются по многочисленным просьбам читателей, интересующихся выдающимся эпосом и пытающихся изучать его.

Хочу искренне поблагодарить моих близких, оказывающих мне такую сердечную помощь и поддержку. Выражаю особую благодарность Андрею Шевченко за ценные идеи, которые помогли созданию серии, а также Нине и Игорю Зенкиным, Алексею Клементьеву, Борису Романюку и Ирине Федоровой за помощь в ее подготовке и публикации. Я также искренне признателен всем друзьям из Ауруконференции, Ашрама Шри Аурубиндо и Аурувиля, чья духовная и материальная помощь сделала возможным издание серии, и благодарю всех тех, чьи высокие помыслы и неравнодушные сердца способствовали ее выходу в свет.

Мы надеемся, что наши издания помогут всем искренним искателям найти свой путь в мир божественной Красоты и Мудрости «Савитри».

Д. Мельгунов

СИМВОЛИЗМ «САВИТРИ»

Сказание о Сатьяване и Савитри излагается в Махабхарате как история супружеской любви, побеждающей смерть. Но эта легенда, как показали многие особенности человеческого повествования, является одним из множества символических мифов ведийского цикла.

Сатьяван — это душа, несущая в себе божественную истину бытия, но низошедшая во власть смерти и неведения; Савитри — Божественное Слово, дочь Солнца, богиня верховной Истины, которая нисходит и рождается во имя спасения мира; Ашвапати, Повелитель Коня, ее человеческий отец, является Повелителем *танасви*, концентрированной энергии духовного устремления, помогающей нам взойти от смертного к бессмертным планам бытия; Дьюматсена, Повелитель Светозарных Воинств, отец Сатьявана, это Божественный Разум, который здесь ослеп, утратив свое небесное царство видения и в результате этой потери — и свое царство величия и славы.

Тем не менее, все это — не просто аллегория, а герои сказания — не просто персонифицированные качества, но воплощения или эманации живых сознательных Сил, с которыми мы можем установить конкретную взаимосвязь, и они воплощаются в человеческих телах, чтобы прийти на помощь человеку и показать ему путь из его смертного состояния к божественному сознанию и бессмертной жизни.

Шри Ауробиндо

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГА НАЧАЛ

Part One

BOOK ONE

THE BOOK OF BEGINNINGS

Savitri
Part I -
Book I
The Book of Beginnings
§ 19 The Symbol Dawn

It was the hour before the Gods awake.
Across the path of the divine event,
The huge forboding remnant of Night, alone,
Lay stretched immobile upon Silence' margin,
A mate unconscious son of the unknown,
Abyss of the un bodied Infinite
Whose fatherless eyes occupied the world,
Cradled the cosmic dream of ignorant force
In mould creative slumber huddling the suns
That came all things in its somnambulist school.
Across the vast enormous trances of space,
Its formless stupor without mind or life,
A shadow spinning through the swifter vast,
Earth wheeled abandoned in the hollow gulfs,
Forgetful of her spirit and her fate.
The impassive spheres were neutral, empty still.
Then a blank presence yearned towards that start change.
Along her line of frontality, here
Like a compass needle tempting a desert hand
Fumbled the forerun of life's obscure sleep.
Apparant on some unseen eternal verge
An eye of duty looked through the faint rift,
Calling for the venture of consciousness and joy
Compelled received consent to see and feel.
A thought was born in the unbounded void,
A sense was born within the darkness' depth,
A memory quivered with the least of time,
As if a soul long dead were moved to love;
Be it the oblivion that succeeds the fall
Blotted the crowded tablets of the past
And all that was destroyed must be rebuilt
And bold endeavour laboured out once more.
At first a habit that hardly dared to be
While the night's forlorn indifference,
A slow miraculous gesture's dim appeal
The mountain still of a transfiguring touch
Persuaded that most bleak quietude
And beauty, and wonder that habited the fields of God.

Рукопись одного из ранних вариантов
начального фрагмента «Савитри»

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Символическая Заря

Canto One

The Symbol Dawn

[1] It was the hour before the Gods awake.
Across the path of the divine Event
The huge foreboding mind of Night, alone
In her unlit temple of eternity,
5 Lay stretched immobile upon Silence' marge.
Almost one felt, opaque, impenetrable,
In the sombre symbol of her eyeless muse
The abysm of the unbodied Infinite;
A fathomless zero occupied the world.
10 A power of fallen boundless self awake
Between the first and the last Nothingness,
Recalling the tenebrous womb from which it came,
Turned from the insoluble mystery of birth
And the tardy process of mortality
15 And longed to reach its end in vacant Nought.
As in a dark beginning of all things,
A mute featureless semblance of the Unknown
Repeating for ever the unconscious act,
Prolonging for ever the unseeing will,
20 Cradled the cosmic drowse of ignorant Force
Whose moved creative slumber kindles the suns
And carries our lives in its somnambulist whirl.
Athwart the vain enormous trance of Space,
Its formless stupor without mind or life,
25 A shadow spinning through a soulless Void,
Thrown back once more into unthinking dreams,
Earth wheeled abandoned in the hollow gulfs
Forgetful of her spirit and her fate.
The impassive skies were neutral, empty, still.
30 Then something in the inscrutable darkness stirred;

БЫЛ час, когда готовы пробудиться Боги.
Преградою всевышнему Событию,
На рубеже Безмолвья, одинока
В безвременье своем, как в темном храме,
Гигантской, мрачной думой стыла Ночь.
Разверзлась, непроглядна и черна,
В знаменьи грозном той незрячей грезы
Пучина бесконечности бесплотной;
Весь мир заполонил бездонный ноль.
Безмерный падший дух, воскресший к жизни
Среди предвечного Небытия,
Желая кануть вновь во чрево Тьмы,
Презрел загадку вечную рожденья
И таинство мучительное смерти
И жаждал сгинуть в Небыти пустой.
Словно в истоке мрачном мирозданья,
Неведомого призрак онемелый,
Твердя вовек несознанное действо,
Блюдя вовек несведущую волю,
Хранил вселенский сон незрячей Силы,
Что в забытьи своей творящей дремы
Светила возжигает и несет
В сомнамбуличном вихре наши жизни.
Сквозь беспредельный, тщетный транс Пространства —
Аморфный ступор без ума, без жизни, —
Тенью вращаясь в Пустоте бездушной,
Заблудшая опять в бездумных грезах,
Земля влеклась, покинутая в безднах,
Забыв свой дух, забыв свою судьбу.
Безлико, тускло, немо небо снуло.
Вдруг в недрах мрака что-то шевельнулось...

- A nameless movement, an unthought Idea
 [2] Insistent, dissatisfied, without an aim,
 Something that wished but knew not how to be,
 Teased the Inconscient to wake Ignorance.
- 35 A throe that came and left a quivering trace,
 Gave room for an old tired want unfilled,
 At peace in its subconscious moonless cave
 To raise its head and look for absent light,
 Straining closed eyes of vanished memory,
- 40 Like one who searches for a bygone self
 And only meets the corpse of his desire.
 It was as though even in this Nought's profound,
 Even in this ultimate dissolution's core,
 There lurked an unremembering entity,
- 45 Survivor of a slain and buried past
 Condemned to resume the effort and the pang,
 Reviving in another frustrate world.
 An unshaped consciousness desired light
 And a blank prescience yearned towards distant change.
- 50 As if a childlike finger laid on a cheek
 Reminded of the endless need in things
 The heedless Mother of the universe,
 An infant longing clutched the sombre Vast.
 Insensibly somewhere a breach began:
- 55 A long lone line of hesitating hue
 Like a vague smile tempting a desert heart
 Troubled the far rim of life's obscure sleep.
 Arrived from the other side of boundlessness
 An eye of deity peered through the dumb deeps;
- 60 A scout in a reconnaissance from the sun,
 It seemed amid a heavy cosmic rest,
 The torpor of a sick and weary world,

Невнятный вздох, бездумная Идея —
Упрямо, не утлено, бесцельно,
Нечто, желая быть, но как — не зная,
К Неведенью будило Несознание.
Спазм, отозвавшись трепетом во тьме,
Впустил неутоленную потребность,
Что издавна покоилась бессильно
В безлунной подсознательной пещере,
Но поднялась, ища пропавший свет
Ослепшим оком памяти истлевшей —
Как тот, кто ищет прежнего себя,
Но видит прах лишь своего желанья.
Словно и в недрах Несуществованья,
В пучине безысходного распада
Беспамятная уцелела сущность —
Погубленного прошлого частица,
Воскресшая на муки и борьбу
Во мгле несостоявшегося мира.
Сознание смутное в тоске о свете
Предощутило отблеск дальней нови.
Как детский перст, коснувшийся щеки,
Напомнил о бескрайней жажде мира
Всепо забывшей Матери вселенской, —
Младенец-пыл вцепился в бездну тьмы.
Неощутимо где-то брешь возникла:
Разлетом тонким трепетный просвет —
Улыбки луч, блеснувший в мертвом сердце,
Встревожил дали тусклой спячки жизни.
Придя с обратной стороны безбрежья,
Небесный взор проник в немые глубины;
Разведчик, что в дозор направлен солнцем,
Казалось, он в тяжелом сне вселенском,
В оцепенении страждущего мира,

- To seek for a spirit sole and desolate
 Too fallen to recollect forgotten bliss.
- 65 Intervening in a mindless universe,
 Its message crept through the reluctant hush
 Calling the adventure of consciousness and joy
- [3] And, conquering Nature's disillusioned breast,
 Compelled renewed consent to see and feel.
- 70 A thought was sown in the unsounded Void,
 A sense was born within the darkness' depths,
 A memory quivered in the heart of Time
 As if a soul long dead were moved to live:
 But the oblivion that succeeds the fall,
- 75 Had blotted the crowded tablets of the past,
 And all that was destroyed must be rebuilt
 And old experience laboured out once more.
 All can be done if the god-touch is there.
 A hope stole in that hardly dared to be
- 80 Amid the Night's forlorn indifference.
 As if solicited in an alien world
 With timid and hazardous instinctive grace,
 Orphaned and driven out to seek a home,
 An errant marvel with no place to live,
- 85 Into a far-off nook of heaven there came
 A slow miraculous gesture's dim appeal.
 The persistent thrill of a transfiguring touch
 Persuaded the inert black quietude
 And beauty and wonder disturbed the fields of God.
- 90 A wandering hand of pale enchanted light
 That glowed along a fading moment's brink,
 Fixed with gold panel and opalescent hinge
 A gate of dreams ajar on mystery's verge.
 One lucent corner windowing hidden things
- 95 Forced the world's blind immensity to sight.

Искал забытый, одинокий дух,
Что слишком пал, чтоб вспомнить вновь блаженство.
Пресветлой вестью в космосе бездумном,
Он крался в неподатливую тишь,
Зовя на путь сознания и счастья,
И, побеждая мрачный транс Природы,
В ней снова зренье пробуждал и чувство.
И мысль запала в бездны Несознания,
И чувство родилось в пучинах мрака,
И память встрепенулась в сердце тленья,
Словно душа погибшая воскресла —
Но за паденьем следует забвенье,
Что затмевает свод скрижалей прошлых,
И нужно все, что было, вновь построить
И прежний опыт выстрадать опять.
Прикосновенье Божье всемогуще.
Надежда ожила, осмелясь быть
В том безнадежном равнодушьи Ночи.
Словно ниспослан во враждебный мир
Тревожной, робкой милости порывом,
Осиротев и тщась найти свой кров,
Скитающимся дивом бесприютным,
В далекий уголок небес проник
Призыв неясный чудо-мановенья.
Преображающим прикосновеньем,
Будя инертность черной немоты,
Очарованья трепет тронул Божьи шири.
Манящей дланью бледный свет волшебный,
Лучась над краем тающего часа,
Воздвиг ворота грез на бреге тайны —
Златые двери в радужном проеме.
Окном заветным, одинокий светоч
К прозренью влек слепую бездну мира.

The darkness failed and slipped like a falling cloak
 From the reclining body of a god.
 Then through the pallid rift that seemed at first
 Hardly enough for a trickle from the suns,
 100 Outpoured the revelation and the flame.
 The brief perpetual sign recurred above.
 A glamour from unreached transcendences
 Iridescent with the glory of the Unseen,
 [4] A message from the unknown immortal Light
 105 Ablaze upon creation's quivering edge,
 Dawn built her aura of magnificent hues
 And buried its seed of grandeur in the hours.
 An instant's visitor the godhead shone.
 On life's thin border awhile the Vision stood
 110 And bent over earth's pondering forehead curve.
 Interpreting a recondite beauty and bliss
 In colour's hieroglyphs of mystic sense,
 It wrote the lines of a significant myth
 Telling of a greatness of spiritual dawns,
 115 A brilliant code penned with the sky for page.
 Almost that day the epiphany was disclosed
 Of which our thoughts and hopes are signal flares;
 A lonely splendour from the invisible goal
 Almost was flung on the opaque Inane.
 120 Once more a tread perturbed the vacant Vasts;
 Infinity's centre, a Face of rapturous calm
 Parted the eternal lids that open heaven;
 A Form from far beatitudes seemed to near.
 Ambassadors twixt eternity and change,
 125 The omniscient Goddess leaned across the breadths
 That wrap the fated journeyings of the stars
 And saw the spaces ready for her feet.

Мрак ослабел и соскользнул покровом
С простершегося тела божества.
И сквозь разрыв туманный, что, казалось,
Едва ль пропустит каплю света солнц,
Низлились откровение и пламя.
Вновь краткий вечный знак явился свыше.
Красою запредельностей заветных,
Блестая многоцветием Незримого,
Посланьем сфер немеркнувшего Света,
Пылая над трепещущим творением,
Заря восстала аурой чудесной
И погребла в часы величья семя.
Мгновенья гостем, божество сияло.
На горизонте жизни светлый Образ
Объял чело плененное земли.
Поведав тайны красоты и счастья
Мистическими письменами цвета,
Он начертал глубокое преданье,
Завет лучистый на странице неба,
Глаголя о величьи зорь духовных.
Почти в тот день явилось Откровенье,
Что нам пророчат мысли и надежды.
Незримой цели одинокий проблеск
Почти проник в бессмысленную Тьму.
Вновь раздались шаги в пустынных Ширях.
Безбрежья кладезь, Лик тиши счастливой
Приподнял вежды вечные небес;
Казалось, близко Явь блаженств далеких.
Посланица меж вечностью и тленьем,
Всеумудрая Богиня преклонилась
К земле сквозь беспредельность звездных бездн,
Объявших судьбоносный ход светил,
И мир нашла для стоп ее готовым.

Once she half looked behind for her veiled sun,
 Then, thoughtful, went to her immortal work.
 130 Earth felt the Imperishable's passage close:
 The waking ear of Nature heard her steps
 And wideness turned to her its limitless eye,
 And, scattered on sealed depths, her luminous smile
 Kindled to fire the silence of the worlds.
 135 All grew a consecration and a rite.
 Air was a vibrant link between earth and heaven;
 The wide-winged hymn of a great priestly wind
 Arose and failed upon the altar hills;
 The high boughs prayed in a revealing sky.
 [5] 140 Here where our half-lit ignorance skirts the gulfs
 On the dumb bosom of the ambiguous earth,
 Here where one knows not even the step in front
 And Truth has her throne on the shadowy back of doubt,
 On this anguished and precarious field of toil
 145 Outspread beneath some large indifferent gaze,
 Impartial witness of our joy and bale,
 Our prostrate soil bore the awakening ray.
 Here too the vision and prophetic gleam
 Lit into miracles common meaningless shapes;
 150 Then the divine afflatus, spent, withdrew,
 Unwanted, fading from the mortal's range.
 A sacred yearning lingered in its trace,
 The worship of a Presence and a Power
 Too perfect to be held by death-bound hearts,
 155 The prescience of a marvellous birth to come.

Она еще раз полуобернулась,
Вбирая солнце тайное свое,
И погрузилась в свой бессмертный труд.
Земля узнала близкий шаг Нетленной:
Ее услышал чуткий слух Природы,
К ней обратила взор безбрежный ширь,
И, разлетевшись по заветным глубям,
Ее всеозарившая улыбка
Зажгла огнем безмолвие миров.
Все стало посвященьем и обрядом.
Воздух дрожал, связуя землю с небом;
Крылатый гимн мольбы великой ветра
Взмывал и ник над алтарем холмов;
Ветви стремились к небесам отверстым.
Здесь, где наше полутемное невежество
Мерцает на краю пучин бездонных
В немом плену двусмысленной земли,
Здесь, где неведом каждый новый шаг
И Правда зиждет трон во тьме сомненья,
На этом тяжком поле мук и риска,
Простертом под бесстрастным Взглядом свыше,
Что равно зрит на радость и на горечь,
Наш косный прах будил упорный луч.
Здесь прозорливый взгляд и озаренье
В обычных формах высветили чудо...
Но скрылось, ослабев, знаменье свыше,
Ненужное, угасло в царстве смертных.
Святая жажда вслед ему стремилась,
Моление Присутствию и Силе,
Чрезмерно совершенным для земли,
Для смертию закованных сердец,
Предвиденье грядущей чудо-нови.

Only a little the god-light can stay:
 Spiritual beauty illumining human sight
 Lines with its passion and mystery Matter's mask
 And squanders eternity on a beat of Time.
 160 As when a soul draws near the sill of birth,
 Adjoining mortal time to Timelessness,
 A spark of deity lost in Matter's crypt
 Its lustre vanishes in the inconscient planes,
 That transitory glow of magic fire
 165 So now dissolved in bright accustomed air.
 The message ceased and waned the messenger.
 The single Call, the uncompanioned Power,
 Drew back into some far-off secret world
 The hue and marvel of the supernal beam:
 170 She looked no more on our mortality.
 The excess of beauty natural to god-kind
 Could not uphold its claim on time-born eyes;
 Too mystic-real for space-tenancy
 Her body of glory was expunged from heaven:
 175 The rarity and wonder lived no more.
 [6] There was the common light of earthly day.
 Affranchised from the respite of fatigue
 Once more the rumour of the speed of Life
 Pursued the cycles of her blinded quest.
 180 All sprang to their unvarying daily acts;
 The thousand peoples of the soil and tree
 Obeyed the unforeseeing instant's urge,
 And, leader here with his uncertain mind,
 Alone who stares at the future's covered face,
 185 Man lifted up the burden of his fate.

Лишь ненадолго Божий свет нисходит:
Духовной красоты очарованье,
Собою озаряя взор людской,
Живит восторгом, тайной маску праха
И расточает вечность в пульсе лет.
Как на пути своем к черте рожденья,
С Вневременьем связуя смертный час,
Искрою божества в могиле плоти,
Душа тускнеет в планах Несознания,
Так пыл недолгий дивного огня
Растаял в светлом воздухе привычном.
Прервалась весть и удалился вестник.
Единый Зов, единственная Сила
Влекли назад в далекий, тайный мир
Оттенок, прелесть горнего луча:
Она уж не взирала в наше тленье.
Божественный избыток красоты
Не мог тиранить больше очи смертных;
Невыносимым чудом в царстве бренном,
Растаял в небе лик ее пресветлый:
Диковинность и дивность удалились.
Настал обычный свет земного дня.
Отпущенный из краткой передышки,
Опять неугомонной Жизни гам
Пустился в круг ее слепых исканий.
Все возвратились в плен своих забот;
Земли и древа тысячное племя
Предалось нуждам мимолетных миггов,
И, здешний вождь с блуждающим умом,
Едиственный, кто ищет смысл в грядущем,
Понес свой тяжкий жребий человек.

And Savitri too awoke among these tribes
 That hastened to join the brilliant Summoner's chant
 And, lured by the beauty of the apparent ways,
 Acclaimed their portion of ephemeral joy.
 190 Akin to the eternity whence she came,
 No part she took in this small happiness;
 A mighty stranger in the human field,
 The embodied Guest within made no response.
 The call that wakes the leap of human mind,
 195 Its chequered eager motion of pursuit,
 Its fluttering-hued illusion of desire,
 Visited her heart like a sweet alien note.
 Time's message of brief light was not for her.
 In her there was the anguish of the gods
 200 Imprisoned in our transient human mould,
 The deathless conquered by the death of things.
 A vaster Nature's joy had once been hers,
 But long could keep not its gold heavenly hue
 Or stand upon this brittle earthly base.
 205 A narrow movement on Time's deep abysm,
 Life's fragile littleness denied the power,
 The proud and conscious wideness and the bliss
 She had brought with her into the human form,
 The calm delight that weds one soul to all,
 210 The key to the flaming doors of ecstasy.
 [7] Earth's grain that needs the sap of pleasure and tears
 Rejected the undying rapture's boon:

И Савитри тоже пробудилась с ними,
Спешившими скорее подхватить
Глашатая блистающего песнь,
Восславить эфемерный жребий свой,
Свою частицу призрачного счастья,
Пленившись красотой путей манящих.
Созданье вечности, ее пославшей,
Той скудной радости она не вняла;
Чужак могучий в этом бренном царстве,
Всевышний Гость безмолвствовал внутри.
Тот зов, что возбуждает бренный ум,
Изменчивую страсть его погони
Иль трепетный мираж его желанья,
Входил ей в сердце сладкой чуждой нотой.
Не для нее был преходящий свет —
Послание, подверженное тленью.
Она терзалась мукою богов,
Плененных в нашем бренном, косном прахе,
Бессмертных, покоренных смертью плоти.
Природы высшей радость в ней жила,
Но горний цвет ее золотой померк
На скудной почве горестной земли.
В пучинах Времени струею узкой,
Ничтожна, тленна, Жизнь отторгла силу,
И ширь сознанья, и блаженства пыл,
Что принесла она в земную форму,
И тихое бестрепетное счастье,
Что обручает душу с целым миром,
Ключ к пламенеющим дверям экстаза.
Земное семя, что возрастать не может
Без влаги удовольствия и слез,
Отвергло дар нетленного восторга

Offered to the daughter of infinity
Her passion-flower of love and doom she gave.
215 In vain now seemed the splendid sacrifice.
A prodigal of her rich divinity,
Her self and all she was she had lent to men,
Hoping her greater being to implant
And in their body's lives acclimatise
220 That heaven might native grow on mortal soil.
Hard is it to persuade earth-nature's change;
Mortality bears ill the eternal's touch:
It fears the pure divine intolerance
Of that assault of ether and of fire;
225 It murmurs at its sorrowless happiness,
Almost with hate repels the light it brings;
It trembles at its naked power of Truth
And the might and sweetness of its absolute Voice.
Inflicting on the heights the abysm's law,
230 It sullies with its mire heaven's messengers:
Its thorns of fallen nature are the defence
It turns against the saviour hands of Grace;
It meets the sons of God with death and pain.
A glory of lightnings traversing the earth-scene,
235 Their sun-thoughts fading, darkened by ignorant minds,
Their work betrayed, their good to evil turned,
The cross their payment for the crown they gave,
Only they leave behind a splendid Name.
A fire has come and touched men's hearts and gone;
240 A few have caught flame and risen to greater life.

И дочери безмерности в ответ
Взрастило страстоцвет любви и рока.
Казалась тщетной ныне чудо-жертва.
Одарена божественностью щедрой,
Всю душу, всю себя, все, чем была,
Она пожертвовала человеку,
Свой вышний дух стремясь ему привить,
В его телесной жизни прорастить,
Чтоб небо прижилось на смертной почве.
Непросто изменять земную суть;
Прикосновение нетленных сфер
Невыносимо для природы бренной:
Пречистая божественная мука —
Вторжение эфира и огня —
Рождает в ней лишь трепет, ропот, страх;
Ее гнетут безоблачное счастье
И свет, что принесет оно с собой,
И обнаженной Истины всесилье,
И всемогущий, сладкий горний Глас.
Законом бездны притесняя выси,
Она ввергает в грязь посланцев неба,
Встречает терниями падшей персти
Спасительные руки Благодати,
Божьим сынам готовит смерть и боль.
Блистанием зарниц во мраке мира,
Их мысли-солнца гаснут в тьме умов;
Их труд прейдет, их благо станет злом,
Крест — их цена за царственный венец,
И лишь сияет Имя после них.
Явился огонь, зажег сердца и скрылся;
Немногие уберегли то пламя
И к высшей жизни вслед за ним взошли.

Too unlike the world she came to help and save,
 Her greatness weighed upon its ignorant breast
 And from its dim chasms welled a dire return,
 A portion of its sorrow, struggle, fall.
 245 To live with grief, to confront death on her road,—
 The mortal's lot became the Immortal's share.
 [8] Thus trapped in the gin of earthly destinies,
 Awaiting her ordeal's hour abode,
 Outcast from her inborn felicity,
 250 Accepting life's obscure terrestrial robe,
 Hiding herself even from those she loved,
 The godhead greater by a human fate.
 A dark foreknowledge separated her
 From all of whom she was the star and stay;
 255 Too great to impart the peril and the pain,
 In her torn depths she kept the grief to come.
 As one who watching over men left blind
 Takes up the load of an unwitting race,
 Harboured a foe whom with her heart she must feed,
 260 Unknown her act, unknown the doom she faced,
 Unhelped she must foresee and dread and dare.
 The long-foreknown and fatal morn was here
 Bringing a noon that seemed like every noon.
 For Nature walks upon her mighty way
 265 Unheeding when she breaks a soul, a life;
 Leaving her slain behind she travels on:
 Man only marks and God's all-seeing eyes.

Придя спасти, возвысить падший мир,
Она своим величием столь нездешним
Теснила грудь незрячую его,
И из его глубинных смутных бездн
Восстал в ответ ужасный тяжкий отклик —
Ее удел в борьбе, паденьи, скорби.
Бессмертная избрала участь смертных —
Юдоль страданий, жизнь под гнетом смерти.
Так, пойманная в плен земных судеб,
Застыв в преддверьи рокового часа,
Простившись со своим врожденным счастьем,
Приняв покров земной унылой жизни,
Не открывая горя даже близким,
Богиня возвышалась смертной долей.
Отделена предвидением мрачным
От всех, кому была звездой и опорой,
И слишком велика, чтоб разделить
С другими гнет опасности и боли,
Она хранила скорбь в истерзанных глубинах.
Как тот, кто за людьми следит слепыми,
Приемля гнет несведущего рода,
Врага в себе питая мукой сердца,
Неведомо для всех неся свой рок,
Без помощи извне и без поддержки
Она должна, страшась, предвидеть и посметь.
Предвещенное роковое утро
Настало ныне, зачиная день,
Казавшийся совсем обычным днем:
Природа, вечно шествуя вперед,
Вдруг отнимает душу, губит жизнь
И путь свой продолжает беззаботно —
Лишь человек оплакивает павших
И Божье Око примечает все.

Even in this moment of her soul's despair,
In its grim rendezvous with death and fear,
270 No cry broke from her lips, no call for aid;
She told the secret of her woe to none:
Calm was her face and courage kept her mute.
Yet only her outward self suffered and strove;
Even her humanity was half divine:
275 Her spirit opened to the Spirit in all,
Her nature felt all Nature as its own.
Apart, living within, all lives she bore;
Aloof, she carried in herself the world:
Her dread was one with the great cosmic dread,
280 Her strength was founded on the cosmic might;
The universal Mother's love was hers.
Against the evil at life's afflicted roots,
[9] Her own calamity its private sign,
Of her pangs she made a mystic poignant sword.
285 A solitary mind, a world-wide heart,
To the lone Immortal's unshared work she rose.

Но даже в этот час душевной муки
Пред ликом грозным ужаса и смерти
Ни вопль отчаяния, ни зов надежды
Не разомкнули уст ее безмолвных;
В себе она хранила боль свою
И лишь молчала, мужества полна,
И лик ее хранил печать покоя.
Но все же все борения и муки
Лишь внешнее затрагивали «я»:
В ней даже человеческая сущность
Являла образ полубожества,
И дух ее был вездесущим Духом,
Природа — обнимала всю Природу.
Живя в себе, она несла все жизни;
Уйдя в себя, она вмещала мир,
И боль ее вобрала скорбь вселенной,
И мощь ее росла из сил вселенских:
В ней Матери миров жила любовь.
И в зло, что поразило корни жизни,
Чьим символом была ее беда,
Меч горьких мук своих она вонзила.
Вселенной сердце, одинокий разум,
Навстречу року поднялась она,
Приняв неразделенный труд Бессмертной.

At first life grieved not in her burdened breast:
 On the lap of earth's original somnolence
 Inert, released into forgetfulness,
 290 Prone it reposed, unconscious on mind's verge,
 Obtuse and tranquil like the stone and star.
 In a deep cleft of silence twixt two realms
 She lay remote from grief, unsawn by care,
 Nothing recalling of the sorrow here.
 295 Then a slow faint remembrance shadowlike moved,
 And sighing she laid her hand upon her bosom
 And recognised the close and lingering ache,
 Deep, quiet, old, made natural to its place,
 But knew not why it was there nor whence it came.
 300 The Power that kindles mind was still withdrawn:
 Heavy, unwilling were life's servitors
 Like workers with no wages of delight;
 Sullen, the torch of sense refused to burn;
 The unassisted brain found not its past.
 305 Only a vague earth-nature held the frame.
 But now she stirred, her life shared the cosmic load.
 At the summons of her body's voiceless call
 Her strong far-winged spirit travelled back,
 Back to the yoke of ignorance and fate,
 310 Back to the labour and stress of mortal days,
 Lighting a pathway through strange symbol dreams
 Across the ebbing of the seas of sleep.
 Her house of Nature felt an unseen sway,
 Illumined swiftly were life's darkened rooms,
 315 And memory's casements opened on the hours
 And the tired feet of thought approached her doors.

Сначала жизнь не скорбела в ее обремененной груди:
 В объятьях первородной дремоты земли,
 Инертная, нашедшая освобождение в забвении,
 Простершись, она покоилась в бессознательном отдохновении
 на краю разума,

Замерев в глухом успокоении, как камень или звезда.
 В глубоком ущелье безмолвия между двух царств
 Она лежала вдали от горя, нетерзаемая заботой, —
 Ничто не напоминало о поджидающей здесь скорби.
 Затем, словно тень, в ней шевельнулась

медленная слабая память

И со вздохом она положила руку себе на грудь
 И ощутила близкую нестихающую боль,
 Глубинную, затаенную, старую, прижившуюся на своем месте,
 Но еще не знала, почему она была там и откуда взялась.
 Сила, зажигающая восприятие разума, еще не вернулась к ней:
 Тяжело и нехотя пробуждались слуги жизни,
 Словно работники, лишённые всякого заработка радости;
 Пригасший факел чувств угрюмо отказывался гореть;
 Не получающий помощи мозг не находил своего прошлого.
 Лишь смутная земная природа владела брэнной оболочкой.
 Но вот по ее членам пробежал трепет и ее жизнь разделила
 космическое бремя.

Откликнувшись безмолвному зову тела,
 Ее могучий далеко залетевший дух странствовал обратно —
 Обратно под ярмо неведения и судьбы,
 Обратно к труду и тяготам смертных дней,
 Освещая себе путь сквозь странные символические видения
 По отступающим морям сна.
 Ее природный дом ощутил невидимое сотрясение,
 Внезапно озафились затемненные покои жизни,
 И створы памяти раскрылись навстречу скоротечным часам,
 И утомленные стопы мысли приблизились к ее дверям.

All came back to her: Earth and Love and Doom,
 The ancient disputants, encircled her
 [10] Like giant figures wrestling in the night:
 320 The godheads from the dim Inconscient born
 Awoke to struggle and the pang divine,
 And in the shadow of her flaming heart,
 At the sombre centre of the dire debate,
 A guardian of the unconsolated abyss
 325 Inheriting the long agony of the globe,
 A stone-still figure of high and godlike Pain
 Stared into Space with fixed regardless eyes
 That saw grief's timeless depths but not life's goal.
 Afflicted by his harsh divinity,
 330 Bound to his throne, he waited unappeased
 The daily oblation of her unwept tears.
 All the fierce question of man's hours relived.
 The sacrifice of suffering and desire
 Earth offers to the immortal Ecstasy
 335 Began again beneath the eternal Hand.
 Awake she endured the moments' serried march
 And looked on this green smiling dangerous world,
 And heard the ignorant cry of living things.
 Amid the trivial sounds, the unchanging scene
 340 Her soul arose confronting Time and Fate.
 Immobile in herself, she gathered force.
 This was the day when Satyavan must die.

End of Canto One

И все вернулось к ней: Земля, Любовь и Рок —
Извечные борцы вокруг воздвиглись,
Гиганты, что схватились в безднах ночи.
И началось богов противоборство,
Рожденных из пучины Несознания:
В тени ее пылающего сердца,
Во мрачном центре страшного сраженья,
Суровым стражем безутешной бездны,
Наследник вековечных мук земли,
Стыл богоравной Боли истукан,
Вперясь в пространство беспросветным зраком,
Что зрил не жизни цель, но вечность скорби.
Томим своим божественным терзаньем,
Прикован к своему престолу, ждал он,
Неутоленный, ежедневной дани
Ее таимых непролитых слез.
Вновь жизни смертной ожил яростный вопрос.
И жертвоприношение муки и желанья,
Что воздает земля бессмертному Экстазу,
Возобновилось вновь под вечной Дланью.
От сна очнувшись, медлила она,
Переноса мгновений ход сплоченный,
И глядя на цветущий грозный мир,
И слыша крик невежественных тварей.
Среди привычных образов и звуков
Ее душа противостала Року.
Безмолвствуя, она копила силу.
Так наступил день смерти Сатьявана.

Конец Песни первой

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Миссия

Canto Two

The Issue

[11] AWHILE, withdrawn in secret fields of thought,
Her mind moved in a many-imaged past
That lived again and saw its end approach:
Dying, it lived imperishably in her;
5 Transient and vanishing from transient eyes,
Invisible, a fateful ghost of self,
It bore the future on its phantom breast.
Along the fleeting event's far-backward trail
Regressed the stream of the insistent hours,
10 And on the bank of the mysterious flood
Peopled with well-loved forms now seen no more
And the subtle images of things that were,
Her witness spirit stood reviewing Time.
All that she once had hoped and dreamed and been,
15 Flew past her eagle-winged through memory's skies.
As in a many-hued flaming inner dawn,
Her life's broad highways and its sweet bypaths
Lay mapped to her sun-clear recording view,
From the bright country of her childhood's days
20 And the blue mountains of her soaring youth
And the paradise groves and peacock wings of Love
To joy clutched under the silent shadow of doom
In a last turn where heaven raced with hell.
Twelve passionate months led in a day of fate.
25 An absolute supernatural darkness falls
On man sometimes when he draws near to God:
An hour arrives when fail all Nature's means;
Forced out from the protecting Ignorance
And flung back on his naked primal need,
30 He at length must cast from him his surface soul
And be the ungarbed entity within:

МЕЖ тем, укрывшись в тайных сферах мысли,
Средь прежних сцен стремился ум ее,
В ожившем прошлом, свой конец познавшем,
Умершем, но живом вовеки в ней;
Истлев и сгинув прочь из тленных глаз,
Незримый, судьбоносный призрак «я»
Нес в зыбких недрах будущего явь.
По следу тающих событий вспять
Стремился ток часов неумолимых,
И на берегах таинственной реки,
Где жили, минув, милые обличья
И формы тонкие вещей прошедших,
Ее свидетель-дух вновь озирает былое.

Пробудившись, Савитри странствует в пространствах своей памяти: перед ее внутренним взором, словно в лучах многокрасочной пламенной зари, проходит вся ее жизнь, ее широкие главные дороги и милые сторонние тропки; все, о чем она когда-то мечтала, на что надеялась, чем была, словно на орлиных крыльях пролетает в небесах воспоминаний: светлая страна дней ее детства, голубые горы ее парящей юности, райские рощи и павлиньи крылья Любви и потом — недолгая радость, омраченная тенью рока, в последнем повороте ее жизни, где небеса состязались с адом. Она вспоминает последние двенадцать пылких месяцев, которые вели к этому дню судьбы.

Иногда, когда человек приближается к Богу, на него опускается совершенный мрак: приходит час, когда все средства его природы отказывают, и ему приходится отбросить свою поверхностную душу и быть своим сокровенным подлинным «я».

- [12] That hour had fallen now on Savitri.
 A point she had reached where life must be in vain
 Or, in her unborn element awake,
 35 Her will must cancel her body's destiny.
 For only the unborn spirit's timeless power
 Can lift the yoke imposed by birth in Time.
 Only the Self that builds this figure of self
 Can rase the fixed interminable line
 40 That joins these changing names, these numberless lives,
 These new oblivious personalities
 And keeps still lurking in our conscious acts
 The trail of old forgotten thoughts and deeds,
 Disown the legacy of our buried selves,
 45 The burdensome heirship to our vanished forms
 Accepted blindly by the body and soul.
 An episode in an unremembered tale,
 Its beginning lost, its motive and plot concealed,
 A once living story has prepared and made
 50 Our present fate, child of past energies.
 The fixity of the cosmic sequences
 Fastened with hidden inevitable links
 She must disrupt, dislodge by her soul's force
 Her past, a block on the Immortal's road,
 55 Make a rased ground and shape anew her fate.
 A colloquy of the original Gods
 Meeting upon the borders of the unknown,
 Her soul's debate with embodied Nothingness
 Must be wrestled out on a dangerous dim background:
 60 Her being must confront its formless Cause,
 Against the universe weigh its single self.
 On the bare peak where Self is alone with Nought
 And life has no sense and love no place to stand,
 She must plead her case upon extinction's verge,

Ныне этот час настал для Савитри. Она достигла точки, когда вся ее жизнь должна потерять свой смысл — или же, пробудив в себе изначальную нерожденную сущность, она своей волей должна отменить судьбу своего тела.

Ибо только вневременная сила нерожденного духа может сбросить ярмо, налагаемое рождением во Времени. Только высшая Личность, создающая это брэнное подобие личности, может победить непреложный ход кармического закона, связующий эти несчетные жизни и имена, отменить влияние забытых мыслей и дел и ниспровергнуть наследие наших отживших «я» и канувших форм, слепо принимаемое телом и душой.

Ведь наша судьба — плод энергий, которые мы привели в действие в прошлом. И ныне Савитри силой своей одинокой души должна низложить власть космического закона причины и следствия, отвести с пути глыбу своего прошлого — препятствие на пути Бессмертной, низошедшей в брэнный мир, и сотворить заново свою судьбу.

В столкновении первородных Богов ее душа должна вступить в противоборство с воплощенным Небытием и во вселенской пещере смерти отстоять беспомощные притязания гибнущей жизни и свое право быть и любить.

- 65 In the world's death-cave uphold life's helpless claim
 And vindicate her right to be and love.
 Altered must be Nature's harsh economy;
- [13] Acquittance she must win from her past's bond,
 An old account of suffering exhaust,
- 70 Strike out from Time the soul's long compound debt
 And the heavy servitudes of the Karmic Gods,
 The slow revenge of unforgiving Law
 And the deep need of universal pain
 And hard sacrifice and tragic consequence.
- 75 Out of a timeless barrier she must break,
 Penetrate with her thinking depths the Void's monstrous hush,
 Look into the lonely eyes of immortal Death
 And with her nude spirit measure the Infinite's night.
 The great and dolorous moment now was close.
- 80 A mailed battalion marching to its doom,
 The last long days went by with heavy tramp,
 Long but too soon to pass, too near the end.
 Alone amid the many faces loved,
 Aware among unknowing happy hearts,
- 85 Her armoured spirit kept watch upon the hours
 Listening for a foreseen tremendous step
 In the closed beauty of the inhuman wilds.
 A combatant in silent dreadful lists,
 The world unknowing, for the world she stood:
- 90 No helper had she save the Strength within;
 There was no witness of terrestrial eyes;
 The Gods above and Nature sole below
 Were the spectators of that mighty strife.

Ей предстоит изменить страшный уклад Природы, исчерпать прежний счет страданий, отменить затяжной множественный долг души перед Временем и сокрушить ее тяжкое рабство во власти у кармических Богов, преодолеть медленное возмездие ничего не забывающего Закона и глубокую необходимость вселенской боли, и тяжкие жертвы, и трагические последствия.

Ей предстоит посмотреть прямо в глаза бессмертной Смерти и своим обнаженным духом измерить ночь Бесконечного.

Последние долгие дни прошли тяжелой и вместе с тем слишком быстрой поступью, словно броненосная рать, неудержимо шагающая навстречу року, — и теперь великий скорбный час был недалек.

Любящие близкие вокруг нее ни о чем не догадывались, и лишь ее закованный в броню дух следил за ходом последних часов среди уединенной красоты великих безлюдных лесов.

Воительница на ужасной безмолвной арене, безвестная миру, она в одиночку стояла за весь мир, черпая поддержку и опору лишь в своей внутренней Силе. И только Боги свьше и Природа внизу, на земле, были свидетелями этой могучей битвы.

Around her were the austere sky-pointing hills,
 95 And the green murmurous broad deep-thoughted woods
 Muttered incessantly their muffled spell.
 A dense magnificent coloured self-wrapped life
 Draped in the leaves' vivid emerald monotone
 And set with chequered sunbeams and blithe flowers
 100 Immured her destiny's secluded scene.
 There had she grown to the stature of her spirit:
 The genius of titanic silences
 Steeping her soul in its wide loneliness
 [14] Had shown to her her self's bare reality
 105 And mated her with her environment.
 Its solitude greatedened her human hours
 With a background of the eternal and unique.
 A force of spare direct necessity
 Reduced the heavy framework of man's days
 110 And his overburdening mass of outward needs
 To a first thin strip of simple animal wants,
 And the mighty wildness of the primitive earth
 And the brooding multitude of patient trees
 And the musing sapphire leisure of the sky
 115 And the solemn weight of the slowly-passing months
 Had left in her deep room for thought and God.
 There was her drama's radiant prologue lived.
 A spot for the eternal's tread on earth
 Set in the cloistral yearning of the woods
 120 And watched by the aspiration of the peaks
 Appeared through an aureate opening in Time,
 Where stillness listening felt the unspoken word
 And the hours forgot to pass towards grief and change.

Вокруг расстилалась красота природы: бескрайние умудренные леса, строгие величавые холмы, устремленные к небу, чудные беспечные цветы посреди роскошной изумрудной зелени, пронизанной солнечными лучами, — такова была уединенная сцена, на которой развернулась битва ее души с судьбой. Здесь ее дух достиг своей высшей стати.

Одухотворенная тишина титанических безмолвий, осеняющая необозримые лесные просторы, обняла ее своим безграничным одиночеством и открыла ей обнаженную реальность ее души.

Здесь она жила среди величия и уединенности лесного царства, на лоне могучей первозданной природы, в окружении сонма терпеливых созерцательных деревьев под задумчивой негой сапфириногo небосвода; и в условиях простой отшельнической жизни, избавляющей человека от бремени нескончаемых нужд и забот, на протяжении торжественных медленно шествующих месяцев она обрела в себе глубокое странство для размышления и для Бога.

Здесь был прожит великолепный пролог ее драмы в блаженном единении с возлюбленным, когда часы забывали идти к року и горю.

Here with the suddenness divine advents have,
 125 Repeating the marvel of the first descent,
 Changing to rapture the dull earthly round,
 Love came to her hiding the shadow, Death.
 Well might he find in her his perfect shrine.
 Since first the earth-being's heavenward growth began,
 130 Through all the long ordeal of the race,
 Never a rarer creature bore his shaft,
 That burning test of the godhead in our parts,
 A lightning from the heights on our abyss.
 All in her pointed to a nobler kind.
 135 Near to earth's wideness, intimate with heaven,
 Exalted and swift her young large-visioned spirit
 Voyaging through worlds of splendour and of calm
 Overflowed the ways of Thought to unborn things.
 Ardent was her self-poised un stumbling will;
 [15] 140 Her mind, a sea of white sincerity,
 Passionate in flow, had not one turbid wave.
 As in a mystic and dynamic dance
 A priestess of immaculate ecstasies
 Inspired and ruled from Truth's revealing vault
 145 Moves in some prophet cavern of the gods,
 A heart of silence in the hands of joy
 Inhabited with rich creative beats
 A body like a parable of dawn
 That seemed a niche for veiled divinity
 150 Or golden temple-door to things beyond.
 Immortal rhythms swayed in her time-born steps;

Здесь с внезапностью, свойственной божественным пришествиям, повторяя чудо своего первого нисхождения, преобразая восторгом серое земное окружение, к ней пришла Любовь, тенью скрывая в себе Смерть.

Любовь обрела в Савитри свою совершенную обитель. С тех пор, как начался рост земного существа к небу, на протяжении всей нелегкой истории человеческого рода, исполненной тягот и испытаний, никогда ни в одном создании не проявлялись с такой полнотой ее великолепие и сила, этот испытующий пламень божества в наших членах, эта молния с высших высей, озаряющая наши бездны. Ибо Савитри была непохожа на обычных смертных.

Все говорило в ней о высшем роде.
Обняв земной простор, высок и светел,
Единый с небом, юный дух ее,
Паря в мирах безмолвия и чуда,
На крыльях Мысли уносился в вечность.
В ней негасимая пылала воля;
В ней, морем белой искренности, разум
Вскипал волнами горней чистоты.
Как жрица непорочного экстаза,
Мистическое совершая действие,
Танцует, зову Истины подвластна,
В пророческой обители богов,
Так сердце тишины в ладонях счастья
Питало током вдохновенным тело,
Подобное предвестию зари,
Укромной нише, скрывшей божество,
Златой двери во храм надмирных таинств.
В ее деяньях жил бессмертный ритм;

- Her look, her smile awoke celestial sense
 Even in earth-stuff, and their intense delight
 Poured a supernal beauty on men's lives.
 155 A wide self-giving was her native act;
 A magnanimity as of sea or sky
 Enveloped with its greatness all that came
 And gave a sense as of a greatedened world:
 Her kindly care was a sweet temperate sun,
 160 Her high passion a blue heaven's equipoise.
 As might a soul fly like a hunted bird,
 Escaping with tired wings from a world of storms,
 And a quiet reach like a remembered breast,
 In a haven of safety and splendid soft repose
 165 One could drink life back in streams of honey-fire,
 Recover the lost habit of happiness,
 Feel her bright nature's glorious ambience,
 And preen joy in her warmth and colour's rule.
 A deep of compassion, a hushed sanctuary,
 170 Her inward help unbarred a gate in heaven;
 Love in her was wider than the universe,
 The whole world could take refuge in her single heart.
 The great unsatisfied godhead here could dwell:
 Vacant of the dwarf self's imprisoned air,
 175 Her mood could harbour his sublimer breath
 [16] Spiritual that can make all things divine.
 For even her gulfs were secrecies of light.
 At once she was the stillness and the word,
 A continent of self-diffusing peace,
 180 An ocean of untrembling virgin fire;
 The strength, the silence of the gods were hers.

Глубокий отклик пробуждала в душах
Ее улыбка, взор ее блаженный
Земную полнил жизнь красой небес.
В ней ликовало жертвенности пламя;
Ее великодушие, как солнце,
Своим величием озаряло жизнь
И словно возвышало все вокруг:
В ней доброта сияла нежным светом
И билась страсть дыханием высот.
Как птицею взвивается душа
Из царства бурь на крыльях утомленных,
Стремясь обратно в лоно тишины,
В обитель мира, в небеса покоя,
Так из огня ее медвяных рек
Усталый пил живительную силу
И воскрешал в себе обычай счастья,
Вбирал ее пресветлое сиянье
И нежился в игре тепла и цвета.
Ее благая внутренняя помощь —
Обитель сострадания, тихий храм —
Ворота открывала в поднебесье;
Любовь ее вселенную объяла,
Весь мир укрылся в сердце у нее.
Там всюду был возвышенный эфир —
Не душный воздух замкнутого эго;
Там жил великий бог неутоленный:
Поток его небесного дыханья
Божественность повсюду пробуждал.
Во тьме ее глубин таился свет.
В ней были и Молчание, и Слово,
И континент незыблемого мира,
И океан бессмертного огня;
Она была безмолвьем, силой свыше.

In her he found a vastness like his own,
His high warm subtle ether he refound
And moved in her as in his natural home.

185 In her he met his own eternity.

Till then no mournful line had barred this ray.
On the frail breast of this precarious earth,
Since her orb'd sight in its breath-fastened house,
Opening in sympathy with happier stars
190 Where life is not exposed to sorrowful change,
Remembered beauty death-claimed lids ignore
And wondered at this world of fragile forms
Carried on canvas-strips of shimmering Time,
The impunity of unborn Might's was hers.
195 Although she leaned to bear the human load,
Her walk kept still the measures of the gods.
Earth's breath had failed to stain that brilliant glass:
Unsmear'd with the dust of our mortal atmosphere
It still reflected heaven's spiritual joy.
200 Almost they saw who lived within her light
Her playmate in the sempiternal spheres
Descended from its unattainable realms
In her attracting advent's luminous wake,
The white-fire dragon-bird of endless bliss
205 Drifting with burning wings above her days:
Heaven's tranquil shield guarded the missioned child.

В ней бог Любви нашел широту, подобную собственной, в ней он заново обрел свой высокий, теплый, тонкий эфир и жил в ней как в своей естественной обители. В ней он встретил собственную вечность.

До сих пор Савитри — этот божественный луч свыше — ни разу не встречала на своем пути горестной преграды. В ней проявилась нерожденная Сила, которая даже на брэнном лоне этой рискованной, ненадежной земли сохраняла свою высшую неприкосновенность — с тех самых пор, как в этом вместилище, оживляемом смертным дыханием, она открыла очи, сиявшие в родстве со счастливыми звездами, где жизнь не подвержена горестным перипетиям, и помнившие красоту, недоступную взору смертных, и с удивлением взирала на этот мир недолговечных форм, нанесенный на холщовые полотна мерцающего Времени.

Даже низойдя сюда, чтобы принять на себя человеческое бремя, она сохраняла поступь, присущую богам. Дыхание земли не смогло омрачить этого блистающего зеркала: незапятнанное пылью смертной атмосферы, оно по-прежнему отражало в себе духовную радость неба.

Кто жил в ее сиянии, мог узреть
Ее подругу из нетленных сфер,
Нисшедшую из царств недостижимых
За нею вслед, в ее зовущий свет, —
В разлете огнебелых пылких крыл
Драконоптицу вечного блаженства,
Парящую над бдением дней ее:
Покойный щит небес хранил дитя-мессию.

A glowing orbit was her early term,
Years like gold raiment of the gods that pass;
Her youth sat throned in calm felicity.
210 But joy cannot endure until the end:
[17] There is a darkness in terrestrial things
That will not suffer long too glad a note.
On her too closed the inescapable Hand:
The armed Immortal bore the snare of Time.
215 One dealt with her who meets the burdened great.
Assigner of the ordeal and the path
Who chooses in this holocaust of the soul
Death, fall and sorrow as the spirit's goads,
The dubious godhead with his torch of pain
220 Lit up the chasm of the unfinished world
And called her to fill with her vast self the abyss.
August and pitiless in his calm outlook,
Heightening the Eternal's dreadful strategy,
He measured the difficulty with the might
225 And dug more deep the gulf that all must cross.
Assailing her divinest elements,
He made her heart kin to the striving human heart
And forced her strength to its appointed road.

Ее ранние годы были озарены светом и подобны золотым одежаниям проходящих богов; ее юность царила в тихом счастье.

Но радость не может длиться вечно: в земных вещах скрывается мрак, который не может долго выносить слишком счастливой ноты.

И вот на нее тоже легла эта неотвратимая Длань: во всеоружии своего бессмертного духа она оказалась в западне Времени. Ею занялся тот, кто встречает всех обремененных великой ношей: сомнительное божество, через испытания открывающее путь вперед, смертью, падением и горем подхлестывающее дух на его дороге, озарило своим факелом боли бездну незавершенного мира и призвало Савитри заполнить ее своей беспредельной душой.

Выполняя ужасающий стратегический замысел Вечного, этот покойный безжалостный бог соизмерил предлагаемую трудность с могуществом Савитри и разверз перед нею пропасть более глубокую, чем приходится преодолевать всем остальным. Бросая вызов ее божественной сути, он заставил ее сердце сопережить то, что испытывают страждущие сердца обычных людей, и вынудил ее силу направиться предназначенным ей путем.

For this she had accepted mortal breath;
 230 To wrestle with the Shadow she had come
 And must confront the riddle of man's birth
 And life's brief struggle in dumb Matter's night.
 Whether to bear with Ignorance and death
 Or hew the ways of Immortality,
 235 To win or lose the godlike game for man,
 Was her soul's issue thrown with Destiny's dice.
 But not to submit and suffer was she born;
 To lead, to deliver was her glorious part.
 Here was no fabric of terrestrial make
 240 Fit for a day's use by busy careless Powers.
 An image fluttering on the screen of Fate,
 Half-animated for a passing show,
 Or a castaway on the ocean of Desire
 Flung to the eddies in a ruthless sport
 245 And tossed along the gulfs of Circumstance,
 A creature born to bend beneath the yoke,
 [18] A chattel and a plaything of Time's lords,
 Or one more pawn who comes destined to be pushed
 One slow move forward on a measureless board
 250 In the chess-play of the earth-soul with Doom,—
 Such is the human figure drawn by Time.
 A conscious frame was here, a self-born Force.

Для этого она родилась смертной:
Сразиться с Тенью низошла она,
Познать загадку брэнного рожденья
И жизни краткий бой во тьме Материи.
Смириться с тьмой, неведением и смертью
Иль властно проторить пути к Бессмертью,
В божественной игре за человека
Поставить на кон все и победить
Иль проиграть в той партии с Судьбою —
Такой душе ее достался жребий.
Но не смиряться, не страдать она пришла;
Вести, освобождать — ее удел великий.

Это было не обычное существо земного производства, созданное в угоду беззаботным Силам.

Зыбкий образ, мнимо оживающий на экране Судьбы в скоротечном фильме; или жертва кораблекрушения, скитающаяся в океане Желания и мечущаяся по волнам безжалостной стихии игрушкой яростных вихрей, затерявшейся в безднах обстоятельств; или подневольная тварь, рожденная чтобы гнуться под ярмом и забавлять своенравных владык Времени; или еще одна из множества пешек, чей удел — быть передвинутой всего на одну клетку вперед на бесконечной шахматной доске в партии земной души с Роком, — такой предстает фигура человека, начертанная Временем. Но не такой была Савитри: это был сознательный сосуд, самородная Сила.

Но не лоскут земной непрочной ткани
В руках небрежных равнодушных Сил —
Она собой явила на земле
Сосуд Сознания, самородной Мощи.

In this enigma of the dusk of God,
 This slow and strange uneasy compromise
 255 Of limiting Nature with a limitless Soul,
 Where all must move between an ordered Chance
 And an uncaring blind Necessity,
 Too high the fire spiritual dare not blaze.
 If once it met the intense original Flame,
 260 An answering touch might shatter all measures made
 And earth sink down with the weight of the Infinite.
 A gaol is this immense material world:
 Across each road stands armed a stone-eyed Law,
 At every gate the huge dim sentinels pace.
 265 A grey tribunal of the Ignorance,
 An Inquisition of the priests of Night
 In judgment sit on the adventurer soul,
 And the dual tables and the Karmic norm
 Restrain the Titan in us and the God:
 270 Pain with its lash, joy with its silver bribe
 Guard the Wheel's circling immobility.
 A bond is put on the high-climbing mind,
 A seal on the too large wide-open heart;
 Death stays the journeying discoverer, Life.
 275 Thus is the throne of the Inconscient safe
 While the tardy coilings of the aeons pass
 And the Animal browses in the sacred fence
 And the gold Hawk can cross the skies no more.

Здесь, в этой загадке Божьего сумрака, в этом странном ненадежном компромиссе ограничивающей Природы с безграничной Душой, где все подвластно то ли упорядоченному Случаю, то ли беспорядочной слепой Предопределенности, духовный огонь не решается вспыхнуть слишком сильно. Если бы здесь вдруг воспыало могучее первородное Пламя, оно поколебало бы все устои и мерила и земля могла бы не выдержать бремени Бесконечного.

Весь этот материальный мир — лишь безмерная темница: каждый путь здесь преграждает вооруженный каменноглазый Закон; у каждых врат высится исполинский сумрачный страж. Серый трибунал Неведения, инквизиция жрецов Ночи, вершит суд над странницей-душой; скрижали двойственностей и кармическое предназначение сковывают в нас титана и бога: бич боли и серебряники радости сохраняют незыблемым вращение грандиозного Колеса.

Разум, стремящийся к высотам, сдерживают оковы; сердце стесняют печати, не давая ему стать слишком большим и распахнуться слишком широко; Смерть преграждает путь первооткрывательнице Жизни.

Так сохраняется самодержавная власть Несознания, в то время как медленно проходят витки эпох, и Животное пасется в священном саду, и золотой Сокол уже не может пролететь в небесах.

But one stood up and lit the limitless flame.
 280 Arraigned by the dark Power that hates all bliss
 In the dire court where life must pay for joy,
 Sentenced by the mechanic justicer
 [19] To the afflicting penalty of man's hopes,
 Her head she bowed not to the stark decree
 285 Baring her helpless heart to destiny's stroke.
 So bows and must the mind-born will in man
 Obedient to the statutes fixed of old,
 Admitting without appeal the nether gods.
 In her the superhuman cast its seed.
 290 Inapt to fold its mighty wings of dream
 Her spirit refused to hug the common soil,
 Or, finding all life's golden meanings robbed,
 Compound with earth, struck from the starry list,
 Or quench with black despair the God-given light.
 295 Accustomed to the eternal and the true,
 Her being conscious of its divine founts
 Asked not from mortal frailty pain's relief,
 Patched not with failure bargain or compromise.
 A work she had to do, a word to speak:
 300 Writing the unfinished story of her soul
 In thoughts and actions graved in Nature's book,
 She accepted not to close the luminous page,
 Cancel her commerce with eternity,
 Or set a signature of weak assent
 305 To the brute balance of the world's exchange.

Но вот нашлась та, которая восстала и зажгла беспредельное пламя. Привлеченная к суду мрачной Силой, ненавидящей всякое блаженство, в ужасном судилище, где жизнь должна расплачиваться за радость, осужденная механистичным правосудием на горестное наказание человеческих надежд, она не склонила головы перед неопровержимым приговором, не обнажила беспомощного сердца для удара судьбы.

Так вынуждена смиряться уморожденная воля в человеке, покорная утвержденным издревле предписаниям, безропотно подчиняющаяся низшим богам. Но в ней сверхчеловек свое посеял семя. Не желая сложить свои могучие крылья мечты, ее дух отказался довольствоваться обычным земным уделом и пресмыкаться на заурядной почве, или под угрозой, что весь золотой смысл ее жизни будет похищен, — примириться с бранным прозябанием, быть вычеркнутым из звездного списка или омрачить Богоданный свет черным отчаянием.

Привыкшее к вечному и истинному, ее существо осознавало свои божественные истоки и не искало в смертной хрупкости облегчения боли, как и не допускало никакой сделки или компромисса с поражением.

Ей предстояло совершить великую работу, изречь для людей новое слово. Слагая незаконченное сказание своей души мыслями и действиями, запечатленными в книге Природы, она отказалась закрыть светоносную страницу, прекратить свое общение с вечностью или поставить подпись бессильного согласия под жестоким балансом мировых расчетов.

A force in her that toiled since earth was made,
 Accomplishing in life the great world-plan,
 Pursuing after death immortal aims,
 Repugned to admit frustration's barren role,
 310 Forfeit the meaning of her birth in Time,
 Obey the government of the casual fact
 Or yield her high destiny up to passing Chance.
 In her own self she found her high recourse;
 She matched with the iron law her sovereign right:
 315 Her single will opposed the cosmic rule.
 To stay the wheels of Doom this greatness rose.
 At the Unseen's knock upon her hidden gates
 Her strength made greater by the lightning's touch
 [20] Awoke from slumber in her heart's recess.
 320 It bore the stroke of That which kills and saves.
 Across the awful march no eye can see,
 Barring its dreadful route no will can change,
 She faced the engines of the universe;
 A heart stood in the way of the driving wheels:
 325 Its giant workings paused in front of a mind,
 Its stark conventions met the flame of a soul.
 A magic leverage suddenly is caught
 That moves the veiled Ineffable's timeless will:
 A prayer, a master act, a king idea
 330 Can link man's strength to a transcendent Force.
 Then miracle is made the common rule,
 One mighty deed can change the course of things;
 A lonely thought becomes omnipotent.

Сила в ней, которая трудилась с тех пор, как была создана земля, осуществляя в жизни великий всемирный план, воспротивилась тому, чтобы смириться с бесплодной неудачей, позволить лишиться смысла свое рождение во Времени, подчинить свое высокое предназначение власти слепого Случая.

Она нашла спасение в собственном духе и ниспровергла железный космический закон нерушимым правом своей всевластной воли. Ее подлинное величие проявилось в ней, чтобы остановить колеса Рока. В ответ на стук Незримого в ее тайные врата ее могучая сила, пробужденная прикосновением молнии, восстала из сна в тайниках сердца и вынесла удар Того, который губит и спасает.

И волей встретив страшный марш незримый,
Прозрев его ужасный ход неумолимый,
Она противостала мировой машине;
И сердце преградило ход колесам Рока;
И встал безмерный механизм вселенский,
Столкнувшись с разумом несокрушимым,
И рухнул косный свод его законов
Во пламени души непобедимой.
Был найден вдруг магический рычаг,
Что движет тайной волей Несказанного:
Молитва, подвиг, мысли властный взлет
Даруют смертным силу Абсолюта.
И чудо предстает обычным делом,
Один могучий шаг меняет ход событий;
Единственная мысль всевластие стяжает.

All now seems Nature's massed machinery;
 335 An endless servitude to material rule
 And long determination's rigid chain,
 Her firm and changeless habits aping Law,
 Her empire of unconscious deft device
 Annul the claim of man's free human will.
 340 He too is a machine amid machines;
 A piston brain pumps out the shapes of thought,
 A beating heart cuts out emotion's modes;
 An insentient energy fabricates a soul.
 Or the figure of the world reveals the signs
 345 Of a tied Chance repeating her old steps
 In circles around Matter's binding-posts.
 A random series of inept events
 To which reason lends illusive sense, is here,
 Or the empiric Life's instinctive search,
 350 Or a vast ignorant mind's colossal work.
 But wisdom comes, and vision grows within:
 Then Nature's instrument crowns himself her king;
 He feels his witnessing self and conscious power;
 His soul steps back and sees the Light supreme.
 [21] 355 A Godhead stands behind the brute machine.
 This truth broke in in a triumph of fire;
 A victory was won for God in man,
 The deity revealed its hidden face.

Все ныне кажется безмерным механизмом,
Машиною Природы исполинской;
Извечный гнет устоев материальных,
Незыблемая цепь предназначенья,
Материи привычки вековые,
Что представляются Законом вечным,
Ярмо механистичности бездушной
Сковали человека тяжким рабством,
Лишили права на свободу воли.
Он тоже — лишь машина среди машин;
Как молот, мозг кует формовки мыслей,
Стуча, шаблоны чувств штампует сердце;
Слепая сила фабрикует душу.
Иль образ мира нам являет знаки
Шагов случайности в извечном круге,
Прикованной к столбу Материи.
Бессвязный ход бессмысленных событий
В уме стяжает иллюзорный смысл,
Иль все — лишь Жизни инстинктивный поиск
Иль колоссальный труд Ума незрячий.
Но виденье возрастает в нас и мудрость:
Природы инструмент теперь ей — царь;
В себе он чувствует свидетельное «я»,
В себе находит он сознательную силу;
Душа глядит в себя и видит Свет всевышний.
В нас Бог стоит за механизмом грубым.
И он явился в огненном триумфе
И одержал победу в человеке —
Свой тайный лик раскрыло божество.

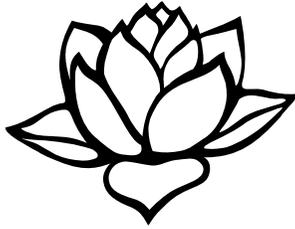
The great World-Mother now in her arose:
360 A living choice reversed fate's cold dead turn,
Affirmed the spirit's tread on Circumstance,
Pressed back the senseless dire revolving Wheel
And stopped the mute march of Necessity.
A flaming warrior from the eternal peaks
365 Empowered to force the door denied and closed
Smote from Death's visage its dumb absolute
And burst the bounds of consciousness and Time.

End of Canto Two

В ней проявилась Мать мироздания:
Могучий выбор пламенной души,
Твердя всевластье духа над судьбою,
Остановил глухую поступь Рока,
Колес вселенских страшный ход бездумный
И марш холодный Предопределенья.
Воитель-дух, сошедший с вечных пиков,
Направил вспять судьбы мертвящий путь,
Всесилье сбил с немой личины Смерти,
И распахнул запретные врата,
Закрытые вовек, и сокрушил
Сознания и Времени пределы.

Конец Песни второй

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

**Йога царя:
Йога освобождения души**

Canto Three

**The Yoga of the King:
The Yoga of the Soul's Release**

[22] A world's desire compelled her mortal birth.
One in the front of the immemorial quest,
Protagonist of the mysterious play
In which the Unknown pursues himself through forms
5 And limits his eternity by the hours
And the blind Void struggles to live and see,
A thinker and toiler in the ideal's air,
Brought down to earth's dumb need her radiant power.
His was a spirit that stooped from larger spheres
10 Into our province of ephemeral sight,
A colonist from immortality.
A pointing beam on earth's uncertain roads,
His birth held up a symbol and a sign;
His human self like a translucent cloak
15 Covered the All-Wise who leads the unseeing world.
Affiliated to cosmic Space and Time
And paying here God's debt to earth and man
A greater sonship was his divine right.
Although consenting to mortal ignorance,
20 His knowledge shared the Light ineffable.
A strength of the original Permanence
Entangled in the moment and its flow,
He kept the vision of the Vasts behind:
A power was in him from the Unknowable.
25 An archivist of the symbols of the Beyond,
A treasurer of superhuman dreams,
He bore the stamp of mighty memories
And shed their grandiose ray on human life.
His days were a long growth to the Supreme.

ОТВЕТСТВУЯ всемирному желанью,
Она родилась смертной на земле.
Исканий вечных одинокий вождь,
Заглавный персонаж вселенской драмы —
Мистерии, игры, в которой ищет
Неведомый себя в несметных формах,
Свою скрывая вечность в беге дней,
И Пустота слепая рвется жить и видеть,—
Мыслитель, зодчий в сферах идеала,
Низвел ее сияющую силу,
Земли немую жажду утолив.
Из высших царств явился дух его
В наш уголок обманчивых обличей,
Первопроходец из бессмертных сфер.
Он воссиял звездой путеводной,
Знаменьем на путях земли неверных;
В нем человек, прозрачным облаченьем,
Поводыря Всезрящего скрывал.
Рожден в Пространстве-Времени вселенском,
Божественности сын законоправный,
Он Божью дань воздал земле и людям.
Хоть низошел в невежество земное,
Все ж ведал он неизреченный Свет.
Поток из Неизменности первичной
Завороженный чередой мгновений,
Иных миров он различал простор,
В непостижимых сферах черпал силу.
Знамений Запредельности хранитель,
Мечты сверхчеловеческой блюститель,
Он был отмечен памятью нездешней
И ею озарял свой путь земной.
Вся жизнь его была движеньем к Богу.

- 30 A skyward being nourishing its roots
 [23] On sustenance from occult spiritual founts
 Climbed through white rays to meet an unseen Sun.
 His soul lived as eternity's delegate,
 His mind was like a fire assailing heaven,
- 35 His will a hunter in the trails of light.
 An ocean impulse lifted every breath;
 Each action left the footprints of a god,
 Each moment was a beat of puissant wings.
 The little plot of our mortality
- 40 Touched by this tenant from the heights became
 A playground of the living Infinite.
 This bodily appearance is not all;
 The form deceives, the person is a mask;
 Hid deep in man celestial powers can dwell.
- 45 His fragile ship conveys through the sea of years
 An incognito of the Imperishable.
 A spirit that is a flame of God abides,
 A fiery portion of the Wonderful,
 Artist of his own beauty and delight,
- 50 Immortal in our mortal poverty.
 This sculptor of the forms of the Infinite,
 This screened unrecognised Inhabitant,
 Initiate of his own veiled mysteries,
 Hides in a small dumb seed his cosmic thought.
- 55 In the mute strength of the occult Idea
 Determining predestined shape and act,
 Passenger from life to life, from scale to scale,
 Changing his imaged self from form to form,
 He regards the icon growing by his gaze
- 60 And in the worm foresees the coming god.

Дитя небес, питаемое щедро
Нектаром тайных родников духовных,
Влек белый луч к невидимому Солнцу.
Душа его несла с собою вечность,
И разум, как огонь, взвивался к небу,
И воля, ловчим, настигала свет.
Был каждый вздох движеньем океана,
И каждый шаг являл деянье бога,
И каждый миг был взмахом крыл могучих.
Интрижка нашей смертности ничтожной
С приходом гостя свыше вдруг предстала
Игрою Бесконечности живой.
Покров телесный — не предел всего;
Обманчив внешний вид и личность-маска;
Великих тайных сил исполнен смертный.
В суденышке его по морю лет
Инкогнито стремится вдаль Нетленный.
В нем дух таится пламенем Господним,
Всечудного пылающей частицей —
Творец своей же красоты и счастья,
Бессмертный в нашей брэнной нищете.
Обличий Бесконечности ваятель,
Загадочный неузнанный Жилец,
Ведун своих же сокровенных таинств,
В немом ничтожном семени он прячет
Своей вселенской мысли широту.
Вобрав немую силу Провиденья,
Что облакает будущее в явь,
Космических ступеней покоритель,
Из жизни в жизнь идя, от формы к форме,
Сменяя воображаемые «я»,
Он видит впереди блаженный образ,
Растущий под его упорным взором,
Он зрит, как из червя взрастает бог.

At last the traveller in the paths of Time
 Arrives on the frontiers of eternity.
 In the transient symbol of humanity draped,
 He feels his substance of undying self
 65 And loses his kinship to mortality.
 A beam of the Eternal smites his heart,
 [24] His thought stretches into infinitude;
 All in him turns to spirit vastnesses.
 His soul breaks out to join the Oversoul,
 70 His life is oceaned by that superlife.
 He has drunk from the breasts of the Mother of the worlds;
 A topless Supernature fills his frame:
 She adopts his spirit's everlasting ground
 As the security of her changing world
 75 And shapes the figure of her unborn might.
 Immortally she conceives herself in him,
 In the creature the unveiled Creatrix works:
 Her face is seen through his face, her eyes through his eyes;
 Her being is his through a vast identity.
 80 Then is revealed in man the overt Divine.
 A static Oneness and dynamic Power
 Descend in him, the integral Godhead's seals;
 His soul and body take that splendid stamp.
 A long dim preparation is man's life,
 85 A circle of toil and hope and war and peace
 Tracked out by Life on Matter's obscure ground.
 In his climb to a peak no feet have ever trod,
 He seeks through a penumbra shot with flame
 A veiled reality half-known, ever missed,

Однажды странник на путях Времен
Все ж преступает вечности границы.
Проникнув в символ бранный человека,
Он ощущает свой нетленный дух
И смертности отбрасывает узы.
Зарница Вечного ему пронзает сердце
И мысль его уносится в безбрежность;
Все в нем стремится к широте духовной.
Душа его взмывает к Сверхдуше,
В жизнь нистекает океан сверхжизни.
Его питает грудью Мать мира;
Он полнится всевышней Сверхприродой:
Его всевечный пробуждая дух,
Она творит нетленную основу
Для своего изменчивого мира
И лепит вечных сил своих сосуд.
Бессмертно в нем себя она провидит,
В создании труд Создательницы явлен:
В его лице ее проявлен лик,
В его глазах ее сияют очи;
Он ею стал в безбрежном единении.
Так Божество себя являет в смертном.
Покой Единства и активность Силы
Нисходят свыше в душу, в плоть его,
Печатью дивной целостного Бога.
Жизнь человека — долгий смутный поиск
В кругу трудов, надежд, войн, перемирий,
Что Жизнью был проложен испокон
На сумрачной материальной почве.
Взбираясь ввысь, к непокоренным пикам,
Взыскует он, огнем сражая тьму,
Непознанную тайную реальность:

- 90 A search for something or someone never found,
Cult of an ideal never made real here,
An endless spiral of ascent and fall
Until at last is reached the giant point
Through which his Glory shines for whom we were made
- 95 And we break into the infinity of God.
Across our nature's border line we escape
Into Supernature's arc of living light.
This now was witnessed in that son of Force;
In him that high transition laid its base.
- 100 Original and supernal Immanence
Of which all Nature's process is the art,
The cosmic Worker set his secret hand
- [25] To turn this frail mud-engine to heaven-use.
A Presence wrought behind the ambiguous screen:
- 105 It beat his soil to bear a Titan's weight,
Refining half-hewn blocks of natural strength
It built his soul into a statued god.
The Craftsman of the magic stuff of self
Who labours at his high and difficult plan
- 110 In the wide workshop of the wonderful world,
Modelled in inward Time his rhythmic parts.
Then came the abrupt transcendent miracle:
The masked immaculate Grandeur could outline,
At travail in the occult womb of life,
- 115 His dreamed magnificence of things to be.
A crown of the architecture of the worlds,
A mystery of married Earth and Heaven
Annexed divinity to the mortal scheme.

Стремясь к тому, что вечно ускользает,
К мечте, что не сбылась еще доселе,
В спирали вечной взлетов и падений
Однажды всходит он к безмерной точке,
Где Тот сияет, для кого он создан,
И воспаряет в бесконечность Бога,
Взмывает за рубеж своей природы
В разлет живого света Сверхприроды.

Вот что свершалось с этим сыном Силы;
Тот высший переход вершился в нем.
Первичный и всевышний Имманентный,
Что всей Природы создает шедевр,
Вселенский Труженик рукою тайной
Наладил хрупкий прахо-механизм
И обратил его на службу небу.
Теперь Присутствие трудилось в смертном,
Сокрывшись той обманчивой завесой,
И наливало силой бранный прах,
Чтоб смертный мог принять титана бремя,
И, отесав скалу природной мощи,
Скульптурой бога в нем воздвигло душу.
Мастеровой волшебной сути «я»,
Что воплощает замысел свой сложный
В бескрайней, дивной мастерской-вселенной,
Теперь наполнил внутреннее Время
Моделями своих частей ритмичных.
И вот всевышнее свершилось чудо:
Пречистый Грандиозный, скрытый в маске,
Смог начертать в заветном лоне жизни
Свой чудный образ грезы о грядущем.
Венец архитектуры мироздания,
Мистический союз Земли и Неба
Божественность придали смертной схеме.

- A Seer was born, a shining Guest of Time.
 120 For him mind's limiting firmament ceased above.
 In the griffin forefront of the Night and Day
 A gap was rent in the all-concealing vault;
 The conscious ends of being went rolling back:
 The landmarks of the little person fell,
 125 The island ego joined its continent.
 Overpassed was this world of rigid limiting forms:
 Life's barriers opened into the Unknown.
 Abolished were conception's covenants
 And, striking off subjection's rigorous clause,
 130 Annulled the soul's treaty with Nature's nescience.
 All the grey inhibitions were torn off
 And broken the intellect's hard and lustrous lid;
 Truth unpartitioned found immense sky-room;
 An empyrean vision saw and knew;
 135 The bounded mind became a boundless light,
 The finite self mated with infinity.
 His march now soared into an eagle's flight.
 Out of apprenticeship to Ignorance
 [26] Wisdom upraised him to her master craft
 140 And made him an archmason of the soul,
 A builder of the Immortal's secret house,
 An aspirant to supernal Timelessness:
 Freedom and empire called to him from on high;
 Above mind's twilight and life's star-led night
 145 There gleamed the dawn of a spiritual day.

Пророк родился, Гость пресветлый тленья.
Над ним исчез ума теснящий свод.
В грифоновом обличе Дня и Ночи
Расторглась брешь во всеокрывшей тверди;
Края сознания вновь, волнуясь, слились:
Низверглись жалкой личности преграды,
С материком сомкнулся остров эго.
Мир тесных форм остался позади:
В Безвестное раскрылись створы Жизни.
Расторгнут был кабальный договор
Души земной с неведеньем Природы,
Отменены статьи условий тяжких
И вычеркнута оговорка рабства.
Разорван был запретов серых круг,
Разбит колпак блестящий интеллекта;
Неразобщенно Истина простерлась
В небесной шири новообретенной;
Все обнимало горнее прозренье;
Стесненный ум стал всесвободным светом,
В конечном «я» разверзлась бесконечность.
Стал марш его теперь орлиным взлетом.
Из ученичества в Неведеньи
Мудрость внесла его в свою искусность:
Он был теперь души великий зодчий,
Строитель храма тайного Бессмертья,
Вневременья святого соискатель:
Свобода, мощь к нему зывали свыше;
Над полутьмою разума неверной,
Над звездами ведомой ночью жизни
Зарею занялся духовный день.

As so he grew into his larger self,
Humanity framed his movements less and less;
A greater being saw a greater world.
A fearless will for knowledge dared to erase
150 The lines of safety Reason draws that bar
Mind's soar, soul's dive into the Infinite.
Even his first steps broke our small earth-bounds
And loitered in a vaster freer air.
In hands sustained by a transfiguring Might
155 He caught up lightly like a giant's bow
Left slumbering in a sealed and secret cave
The powers that sleep unused in man within.
He made of miracle a normal act
And turned to a common part of divine works,
160 Magnificently natural at this height,
Efforts that would shatter the strength of mortal hearts,
Pursued in a royalty of mighty ease
Aims too sublime for Nature's daily will:
The gifts of the spirit crowding came to him;
165 They were his life's pattern and his privilege.
A pure perception lent its lucent joy:
Its intimate vision waited not to think;
It enveloped all Nature in a single glance,
It looked into the very self of things;
170 Deceived no more by form he saw the soul.

Так восходя к своей верховной сути,
Срывая человеческого узы,
Он обретал божественность свою:
Великий дух постиг великий мир.
К познанию бестрепетная воля
Посмела преступить рубеж заветный,
Что начертал Рассудок, преграждая
Полет ума, бросок души в Безбрежье.
Он сокрушил при первых же шагах
Земные наши жалкие оковы
И воспарил в привольные просторы.
В руках, обретших сказочную мощь,
Он укротил легко, как лук титанов,
Хранившийся в пещере заповедной,
Те силы, что без пользы в людях спят.
Он сделал чудо будничным явленьем
И наполнил ширь божественных работ,
Блистательно обычных в этой выси,
Трудами, непосильными для смертных,
И в силе самовластного покоя
К возвышенным стремился горизонтам,
Далеким от убогих бранных дел.
К нему пришел даров духовных сонм
Наградой и украшеньем жизни.
Он причастился ясного сознанья
И жил в прозрачной радости его:
Медлительной не дожидаясь мысли,
Все постигал он виденьем глубинным;
Он обнимал весь мир единым взором,
Он видел всякой вещи тайный смысл
И больше не обманывался формой.

In beings it knew what lurked to them unknown;
 It seized the idea in mind, the wish in the heart;
 It plucked out from grey folds of secrecy
 [27] The motives which from their own sight men hide.
 175 He felt the beating life in other men
 Invade him with their happiness and their grief;
 Their love, their anger, their unspoken hopes
 Entered in currents or in pouring waves
 Into the immobile ocean of his calm.
 180 He heard the inspired sound of his own thoughts
 Re-echoed in the vault of other minds;
 The world's thought-streams travelled into his ken;
 His inner self grew near to others' selves
 And bore a kinship's weight, a common tie,
 185 Yet stood untouched, king of itself, alone.
 A magical accord quickened and attuned
 To ethereal symphonies the old earthy strings;
 It raised the servitors of mind and life
 To be happy partners in the soul's response,
 190 Tissue and nerve were turned to sensitive chords,
 Records of lustre and ecstasy; it made
 The body's means the spirit's acolytes.
 A heavenlier function with a finer mode
 Lit with its grace man's outward earthliness;
 195 The soul's experience of its deeper sheaths
 No more slept drugged by Matter's dominance.
 In the dead wall closing us from wider self,

Читал он в душах скрытые знаменья,
Для них самих неведомые тайны,
Ума идеи знал, желанья сердца,
Из серых складок мрака извлекал
То, в чем себе не признаются люди.
Он ощущал, как радостью иль скорбью
В него, бурля, вторгалась жизнь других —
Любовь их, гнев и тайные надежды
Потоками иль волнами вливались
В недвижный океан его покоя.
Под сводами умов других он слышал
Своей же мысли вдохновленный отзвук;
Он осязал всемирной мысли токи;
Он близость осознал с иными «я»
И нес единства бремя, общих уз,
И все же был владыкой над собою,
Не скованный ничем, единосущий.
Симфониям эфирным в унисон
Былые струны в нем отныне пели,
Разбужены магическим аккордом:
Он жизнь и ум освободил от рабства
Для сладкого служения душе,
И стали нервы чуткими ладами,
Храня восторг и свет; и сделал он
Из средств телесных — песнопевцев духа.
Возвышенная сила, тонкий строй,
Коснувшись праха горней красотой,
Преобразили облик человека;
От забытья в Материи очнувшись,
Стряхнув ее владычества дурман,
Душа узрела свой глубинный храм.
В глухой стене, что окружает нас
И отделяет от безбрежий Духа,

Into a secrecy of apparent sleep,
 The mystic tract beyond our waking thoughts,
 200 A door parted, built in by Matter's force,
 Releasing things unseized by earthly sense:
 A world unseen, unknown by outward mind
 Appeared in the silent spaces of the soul.
 He sat in secret chambers looking out
 205 Into the luminous countries of the unborn
 Where all things dreamed by the mind are seen and true
 And all that the life longs for is drawn close.
 He saw the Perfect in their starry homes
 Wearing the glory of a deathless form,
 [28] 210 Lain in the arms of the Eternal's peace,
 Rapt in the heart-beats of God-ecstasy.
 He lived in the mystic space where thought is born
 And will is nursed by an ethereal Power
 And fed on the white milk of the Eternal's strengths
 215 Till it grows into the likeness of a god.
 In the Witness's occult rooms with mind-built walls
 On hidden interiors, lurking passages
 Opened the windows of the inner sight.
 He owned the house of undivided Time.
 220 Lifting the heavy curtain of the flesh
 He stood upon a threshold serpent-watched,
 And peered into gleaming endless corridors,
 Silent and listening in the silent heart
 For the coming of the new and the unknown.
 225 He gazed across the empty stillnesses
 And heard the footsteps of the undreamed Idea

Материи воздвигнутая силой,
Отверзлась дверь — мистический проход
К таинственности видимого сна,
Неведомый для мысли пробужденной, —
Являя то, что выше чувств земных:
Заветный мир, умом непостижимый,
Предстал в безмолвном космосе души.
Из тайных зал очам его открылись
Нетленного сиятельные царства,
Где все сбылось, о чем лишь грезил разум,
Где все, к чему стремилась жизнь, свершилось.
Он видел Совершенных в звездных высях,
Осиянных бессмертной красотой,
Хранимых в дланях вечного Покоя,
Влекомых пульсом Божьего блаженства.
Он пребывал в мистическом пространстве,
Где мысли появляются на свет,
Где воля под крылом эфирной Силы,
Всевластье Вечного, как молоко, впивая,
Взрастает, становясь подобной богу.
В оккультных залах, где живет Свидетель
За стенами, воздвигнутыми мыслью,
К проходам скрытым, к потайным убранствам
Открылись окна внутреннего зренья.
Он жил теперь во Времени едином.
Раздвинув плоти занавес тяжелый,
Он вышел на таинственный порог,
Что стережет змея, и впился взором
В мерцание бескрайних галерей,
В безмолвии внемя безмолвным сердцем,
Как близится неведомая новь.
Он озирает пустынные просторы,
Внемя шагам немислимой Идеи

In the far avenues of the Beyond.
 He heard the secret Voice, the Word that knows,
 And saw the secret face that is our own.
 230 The inner planes uncovered their crystal doors;
 Strange powers and influences touched his life.
 A vision came of higher realms than ours,
 A consciousness of brighter fields and skies,
 Of beings less circumscribed than brief-lived men
 235 And subtler bodies than these passing frames,
 Objects too fine for our material grasp,
 Acts vibrant with a superhuman light
 And movements pushed by a superconscient force,
 And joys that never flowed through mortal limbs,
 240 And lovelier scenes than earth's and happier lives.
 A consciousness of beauty and of bliss,
 A knowledge which became what it perceived,
 Replaced the separated sense and heart
 And drew all Nature into its embrace.
 245 The mind leaned out to meet the hidden worlds:
 [29] Air glowed and teemed with marvellous shapes and hues,
 In the nostrils quivered celestial fragrances,
 On the tongue lingered the honey of paradise.
 A channel of universal harmony,
 250 Hearing was a stream of magic audience,
 A bed for occult sounds earth cannot hear.
 Out of a covert tract of slumber self
 The voice came of a truth submerged, unknown
 That flows beneath the cosmic surfaces,
 255 Only mid an omniscient silence heard,
 Held by intuitive heart and secret sense.

На рубежах далеких Запределья.
Он слышал тайный Глас, Глагол всезнанья,
И видел тайный лик, наш новый лик.
Хрустальные пред ним открылись двери,
Являя путь ко внутренним мирам,
К чудесным силам, к веяньям нездешним.
И он узрел горизонты высших царств,
Постиг иные небеса и земли,
Существ, чья жизнь привольней века смертных,
И тонких тел бессмертные обличья,
Что ускользают из объятий смертных,
Деянья, что являют свет надмирный,
Движенья сверхсознательной всемощи,
Услады, что не посещают смертных,
И сцены, что прекрасней сцен земных,
И жизни, что счастливей бранных жизней.
Сознание красоты и благодати,
Познание, что с постигнутым едино,
Сменило разобщенность чувств и сердца
И увлекло весь мир в свои объятия.
К мирам заветным протянулся разум:
Во взоре плыли дивные обличья,
В ноздрях струились ароматы рая,
На языке небесный таял мед.
Космической гармонии канал,
Слух стал потоком чудо-восприятия,
Стремниной неземных волшебных звуков.
Из сокровенной дали в спящем «я»
Донесся глас безвестной, скрытой правды,
Что льется под покровом мирозданья,
Лишь во всеведущем безмолвьи слышный
Интуитивным сердцем, тайным чувством.

It caught the burden of secrecies sealed and dumb,
 It voiced the unfulfilled demand of earth
 And the song of promise of unrealised heavens
 260 And all that hides in an omnipotent Sleep.
 In the unceasing drama carried by Time
 On its long listening flood that bears the world's
 Insoluble doubt on a pilgrimage without goal,
 A laughter of sleepless pleasure foamed and spumed
 265 And murmurings of desire that cannot die:
 A cry came of the world's delight to be,
 The grandeur and greatness of its will to live,
 Recall of the soul's adventure into space,
 A traveller through the magic centuries
 270 And being's labour in Matter's universe,
 Its search for the mystic meaning of its birth
 And joy of high spiritual response,
 Its throb of satisfaction and content
 In all the sweetness of the gifts of life,
 275 Its large breath and pulse and thrill of hope and fear,
 Its taste of pangs and tears and ecstasy,
 Its rapture's poignant beat of sudden bliss,
 The sob of its passion and unending pain.
 The murmur and whisper of the unheard sounds
 280 Which crowd around our hearts but find no window
 To enter, swelled into a canticle
 [30] Of all that suffers to be still unknown
 And all that labours vainly to be born
 And all the sweetness none will ever taste
 285 And all the beauty that will never be.
 Inaudible to our deaf mortal ears
 The wide world-rhythms wove their stupendous chant

Он рек о ноше таинств заповедных
И о земной неутоленной жажде,
Он пел о небесах невоплощенных
И обо всем, что скрыл всемогущий Сон.
В бескрайней драме, уносимой вдаль
В волнах стремнины Времени, что внемлет
Сомненью мира в странствии бесцельном,
Вскипал, пенился смех улады вечной
И шепот неизбывного желанья.
Раздался мира клич о счастье быть,
О высоте и мощи воли к жизни,
Душе напомнив о приходе в космос,
Скиталицей в магических столетьях,
И о ее бореньях в царстве тленья,
Исканьях тайны своего рожденья
И сладком обретеньи зова свыше,
О пульсе упоенья и согласия
Во всей уладе жизненных даров,
И о ее дыхании могучем,
Ее надежды ритме, дрожи страха
И вкусе мук, стонаний и экстаза,
И жгучем токе быстрого восторга,
И всхлипах страсти и безвечной боли.
Неслышных звуков шепчущая мольвь,
Что вокруг сердец роятся, понапрасну
Отыскивая вход, слилась в кантату
Всего, что тщится обрести рожденье
И страждет, оставаясь неизвестным,
Всей сладости, которой не отведашь,
И красоты, которой не бывать.
Великие космические ритмы,
Неслышные глухому уху смертных,
Слагали песни вечные свои,

To which life strives to fit our rhyme-beats here,
Melting our limits in the illimitable,
290 Tuning the finite to infinity.
A low muttering rose from the subconscious caves,
The stammer of the primal ignorance;
Answer to that inarticulate questioning,
There stooped with lightning neck and thunder's wings
325 A radiant hymn to the Inexpressible
And the anthem of the superconscient light.
All was revealed there none can here express;
Vision and dream were fables spoken by truth
Or symbols more veridical than fact,
300 Or were truths enforced by supernatural seals.
Immortal eyes approached and looked in his,
And beings of many kingdoms neared and spoke:
The ever-living whom we name as dead
Could leave their glory beyond death and birth
305 To utter the wisdom which exceeds all phrase:
The kings of evil and the kings of good,
Appellants at the reason's judgment seat,
Proclaimed the gospel of their opposites,
And all believed themselves spokesmen of God:
310 The gods of light and titans of the dark
Battled for his soul as for a costly prize.
In every hour loosed from the quiver of Time
There rose a song of new discovery,
A bow-twang's hum of young experiment.
315 Each day was a spiritual romance,
As if he was born into a bright new world;

Которым вторит жизнь в биениях-строфах,
Пределы растворяя в беспредельном,
В конечном раскрывая бесконечность.
Во мраке подсознательных пещер
Послышался косноязыкий гул,
Неведения шепот первородный;
Отвествуя невнятному прошению,
Из сферы сверхсознательного света
Слетел, молниешей, громокрылый,
Хорал пресветлый Несказанному.
И все невыразимое открылось:
Видения и грезы, словно притчи,
Поведанные Истины устами,
Иль символы, что подлинней, чем факты,
Явили сверхреальности законы.
Бессмертные его коснулись взоры,
И жители миров неисчислимых,
Приблизившись, заговорили с ним:
Из сфер, что выше смерти и рожденья,
Нетленную пришли поведать мудрость
Те вечно живые, что для нас мертвы:
Владыки зла и короли добра,
Взывая к правосудию ума,
Оспаривали истины друг друга,
Отстаивали собственный закон,
И каждый мнил себя пророком Божиим:
Титаны темноты и боги света
За душу бились, как за ценный приз.
Как только трепет Времени стихал,
Так раздавался гимн открытий новых, —
Как звон стрелы, познаний юных песнь.
Он словно возрождался в светлом мире:
Стал каждый новый день романсом духа;

Adventure leaped an unexpected friend,
[31] And danger brought a keen sweet tang of joy;
Each happening was a deep experience.
320 There were high encounters, epic colloquies,
And counsels came couched in celestial speech,
And honeyed pleadings breathed from occult lips
To help the heart to yield to rapture's call,
And sweet temptations stole from beauty's realms
325 And sudden ecstasies from a world of bliss.
It was a region of wonder and delight.
All now his bright clairaudience could receive;
A contact thrilled of mighty unknown things.
Awakened to new unearthly closenesses,
330 The touch replied to subtle infinities,
And with a silver cry of opening gates
Sight's lightnings leaped into the invisible.
Ever his consciousness and vision grew;
They took an ampler sweep, a loftier flight;
335 He passed the border marked for Matter's rule
And passed the zone where thought replaces life.
Out of this world of signs suddenly he came
Into a silent self where world was not
And looked beyond into a nameless vast.
340 These symbol figures lost their right to live,
All tokens dropped our sense can recognise;
There the heart beat no more at body's touch,
There the eyes gazed no more on beauty's shape.
In rare and lucent intervals of hush
345 Into a signless region he could soar
Packed with the deep contents of formlessness

Нежданым другом, звало приключенье,
Опасность вдохновляла дух его,
Внезапной, терпкой радости порывом;
Стал откровеньем каждый новый шаг.
В высоких диалогах лилось время,
В возвышенных эпических собраниях,
С заветных уст мольбы текли медвяно
И покоряли сердце зову счастья,
И мир красоты манил соблазном сладким,
И полнил вдруг восторг из сфер блаженства.
Он жил в пространстве радости и чуда.
Одарен яснослышанием чистым,
Всему внимал он, ведал обо всем.
Приблизившись к неведомым мирам,
Разбуженный реальностью нездешней,
Он отозвался беспредельным сферам
И с серебристым звоном тайных врат
В незримое метнулись взоры-молнии.
Светлело с каждым днем его сознанье
И все яснее становился взор;
Все выше он взмывал, все дальше видел;
Материи он превзошел препоны
И минул край, где мысль сменяет жизнь.
И вот из мира знаков он попал
В немое бытие за гранью мира
И озирает безыменную ширь.
Исчезло царство символов-обличий,
Знаменья скрылись, ведомые чувствам;
Глаза презрели образ красоты,
Посланьям тела не внимало сердце.
На крыльях безмятежных тишины
Он воспарил в безвидные просторы,
Аморфностью бездонной окружен,

Where world was into a single being rapt
 And all was known by the light of identity
 And Spirit was its own self-evidence.
 350 The Supreme's gaze looked out through human eyes
 And saw all things and creatures as itself
 And knew all thought and word as its own voice.
 There unity is too close for search and clasp
 [32] And love is a yearning of the One for the One,
 355 And beauty is a sweet difference of the Same
 And oneness is the soul of multitude.
 There all the truths unite in a single Truth,
 And all ideas rejoin Reality.
 There knowing herself by her own termless self,
 360 Wisdom supernal, wordless, absolute
 Sat unaccompanied in the eternal Calm,
 All-seeing, motionless, sovereign and alone.
 There knowledge needs not words to embody Idea;
 Idea, seeking a house in boundlessness,
 365 Weary of its homeless immortality,
 Asks not in thought's carved brilliant cell to rest
 Whose single window's clipped outlook on things
 Sees only a little arc of God's vast sky.
 The boundless with the boundless there consorts;
 370 While there, one can be wider than the world;
 While there, one is one's own infinity.
 His centre was no more in earthly mind;
 A power of seeing silence filled his limbs:
 Caught by a voiceless white epiphany
 375 Into a vision that surpasses forms,
 Into a living that surpasses life,
 He neared the still consciousness sustaining all.

Где мир пленен единым бытием,
Где все известно в свете единенья,
Где снова Дух становится собой.
Из смертного на мир взирал Всевышний
И узнавал себя во всем, что суще,
И слышал в мысли, в слове свой лишь глас.
И стало все самим собой: любовь —
Единогo к Единoму стремленьем,
Краса — многообразьем Одного,
Единство — многоликости душою.
Все правды стали Истиной единой,
Вновь обрели Реальность все мечты.
Познав себя своей всезрящей сутью,
Здесь правила единовластно Мудрость,
Безмолвна, безусловна, неизменна,
Единственна, всеправна, абсолютна.
Не прибегая к суетным словам,
Здесь знание могло явить Идею;
Идея, обрета в безбрежье кров,
Пресытившись бессмертьем бесприютным,
Отвергла мысли лучезарный плен,
Изящную, блистательную келью
С единственным оконцем, что вмещает
Клочок ничтожный Божиих небес.
Безбрежье здесь обручено с безбрежьем;
Здесь, слившись с беспредельностью своею,
Он мог вместить в себя весь белый свет.
Объятый силой вещего безмолвья,
Он обретал Покой, несущий мир.
Влеком безгласным белым откровеньем
К прозрению, что превосходит форму,
И бытию, что превосходит жизнь,
С умом земным растождествился он.

The voice that only by speech can move the mind
 Became a silent knowledge in the soul;
 380 The strength that only in action feels its truth
 Was lodged now in a mute omnipotent peace.
 A leisure in the labour of the worlds,
 A pause in the joy and anguish of the search
 Restored the stress of Nature to God's calm.
 385 A vast unanimity ended life's debate.
 The war of thoughts that fathers the universe,
 The clash of forces struggling to prevail
 In the tremendous shock that lights a star
 As in the building of a grain of dust,
 [33] 390 The grooves that turn their dumb ellipse in space
 Ploughed by the seeking of the world's desire,
 The long regurgitations of Time's flood,
 The torment edging the dire force of lust
 That wakes kinetic in earth's dullard slime
 395 And carves a personality out of mud,
 The sorrow by which Nature's hunger is fed,
 The oestrus which creates with fire of pain,
 The fate that punishes virtue with defeat,
 The tragedy that destroys long happiness,
 400 The weeping of Love, the quarrel of the Gods,
 Ceased in a truth which lives in its own light.
 His soul stood free, a witness and a king.
 Absorbed no more in the moment-ridden flux
 Where mind incessantly drifts as on a raft
 405 Hurried from phenomenon to phenomenon,
 He abode at rest in indivisible Time.
 As if a story long written but acted now,
 In his present he held his future and his past,

Былая речь, что движет ум лишь словом,
В душе предстала знанием безмолвным;
И сила, что лишь в деле видит смысл свой,
Нашла покой в немом всевластном мире.
В труде миров настала передышка,
Исканий стихли радости и муки,
Природа вновь стремилась в Божью тишь.
В Безмолвии утихли споры жизни.
Сраженье мыслей, что возводит мир,
Противоборство сил в единой битве,
Что зажигает в космосе звезду
И вылепляет жалкую пылинку,
Полет светил в безжизненном пространстве,
Влекомых вдаль желанием всемирным,
Реки Времен столетия-отливы,
Чудовищные муки вожделенья,
Что нарушает мертвый сон земли
И в косной персти созидает личность,
Страданье — пища алчущей Природы,
Влеченье, что творит в огне и боли,
Судьба, что злом карает добродетель,
Трагедия, что убивает счастье,
Стенания Любви, раздор Богов —
Исчезли ныне в истине пресветлой.
Свидетель, царь, душа была свободна.
Став над потоком суетных мгновений,
Что будто плот безвольно увлекает
Ум, поглощенный чередой явлений,
Он в неделимом Времени простерся.
Как будто в пьесе, что писалась долго
И, наконец, разыграна теперь,
Он в настоящем воссоединил
Грядущего и прошлого сюжеты

Felt in the seconds the uncounted years
 410 And saw the hours like dots upon a page.
 An aspect of the unknown Reality
 Altered the meaning of the cosmic scene.
 This huge material universe became
 A small result of a stupendous force:
 415 Overtaking the moment the eternal Ray
 Illumined That which never yet was made.
 Thought lay down in a mighty voicelessness;
 The toiling Thinker widened and grew still,
 Wisdom transcendent touched his quivering heart:
 420 His soul could sail beyond thought's luminous bar;
 Mind screened no more the shoreless infinite.
 Across a void retreating sky he glimpsed
 Through a last glimmer and drift of vanishing stars
 The superconscient realms of motionless Peace
 425 Where judgment ceases and the word is mute
 [34] And the Unconceived lies pathless and alone.
 There came not form or any mounting voice;
 There only were Silence and the Absolute.
 Out of that stillness mind new-born arose
 430 And woke to truths once inexpressible,
 And forms appeared, dumbly significant,
 A seeing thought, a self-revealing voice.
 He knew the source from which his spirit came:
 Movement was married to the immobile Vast;
 435 He plunged his roots into the Infinite,
 He based his life upon eternity.

И уловлял в секундах сонмы лет,
И зрил в часах лишь точки на странице.
Неведомой Реальности разлет
Значенье изменил вселенской сцены.
Гигантский мир Материи предстал
Великой силы крохотным твореньем:
Извечный Луч, мгновенье улучив,
ТО озарил, что ждет лишь проявленья.
Мысль замерла в безмолвии могучем;
Затих, расширясь, труженик Мыслитель,
И Мудрость запредельностей заветных
Нисхлынула в трепещущее сердце:
Ума завеса пала — пред душою
Открылся путь в безбóрежный простор,
Вперед, за пелену лучистой мысли.
Сквозь бездны ускользающих небес
В последних светах тающих созвездий
Плывущие в незыблемом Покое
Ему предстали царства Сверхсознания,
Где нет сужденья, где немеет слово,
Где в недоступной одинокой выси
Непознанного зиждется держава.
Здесь стихли все гласы, прешли все формы;
Здесь были только Тишь и Абсолютность.
И в той тиши родился новый разум —
Глашатай истин, несказанных прежде,
Явились формы с сокровенным смыслом,
Провидящая мысль и вещей глас.
Он осознал души своей источник:
Движенье обнялось недвижимой Ширью;
Он утонул корнями в Беспредельном,
Он вечность утвердил в основе жизни.

Only awhile at first these heavenlier states,
 These large wide-poised upliftings could endure.
 The high and luminous tension breaks too soon,
 440 The body's stone stillness and the life's hushed trance,
 The breathless might and calm of silent mind;
 Or slowly they fail as sets a golden day.
 The restless nether members tire of peace;
 A nostalgia of old little works and joys,
 445 A need to call back small familiar selves,
 To tread the accustomed and inferior way,
 The need to rest in a natural pose of fall,
 As a child who learns to walk can walk not long,
 Replace the titan will for ever to climb,
 450 On the heart's altar dim the sacred fire.
 An old pull of subconscious cords renews;
 It draws the unwilling spirit from the heights,
 Or a dull gravitation drags us down
 To the blind driven inertia of our base.
 455 This too the supreme Diplomat can use,
 He makes our fall a means for greater rise.
 For into ignorant Nature's gusty field,
 Into the half-ordered chaos of mortal life
 The formless Power, the Self of eternal light
 460 Follow in the shadow of the spirit's descent;
 [35] The twin duality for ever one
 Chooses its home mid the tumults of the sense.
 He comes unseen into our darker parts

Недолги поначалу эти взлеты,
Великие паренья в горних сферах:
Высокий светлый пыл вдруг угасает,
Недвижность тела, жизни тихий транс,
Безмолвье бездыханное ума —
Иль меркнет мерно, словно день златой.
В нас восстают природы низшей части,
Устав от неизменного покоя,
И ищут вновь ничтожности привычной,
Усад убогих, прежних мелких дел,
Отдохновенья в падшем естестве,
Возврата к жалким личностям знакомым —
Так устают дитя, участь ходить;
И ностальгия по бескрылой жизни,
По пресмыканию на путях обычных
Сменяет восхожденья властный пыл.
И гаснет огонь на алтаре сердечном;
Вновь воскресают узы подсознания
И тянут вниз противящийся дух
Гнетущим тусклым притяжением тьмы
В слепую косность нашей падшей жизни.
Но всеискусен Дипломат всевышний,
Ошибки обращает он во благо,
В паденьях путь готовит к новым взлетам.
Ведь в бурный мрак несведущей Природы,
В полусмирённый хаос смертной жизни
Все вечный Свет, бесформенная Сила
Идут вослед за нисхожденьем духа;
То двуединство, сущее вовеки,
Себе приют находит в вихре чувств:
Всевышний гость, всезрящий поводырь
Нисходит в наши сумрачные части

And, curtained by the darkness, does his work,
465 A subtle and all-knowing guest and guide,
Till they too feel the need and will to change.
All here must learn to obey a higher law,
Our body's cells must hold the Immortal's flame.
Else would the spirit reach alone its source
470 Leaving a half-saved world to its dubious fate.
Nature would ever labour unredeemed;
Our earth would ever spin unhelped in Space,
And this immense creation's purpose fail
Till at last the frustrate universe sank undone.
475 Even his godlike strength to rise must fall:
His greater consciousness withdrew behind;
Dim and eclipsed, his human outside strove
To feel again the old sublimities,
Bring the high saving touch, the ethereal flame,
480 Call back to its dire need the divine Force.
Always the power poured back like sudden rain,
Or slowly in his breast a presence grew;
It clambered back to some remembered height
Or soared above the peak from which it fell.
485 Each time he rose there was a larger poise,
A dwelling on a higher spirit plane;
The Light remained in him a longer space.
In this oscillation between earth and heaven,
In this ineffable communion's climb
490 There grew in him as grows a waxing moon
The glory of the integer of his soul.

И, скрытый мраком, свой свершает труд,
Пока и в них не вспыхнет жажда света.
Все здесь должно признать закон верховный,
Бессмертья пламень должен вспыхнуть в клетках;
Иначе б дух один вознесся в свой исток,
Оставив падший мир на волю рока.
Природа б вечно билась безнадежно,
Земля б влеклась беспомощно в Пространстве,
И все творенье потеряло б смысл,
И, потерпевший крах, распался б космос.
И он, хоть полон богоравной силы,
Чтоб ввысь шагнуть, все ж должен отступить:
Сознание высшее свой свет скрывало;
В затмени тяжком, в сумерках низин
В нем человечность внешняя боролась,
Чтоб вновь вдохнуть эфир зовущих высей,
Чтоб страждущее рвенье утолить
Прикосновеньем горним, мрак развеять
Огнем небесным, вновь к себе призвать
Спасительную Силу Божества.
И каждый раз вновь возвращалась сила,
Нежданным ливнем изливаясь свыше,
Или присутствие в груди взрастало;
Оно взбиралось вновь к заветной выси,
Взмывало выше круч, с которых пало.
И каждый раз он восходил все выше,
И обретал все большие просторы,
И пребывал на высшем плане духа;
Все дольше Свет мог оставаться в нем.
В том колебании меж землей и небом,
В том росте в несказанном единении
В нем, прибывая царственной луною,
Душа волшебю обретаю цельность.

A union of the Real with the unique,
 A gaze of the Alone from every face,
 The presence of the Eternal in the hours
 495 Widening the mortal mind's half-look on things,
 Bridging the gap between man's force and Fate
 [36] Made whole the fragment-being we are here.
 At last was won a firm spiritual poise,
 A constant lodging in the Eternal's realm,
 500 A safety in the Silence and the Ray,
 A settlement in the Immutable.
 His heights of being lived in the still Self;
 His mind could rest on a supernal ground
 And look down on the magic and the play
 505 Where the God-child lies on the lap of Night and Dawn
 And the Everlasting puts on Time's disguise.
 To the still heights and to the troubled depths
 His equal spirit gave its vast assent:
 A poised serenity of tranquil strength,
 510 A wide unshaken look on Time's unrest
 Faced all experience with unaltered peace.
 Indifferent to the sorrow and delight,
 Untempted by the marvel and the call,
 Immobile it beheld the flux of things,
 515 Calm and apart supported all that is:
 His spirit's stillness helped the toiling world.
 Inspired by silence and the closed eyes' sight
 His force could work with a new luminous art
 On the crude material from which all is made

Реального единство с уникальным,
Единственного очи в каждом лике,
Предвечного присутствие в часах,
Расширив бранный полувзгляд ума,
Возвысив силу смертного над Роком,
Разрозненному даровали целость.
И наконец, он утвердился в духе,
Незыблемо покоясь в вечных царствах,
В Безмолвии царя и в Свете свыше,
Надежно пребывая в Неизменном.
В недвижимом «Я» он жил в своих высотах:
В небесной выси распростерся разум
И вниз взирал на чудную игру,
Где Бог, как шаловливое дитя,
Растет в объятых Ночи и Зари
И Вечный носит Времени обличье.
Недвижным высям и смятенным глубям
В нем равно дух простер свое согласие:
Уравновешенность покойной силы,
Неколебимый всеобъяввший взгляд,
Бесстрастно озирая бури мира,
Встречали все в покое нерушимом.
Не тронут ни страданьем, ни усладой,
Не увлечен ни чудом, ни призывом,
Недвижный, наблюдал он ток событий;
Объемля все покоем отстраненным,
Поддерживая все недвижимым духом,
Он миром помогал бореньям мира.
В безмолвии, в очей смеженных взгляде
В нем сила обретала вдохновенье,
Трудясь с искусством новым, светоносным
Над грубым всесоткавшим материалом,

- 520 And the refusal of Inertia's mass
 And the grey front of the world's Ignorance
 And nescient Matter and the huge error of life.
 As a sculptor chisels a deity out of stone
 He slowly chipped off the dark envelope,
 525 Line of defence of Nature's ignorance,
 The illusion and mystery of the Inconscient
 In whose black pall the Eternal wraps his head
 That he may act unknown in cosmic Time.
 A splendour of self-creation from the peaks,
 530 A transfiguration in the mystic depths,
 A happier cosmic working could begin
 And fashion the world-shape in him anew,
 [37] God found in Nature, Nature fulfilled in God.
 Already in him was seen that task of Power:
 535 Life made its home on the high tops of self;
 His soul, mind, heart became a single sun;
 Only life's lower reaches remained dim.
 But there too, in the uncertain shadow of life,
 There was a labour and a fiery breath;
 540 The ambiguous cowed celestial puissance worked
 Watched by the inner Witness's moveless peace.
 Even on the struggling Nature left below
 Strong periods of illumination came:
 Lightnings of glory after glory burned,
 545 Experience was a tale of blaze and fire,
 Air rippled round the argosies of the Gods,
 Strange riches sailed to him from the Unseen;
 Splendours of insight filled the blank of thought,
 Knowledge spoke to the inconscient stillnesses,

Над отрицаньем масс Инертности,
Над серым обликом Неведенья,
Слепой Материей, ошибкой тяжелой жизни.
Как высекают божество из камня,
Он медленно отсек мрачащий кокон,
Природного неведенья преграду,
Иллюзию и тайну Несознания,
В чьем черном шлейфе Вечный прячет лик свой,
Чтоб направлять незримо ход Времен.
Блистательность самотворенья с высей,
Преображение в сокровенных глубях,
Счастливый труд вселенский начались
И миру в нем придали новый облик —
С Богом, отныне найденным в Природе,
С Природою, исполнившейся в Боге.
И явным стало в нем стремление Силы:
Жизнь обрела обитель в высях «я»;
Дух, сердце, ум единым стали солнцем;
Осталась тьма лишь в низших долах жизни.
Но и в неверной жизненной тени
Покойный взор свидетельного Ока
Постиг дыханья огонь и труд могучий
Двуликой потаенной горней силы.
И даже низшей, страждущей Природе
Являлся иногда великий свет:
Блистало молнией за чудом чудо,
Все превращалось в сказ огня и блеска,
Богов галеры волновали воздух,
Везя богатства дивные Незримого;
Пленительные образы прозрений
Заполнили пустые шири мысли,
И в замерших глубинах Несознания
Раздался глас Всеведенья могучий,

- 550 Rivers poured down of bliss and luminous force,
Visits of beauty, storm-sweeps of delight
Rained from the all-powerful Mystery above.
Thence stooped the eagles of Omniscience.
A dense veil was rent, a mighty whisper heard;
- 555 Repeated in the privacy of his soul,
A wisdom-cry from rapt transcendences
Sang on the mountains of an unseen world;
The voices that an inner listening hears
Conveyed to him their prophet utterances,
- 560 And flame-wrapped outbursts of the immortal Word
And flashes of an occult revealing Light
Approached him from the unreachable Secrecy.
An inspired Knowledge sat enthroned within
Whose seconds illumined more than reason's years:
- 565 An ictus of revealing lustre fell
As if a pointing accent upon Truth,
And like a sky-flare showing all the ground
A swift intuitive discernment shone.
- [38] One glance could separate the true and false,
570 Or raise its rapid torch-fire in the dark
To check the claimants crowding through mind's gates
Covered by the forged signatures of the gods,
Detect the magic bride in her disguise
Or scan the apparent face of thought and life.

Блаженства реки, светоносной силы,
Приливы красоты и наслажденья
Низлились свыше, из всевластной Тайны.
С мистических недостижимых пиков
Бросались вниз Всеведенья орлы.
Покров расторгся, властный грянул шепот;
Рождая отклик в тайниках души,
Блаженных запределий песнь-премудрость
Лилась с вершин невидимого мира;
Гласы, что слышны внутреннему слуху,
Рекли ему пророческие вести;
И пламена бессмертного Глагола
И вспышки тайных откровений Света
Являлись из недостижимых Таинств.
В нем вдохновенное царило Знание,
В чьем миге больший свет, чем в летах мысли,
И ударенья светлых откровений
Указывали Истины акценты,
И молниями быстрых озарений
Сверкали интуиции прозренья.
Он правду тотчас отличал от лжи,
И взгляд его во тьме сиял, как факел,
Изобличая всех, кто осаждал
Скрепленные печатями богов
Врата ума толпою многоликой,
Под маской видел дивную невесту
Иль облик озирал ума и жизни.

575 Oft inspiration with her lightning feet,
A sudden messenger from the all-seeing tops,
Traversed the soundless corridors of his mind
Bringing her rhythmic sense of hidden things.
A music spoke transcending mortal speech.

580 As if from a golden phial of the All-Bliss,
A joy of light, a joy of sudden sight,
A rapture of the thrilled undying Word
Poured into his heart as into an empty cup,
A repetition of God's first delight

585 Creating in a young and virgin Time.
In a brief moment caught, a little space,
All-Knowledge packed into great wordless thoughts
Lodged in the expectant stillness of his depths
A crystal of the ultimate Absolute,

590 A portion of the inexpressible Truth
Revealed by silence to the silent soul.
The intense creatrix in his stillness wrought;
Her power fallen speechless grew more intimate;
She looked upon the seen and the unforeseen,

595 Unguessed domains she made her native field.
All-vision gathered into a single ray,
As when the eyes stare at an invisible point
Till through the intensity of one luminous spot
An apocalypse of a world of images

600 Enters into the kingdom of the seer.
A great nude arm of splendour suddenly rose;
It rent the gauze opaque of Nescience:

Молниекрылый вестник — вдохновенье,
Вдруг низлетая из всезрящих высей,
Блистало в залах разума беззвучных,
Неся заветных тайн ритмичный смысл.
Реченьем плавным музыка текла,
Превосходя убогий говор смертных.
Как из золотого кубка Всеблаженства,
Улада света, благодать прозренья,
Счастливый пыл бессмертного Глагола
Лились рекой в пустую чашу сердца —
Так разлилась впервые радость Божья
В твореньи юных, девственных Времен.
Явившись в краткий миг, в пространстве тесном,
Всевиденье лучом бессловной мысли
Роняло в тишь его глубин молящих
Верховной Абсолютности кристалл,
Невыразимой Истины частицу —
Безмолвья дар душе его безмолвной.
В его тиши вершился труд могучий:
Бессонной созидательницы сила,
Восстав из забвения и немоты,
Стяжала знанье новое и власть,
Постигнув непредвиденные дали,
Негаданные царства покорив.
Всевиденье слилось в единый луч;
Так, устремив глаза к незримой цели,
Из раскаленной лучезарной точки
Мироявленье образов несметных
В страну свою впускает духовидец.
И вдруг взметнулась длань нагая Света,
Неведенья срывая плотный газ:

Her lifted finger's keen unthinkable tip
 [39] Bared with a stab of flame the closed Beyond.
 605 An eye awake in voiceless heights of trance,
 A mind plucking at the unimaginable,
 Overleaping with a sole and perilous bound
 The high black wall hiding superconscience,
 She broke in with inspired speech for scythe
 610 And plundered the Unknowable's vast estate.
 A gleaner of infinitesimal grains of Truth,
 A sheaf-binder of infinite experience,
 She pierced the guarded mysteries of World-Force
 And her magic methods wrapped in a thousand veils;
 615 Or she gathered the lost secrets dropped by Time
 In the dust and crannies of his mounting route
 Mid old forsaken dreams of hastening Mind
 And buried remnants of forgotten space.
 A traveller between summit and abyss,
 620 She joined the distant ends, the viewless deeps,
 Or streaked along the roads of Heaven and Hell
 Pursuing all knowledge like a questing hound.
 A reporter and scribe of hidden wisdom talk,
 Her shining minutes of celestial speech,
 625 Passed through the masked office of the occult mind,
 Transmitting gave to prophet and to seer
 The inspired body of the mystic Truth.
 A recorder of the inquiry of the gods,
 Spokesman of the silent seings of the Supreme,
 630 She brought immortal words to mortal men.

Воздетый ввысь непостижимый перст
Снопом огня ворвался в Запредельность.
Отверзнув взор в безмолвных высях транса,
В немыслимое разумом вцепившись,
Она одним прыжком головоломным
Перемахнула грозный черный тын,
Сокрывший сверхсознательного царство,
Пусться с косою речи вдохновенной
Непостижимого опустошать угодя.
Сбирая зерна крохотные Истины,
В снопы связуя бесконечный опыт,
Она, сорвав несметные покровы,
Раскрыла таинства вселенской Силы
И обнажила суть ее волшебств;
Иль вслед за Разумом, спешащим ввысь,
В пыли его дороги восходящей
Среди его забытых прежних грез
Она из скрытых рытвин извлекала
Утерянные Временем секреты
И мира прежнего забытые останки.
Скитаясь меж вершиною и бездной,
Она связала дальние концы,
Соединила скрытые глубины
Иль мчалась по стезям Небес и Ада,
Как гончая, за всяким знаньем вслед.
Внемля беседам мудрости заветной,
Она в минуты светлой горней речи
Сквозь тайный храм оккультного ума
Вводила внутрь пророка и провидца
Во вдохновенном теле тайных истин.
Писец-глашатай поисков богов
И молчаливых видений Всевышнего,
Бессмертные слова она дарила смертным.

Above the reason's brilliant slender curve,
 Released like radiant air dimming a moon,
 Broad spaces of a vision without line
 Or limit swam into his spirit's ken.
 635 Oceans of being met his voyaging soul
 Calling to infinite discovery;
 Timeless domains of joy and absolute power
 Stretched out surrounded by the eternal hush;
 The ways that lead to endless happiness
 [40] 640 Ran like dream-smiles through meditating vast:
 Disclosed stood up in a gold moment's blaze
 White sun-steppes in the pathless Infinite.
 Along a naked curve in bourneless Self
 The points that run through the closed heart of things
 645 Shadowed the indeterminable line
 That carries the Everlasting through the years.
 The magician order of the cosmic Mind
 Coercing the freedom of infinity
 With the stark array of Nature's symbol facts
 650 And life's incessant signals of event,
 Transmuted chance recurrences into laws,
 A chaos of signs into a universe.
 Out of the rich wonders and the intricate whorls
 Of the spirit's dance with Matter as its mask
 655 The balance of the world's design grew clear,
 Its symmetry of self-arranged effects
 Managed in the deep perspectives of the soul,
 And the realism of its illusive art,
 Its logic of infinite intelligence,
 660 Its magic of a changing eternity.

Над кривизной ума блестяще-тонкой,
 Как в светлом небе, где луна бледнеет,
 Просторы видения без пределов
 И рубежей явились взору духа.
 К великим океанам бытия,
 Манящим бесконечным откровеньем,
 Плыла душа, не ведая предела;
 Просторы всемогущества и счастья
 Раскрылись в сферах вечной тишины;
 Мечтами вились в грезящих степях
 Дороги к неизбывному блаженству:
 Раздольем солнце-белым распахнулись
 Во вспышке золотого озаренья
 Нехоженой Бескрайности равнины.

*Следуя обнажившейся линии, вьющейся в безбрежном «Я»,
 Знамения, что летят сквозь закрытое сердце вещей,
 Намечали неопределимую стезю,
 Которая влечет Непреходящего сквозь годы.
 Магическое повеление космического Разума,
 Навязывая свободе бесконечности
 Жесткий строй символических фактов Природы
 И непрерывных сигналов событий жизни,
 Преобразил случайные совпадения в законы
 И хаос знаков — во вселенную.
 Из изобильных чудес и замысловатых извивов
 Танца духа в маске Материи
 Выявилась гармония устройства мира,
 Его стройная упорядоченность самоорганизующихся
 последствий,
 Выверенная в глубоких перспективах души,
 И реализм его иллюзорного искусства,
 Его логика бесконечной разумности,
 Его магия изменчивой вечности.*

A glimpse was caught of things for ever unknown:
 The letters stood out of the unmoving Word:
 In the immutable nameless Origin
 Was seen emerging as from fathomless seas
 665 The trail of the Ideas that made the world,
 And, sown in the black earth of Nature's trance,
 The seed of the Spirit's blind and huge desire
 From which the tree of cosmos was conceived
 And spread its magic arms through a dream of space.
 670 Immense realities took on a shape:
 There looked out from the shadow of the Unknown
 The bodiless Namelessness that saw God born
 And tries to gain from the mortal's mind and soul
 A deathless body and a divine name.
 675 The immobile lips, the great surreal wings,
 [41] The visage masked by superconscient Sleep,
 The eyes with their closed lids that see all things,
 Appeared of the Architect who builds in trance.
 The original Desire born in the Void
 680 Peered out; he saw the hope that never sleeps,
 The feet that run behind a fleeting fate,
 The ineffable meaning of the endless dream.
 Hardly for a moment glimpsed viewless to Mind,
 As if a torch held by a power of God,
 685 The radiant world of the everlasting Truth
 Glimmered like a faint star bordering the night
 Above the golden Overmind's shimmering ridge.
 Even were caught as through a cunning veil
 The smile of love that sanctions the long game,

Явился проблеск тайн, вовек безвестных,
И письмена незыблемого Слова:
В Источнике заветном, неизменном
Виднелись, словно из морей бездонных,
Следы Идей, что сотворили мир,
И в черноземе забвения Природы —
Семя незрячего алканья Духа,
Откуда древо космоса взросло,
Раскинув чудо-ветви в снах пространства.
И форму приняли реальности-громады:
В сени Неведомого проявилась
Безмерность Безымянности бесплотной,
Что видела родившегося Бога
И через разум смертного и душу
Пытается явить и на земле
Бессмертное тело, божественное имя.
Недвижные уста, мощь крыл волшебных,
Чело под маской Грезы сверхсознания
И очи, что всезрят, хотя закрыты,
Предстали Зодчего, что созидает в трансе.
Первичное Желанье Пустоты
Явилось, и бессонная надежда,
И стопы, что бегут судьбе вослед,
И вечной грезы смысл неизреченный.
На миг лишь представал незримый Мыслью,
Как факел, ввысь воздетый силой Божьей,
Бессмертной Правды светозарный мир,
Звездой мерцавший на границе ночи
Над Разумом Верховным в вышине,
Над золотом его лучистых пиков.
И даже, зыбкие пронзив покровы,
Пленился взгляд улыбкою любви,
Благословящей труд игры вселенской,

- 690 The calm indulgence and maternal breasts
Of Wisdom suckling the child-laughter of Chance,
Silence, the nurse of the Almighty's power,
The omniscient hush, womb of the immortal Word,
And of the Timeless the still brooding face,
695 And the creative eye of Eternity.
The inspiring goddess entered a mortal's breast,
Made there her study of divining thought
And sanctuary of prophetic speech
And sat upon the tripod seat of mind:
700 All was made wide above, all lit below.
In darkness' core she dug out wells of light,
On the undiscovered depths imposed a form,
Lent a vibrant cry to the unuttered vasts,
And through great shoreless, voiceless, starless breadths
705 Bore earthward fragments of revealing thought
Hewn from the silence of the Ineffable.
A Voice in the heart uttered the unspoken Name,
A dream of seeking Thought wandering through Space
Entered the invisible and forbidden house:
710 The treasure was found of a supernal Day.
In the deep subconscious glowed her jewel-lamp;
[42] Lifted, it showed the riches of the Cave
Where, by the miser traffickers of sense
Unused, guarded beneath Night's dragon paws,
715 In folds of velvet darkness draped they sleep
Whose priceless value could have saved the world.
A darkness carrying morning in its breast
Looked for the eternal wide returning gleam,

И видел материнскую терпимость
Всемудрости, что вскармливает грудью
Смешливое дитя — игривый Случай,
Всезнания тишь — кормилицу Всевластья,
Безмолвье — лоно вечного Глагола,
И грезящий Вневременного образ,
И Вечности всезиздущее око.
Благая вдохновенная богиня
Всеправно в сердце смертного вошла,
Устроив там светлицу вещей мысли,
Светилище пророческого слова,
Воссев на троне тройственном ума:
Все ширилось вверху, внизу все озарилось.
*Она открыла в сердце мрака света родники,
Глубинам неоткрытым навязала облик,
Ссудила звонкий клич неизреченным ширям
И сквозь безгласные беззвездные безбрежья
К земле метнула части мысли-откровенья,
Изваянные из безмолвья Несказанного.
И в сердце Глас изрек несказанное Имя,
И греза Мысли, затерявшейся в Пространстве,
В невидимый запретный дом проникла —
И горний День был найден, чудным кладом.*
Во мраке подсознательных глубин
Мерцал ее светильник драгоценный;
И, вспыхнув, озарил он в той Пещере
Забывшие ничтожным людом чувств,
Хранимые в драконьих лапах Ночи
Сокровища бесценные, что дремлют
Под бархатистым покрывалом тьмы
Без пользы, хоть могли бы мир спасти.
Великий мрак, в груди несущий утро,
Зарницы ждал, что вечно вновь горит,

Waiting the advent of a larger ray
 720 And rescue of the lost herds of the Sun.
 In a splendid extravagance of the waste of God
 Dropped carelessly in creation's spendthrift work,
 Left in the chantiers of the bottomless world
 And stolen by the robbers of the Deep,
 725 The golden shekels of the Eternal lie,
 Hoarded from touch and view and thought's desire,
 Locked in blind antres of the ignorant flood,
 Lest men should find them and be even as Gods.
 A vision lightened on the viewless heights,
 730 A wisdom illumined from the voiceless depths:
 A deeper interpretation greatedened Truth,
 A grand reversal of the Night and Day;
 All the world's values changed heightening life's aim;
 A wiser word, a larger thought came in
 735 Than what the slow labour of human mind can bring,
 A secret sense awoke that could perceive
 A Presence and a Greatness everywhere.
 The universe was not now this senseless whirl
 Borne round inert on an immense machine;
 740 It cast away its grandiose lifeless front,
 A mechanism no more or work of Chance,
 But a living movement of the body of God.
 A spirit hid in forces and in forms
 Was the spectator of the mobile scene:
 745 The beauty and the ceaseless miracle
 Let in a glow of the Unmanifest:

Моля явленья высшего луча
И избавленья стад пропавших Солнца.
В блистательной причуде мотовства
Заброшенные Богом беззаботно
В водоворот бездонного творенья,
Забывшие на верфях мироздания,
Предвечного монеты золотые
Украдены грабителями Бездны
И спрятаны от жадных рук и глаз
В глухих пещерах сумрачной стихии —
Иль стали б люди, их найдя, богами.
Блистало виденье в безвидных высях,
Сияла мудрость из бездонных глубей:
И новое, глубинное прозренье,
Переворот великий Дня и Ночи,
В величье большем Истину явили.
Все ценности мирские изменились,
Возвышенную цель даруя жизни;
Мудрей открылось слово, шире — мысль,
Чем ум людской, трудясь, постичь способен;
Заветное очнулось чувство в нем,
Что различало под вселенской маской
Присутствие, Величие повсюду.
И больше не был космос тщетным вихрем,
Вздыхаемым чудовищной машиной;
Не механизм, не Случая игра —
Но жизнь и плоть живого тела Бога
Открылись под бездушной маской мира.
В обличье сил и форм незримый дух
Был зрителем подвижной этой сцены:
Сияньем красоты, безвечным чудом
Неявленное воплотилось в явь:

- The formless Everlasting moved in it
 [43] Seeking its own perfect form in souls and things.
 Life kept no more a dull and meaningless shape.
 750 In the struggle and upheaval of the world
 He saw the labour of a godhead's birth.
 A secret knowledge masked as Ignorance;
 Fate covered with an unseen necessity
 The game of chance of an omnipotent Will.
 755 A glory and a rapture and a charm,
 The All-Blissful sat unknown within the heart;
 Earth's pains were the ransom of its prisoned delight.
 A glad communion tinged the passing hours;
 The days were travellers on a destined road,
 760 The nights companions of his musing spirit.
 A heavenly impetus quickened all his breast;
 The trudge of Time changed to a splendid march;
 The divine Dwarf towered to unconquered worlds,
 Earth grew too narrow for his victory.
 765 Once only registering the heavy tread
 Of a blind Power on human littleness,
 Life now became a sure approach to God,
 Existence a divine experiment
 And cosmos the soul's opportunity.
 770 The world was a conception and a birth
 Of Spirit in Matter into living forms,
 And Nature bore the Immortal in her womb,
 That she might climb through him to eternal life.
 His being lay down in bright immobile peace
 775 And bathed in wells of pure spiritual light;
 It wandered in wide fields of wisdom-self
 Lit by the rays of an everlasting sun.

Бесформный Вечносущий здесь стремился
Стать совершенным в формах душ и тел.
Жизнь сбросила унылый тщетный облик.
В борениях и судорогах мира
Он видел тяготы рожденья бога.
В Неведеньи себя скрывало знание.
В предназначениях Судьбы таилась
Спонтанная игра всевластной Воли.
Блистателен, прекрасен, благодатен,
Жил Всеблаженный в сердце неприметно;
Земли мученья стали искупленьем
За тайный, заключенный в ней восторг.
Часы наполнились единством сладким;
Дни стали странниками на дороге духа
И ночи — спутниками грез его души.
Небесный пыл ускорил сердца пульс;
Стал трудный ход Времен победным маршем;
Ввысь громоздился Карлик богоносный,
К неведомым мирам непокоренным:
Был тесен мир земной его триумфу.
Томившаяся прежде под пятою
Незрячей Силы в бренности ничтожной,
Жизнь стала верным приближеньем к Богу,
И бытие — божественным дерзаньем,
И космос — шансом, опытом души.
Весь мир предстал идеей и рожденьем
Живого Духа в материальных формах,
И Вечный ожил в чреве у Природы,
Чтоб дать и ей взойти к бессмертной жизни.
Он влекся ввысь в недвижимом тихом свете,
Купаясь в чистых родниках духовных,
Скитаясь в ширях Мудрости самой,
Паля в сиянье вечного светила.

Even his body's subtle self within
 Could raise the earthly parts towards higher things
 780 And feel on it the breath of heavenlier air.
 Already it journeyed towards divinity:
 Upbuoyed upon winged winds of rapid joy,
 Upheld to a Light it could not always hold,
 [44] It left mind's distance from the Truth supreme
 785 And lost life's incapacity for bliss.
 All now suppressed in us began to emerge.

Thus came his soul's release from Ignorance,
 His mind and body's first spiritual change.
 A wide God-knowledge poured down from above,
 790 A new world-knowledge broadened from within:
 His daily thoughts looked up to the True and One,
 His commonest doings welled from an inner Light.
 Awakened to the lines that Nature hides,
 Attuned to her movements that exceed our ken,
 795 He grew one with a covert universe.
 His grasp surprised her mightiest energies' springs;
 He spoke with the unknown Guardians of the worlds,
 Forms he descried our mortal eyes see not.
 His wide eyes bodied viewless entities,
 800 He saw the cosmic forces at their work
 And felt the occult impulse behind man's will.
 Time's secrets were to him an oft-read book;
 The records of the future and the past
 Outlined their excerpts on the etheric page.

И даже плоть в божественность вздымалась:
В нем тела сущность тонкая внутри
Смогла поднять земные части ввысь
И ощутить дыханье сфер небесных.
В крылатых ветрах быстрого восторга,
Взмывая к Свету, что вместить не смела,
Она превозмогла рубеж ума
И неспособность жизни быть в блаженстве
И устремилась к Истине всевышней.
Все проявлялось, что сокрыто в нас.

Так обрела душа его свободу,
Неведенья отбросив тяжкий плен;
Дух осенил впервые ум и тело.
В него низлилось Богооткровенье,
В нем ширилось миропрозоренья чудо:
Все в нем теперь — все мысли, все деянья,
Из внутреннего Света истекая,
К Едино-Истинному устремлялось.
Постигнув дали, что таит Природа,
Ее движеньям вняв, что мир наш превосходят,
Он стал един с вселенной заповедной,
Настиг ее мощнейших сил пружины,
И слово рек миров безвестным Стражам,
И формы различил, невидимые смертным,
И взор его объял существ незримых,
Он видел сил космических деянья
И тайный импульс ощущал за смертной волей.
Секреты Времени читал он, словно книгу;
Былого и грядущего заметки
Мерцали письменами со страниц эфирных.

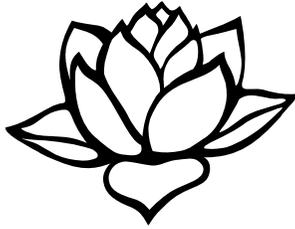
- 805 One and harmonious by the Maker's skill,
The human in him paced with the divine;
His acts betrayed not the interior flame.
This forged the greatness of his front to earth.
A genius heightened in his body's cells
- 810 That knew the meaning of his fate-hedged works
Akin to the march of unaccomplished Powers
Beyond life's arc in spirit's immensities.
Apart he lived in his mind's solitude,
A demigod shaping the lives of men:
- 815 One soul's ambition lifted up the race;
A Power worked, but none knew whence it came.
The universal strengths were linked with his;
Filling earth's smallness with their boundless breadths,
- [45] He drew the energies that transmute an age.
- 820 Immeasurable by the common look,
He made great dreams a mould for coming things
And cast his deeds like bronze to front the years.
His walk through Time outstripped the human stride.
Lonely his days and splendid like the sun's.

End of Canto Three

В изваянной Творцом гармонии единой
В нем человек шагал стопами бога;
И действуя, огня в себе не омрачал он.
Земле воздвигнут был его величья облик.
Из клеток тела в нем поднялся гений,
Что ведал смысл его судьбою скрытых дел,
Единых с ходом Сил невоплощенных
Над сводом жизни в беспредельях духа.
Он жил в уединенных сферах мысли,
Средь смертных — бог, что направлял их жизни:
Он возвышал весь мир своим держаньем:
Всех увлекала ввысь его душа,
Но ни один не знал, чья эта Сила.
Он черпал мощь в энергиях вселенских;
В земной мирок неся их беспредельность,
Он низводил потоки вечной Силы,
Что изменяли эру на земле.
Неизмеримые обычным смертным взором,
Он превращал великие мечты
В живые формы для вещей грядущих
И воздвигал трудов своих твердыню,
Что устоит под натиском веков.
Превысив смертных шаг, он шел сквозь Время.
Как солнце, жил он, одинок и светел.

Конец Песни третьей

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Тайное Знание

Canto Four

The Secret Knowledge

[46] On a height he stood that looked towards greater heights.
Our early approaches to the Infinite
Are sunrise splendours on a marvellous verge
While lingers yet unseen the glorious sun.
5 What now we see is a shadow of what must come.
The earth's uplook to a remote Unknown
Is a preface only of the epic climb
Of human soul from its flat earthly state
To the discovery of a greater self
10 And the far gleam of an eternal Light.
This world is a beginning and a base
Where Life and Mind erect their structured dreams;
An unborn Power must build reality.
A deathbound littleness is not all we are:
15 Immortal our forgotten vastnesses
Await discovery in our summit selves;
Unmeasured breadths and depths of being are ours.
Akin to the ineffable Secrecy,
Mystic, eternal in unrealised Time,
20 Neighbours of Heaven are Nature's altitudes.
To these high-peaked dominions sealed to our search,
Too far from surface Nature's postal routes,
Too lofty for our mortal lives to breathe,
Deep in us a forgotten kinship points
25 And a faint voice of ecstasy and prayer
Calls to those lucent lost immensities.
Even when we fail to look into our souls
Or lie embedded in earthly consciousness,
Still have we parts that grow towards the light,
30 Yet are there luminous tracts and heavens serene
And Eldorados of splendour and ecstasy

ВЫСЬ он взошел, что звала к новым высям.
Так наши ранние сближенья с Бесконечным
Подобны всполохам на чудном горизонте
Перед восходом царственного солнца.
Лишь тень Грядущего мы видим ныне.
Высокий взгляд земли к безвестным пикам
Лишь предваряет эпос восхожденья
Души в нас из земных низин унылых
К вершинам духа, к собственному «Я»,
Сияющему в вечности далекой.
Ведь этот мир — лишь первый шаг, основа
Для сооружений-грез Ума и Жизни;
Реальность же творима вечной Силой.
В нас — не одна лишь смертная ничтожность:
Забутые бессмертные просторы
Ждут обретенья в наших высших «я»;
Безмерно наше существо, бездонно.
Близки с Мистерией неизреченной,
Нетленны в Вечностях невоплощенных,
Природы выси — Небесам соседи.
К тем царственным высокоглавым пикам,
Недостижимым для Природы внешней,
Далеким от ее дорог почтовых,
В ту высь, где смертной жизни нет дыханья,
Глубинное родство стремится в нас,
И тихий глас экстаза и молитвы
Взывает к тем утраченным раздольям.
И даже если мы, забыв про душу,
Спим, закоснев, в неведеньи земном,
Все ж есть в нас части, что возрастают к солнцу,
Есть сферы света, небеса покоя,
И эльдорадо блеска и экстаза,

- [47] And temples to the godhead none can see.
 A shapeless memory lingers in us still
 And sometimes, when our sight is turned within,
 35 Earth's ignorant veil is lifted from our eyes;
 There is a short miraculous escape.
 This narrow fringe of clamped experience
 We leave behind meted to us as life,
 Our little walks, our insufficient reach.
 40 Our souls can visit in great lonely hours
 Still regions of imperishable Light,
 All-seeing eagle-peaks of silent Power
 And moon-flame oceans of swift fathomless Bliss
 And calm immensities of spirit space.
 45 In the unfolding process of the Self
 Sometimes the inexpressible Mystery
 Elects a human vessel of descent.
 A breath comes down from a supernal air,
 A Presence is born, a guiding Light awakes,
 50 A stillness falls upon the instruments:
 Fixed, motionless like a marble monument,
 Stone-calm, the body is a pedestal
 Supporting a figure of eternal Peace.
 Or a revealing Force sweeps blazing in;
 55 Out of some vast superior continent
 Knowledge breaks through trailing its radiant seas,
 And Nature trembles with the power, the flame.
 A greater Personality sometimes
 Possesses us which yet we know is ours:
 60 Or we adore the Master of our souls.

И храмы богу, что никем незрим.
Неведомая в нас хранится память,
И иногда, когда в себя мы смотрим,
Земной покров спадает с наших глаз:
Мы ненадолго воспаряем ввысь.
Прочь из ничтожной сумрачной теснины
Взмываем мы, где жить нам суждено,
От наших мелких дел, от жалких жизней.
В великие часы уединенья
Все ж могут наши души посетить
Покойные миры немеркнущего Света,
Безмолвные края орлино-зоркой Силы,
И лунопламенные бездны Счастья,
И тихие безбрежья стран духовных.
В движеньи раскрывающейся Сути
Мистерия Мистерий иногда
Нисходит в человеческий сосуд.
Нас осеняет вышних сфер дыханье,
И пробуждает путеводный Свет,
И полнит нас Присутствием незримым;
Недвижность ниспадает на орудья:
Застыв, окаменев, как монумент,
Незыбно, пьедесталом служит тело
Для изваянья вечного Покоя.
Иль Откровенья мощь струится свыше;
С материка безмерного небес
Нисходит океан пресветлый Знанья,
И, трепеща под гнетом вечных вод,
Природа принимает силу, пламень.
Великая неведомая Личность
В нас иногда вторгается, и все же
Мы в ней с восторгом узнаем себя —
Иль наших душ встречаем мы Владыку.

- Then the small bodily ego thins and falls;
 No more insisting on its separate self,
 Losing the punctilio of its separate birth,
 It leaves us one with Nature and with God.
- 65 In moments when the inner lamps are lit
 And the life's cherished guests are left outside,
 Our spirit sits alone and speaks to its gulfs.
- [48] A wider consciousness opens then its doors;
 Invading from spiritual silences
- 70 A ray of the timeless Glory stoops awhile
 To commune with our seized illumined clay
 And leaves its huge white stamp upon our lives.
 In the oblivious field of mortal mind,
 Revealed to the closed prophet eyes of trance
- 75 Or in some deep internal solitude
 Witnessed by a strange immaterial sense,
 The signals of eternity appear.
 The truth mind could not know unveils its face,
 We hear what mortal ears have never heard,
- 80 We feel what earthly sense has never felt,
 We love what common hearts repel and dread;
 Our minds hush to a bright Omniscient;
 A Voice calls from the chambers of the soul;
 We meet the ecstasy of the Godhead's touch
- 85 In golden privacies of immortal fire.
 These signs are native to a larger self
 That lives within us by ourselves unseen;
 Only sometimes a holier influence comes,
 A tide of mightier surgings bears our lives

И тела эго жалкое в нас тает;
Забыв про обособленность свою,
Про мелочность своей отдельной жизни,
Оно уходит прочь, нас оставляя
Наедине с Природою и Богом.
Когда внутри светильники зажглись
И изгнан рой гостей, пригретых жизнью,
В недолгой тишине уединенья
Дух говорит в нас с безднами своими.
И Всесознание раскрывает двери;
Ниспосланный безмолвием духовным,
В нас вечной Красоты струится луч,
Чтоб озарить на час наш прах плененный
И белой грандиозностью своей
Запечатлеться в нашей смертной жизни.
В забвеньи темном смертного ума
Пред вещим взором глаз смеженных транса
Иль в самопогруженности глубинной
Пред чудным оком бестелесных чувств
Вдруг расцветают вечности знаменья.
И раскрывает Истина свой лик,
Пресветлый, для ума непостижимый:
Мы слышим то, что не услышать смертным,
Мы чуем то, что выше чувств земных,
Мы любим, что страшит сердца людские;
Наш ум смолкает в светлом Всепрозрении;
Из бездн души зовет нас тайный Глас;
Мы познаем восторг объятий Божьих
В золотых шатрах бессмертного огня.
То знаки нашей личности верховной,
Что в нас живет, для наших глаз незримо;
Лишь иногда на нас нисходит святость,
Прилив блаженный вдохновляет жизнь,

- 90 And a diviner Presence moves the soul;
 Or through the earthly coverings something breaks,
 A grace and beauty of spiritual light,
 The murmuring tongue of a celestial fire.
 Ourselves and a high stranger whom we feel,
- 95 It is and acts unseen as if it were not;
 It follows the line of sempiternal birth,
 Yet seems to perish with its mortal frame.
 Assured of the Apocalypse to be,
 It reckons not the moments and the hours;
- 100 Great, patient, calm it sees the centuries pass,
 Awaiting the slow miracle of our change
 In the sure deliberate process of world-force
 And the long march of all-revealing Time.
- [49] It is the origin and the master-clue,
- 105 A silence overhead, an inner voice,
 A living image seated in the heart,
 An unvalled wideness and a fathomless point,
 The truth of all these cryptic shows in Space,
 The Real towards which our strivings move,
- 110 The secret grandiose meaning of our lives.
 A treasure of honey in the combs of God,
 A Splendour burning in a tenebrous cloak,
 It is our glory of the flame of God,
 Our golden fountain of the world's delight,
- 115 An immortality cowed in the cape of death,
 The shape of our unborn divinity.
 It guards for us our fate in depths within
 Where sleeps the eternal seed of transient things.
 Always we bear in us a magic key
- 120 Concealed in life's hermetic envelope.

Наитье свыше осеняет душу;
Иль сквозь покров земной лучится нечто —
Краса и благолепье света духа,
Искристый шепот горнего огня.
Мы это он: тот гость безвестный свыше
Таится в нас, как будто нет его;
Он следует чреде рождений вечных,
Но словно гибнет с брэнной оболочкой.
Провидя Апокалипсис грядущий,
Он не считает миги и часы;
Велик, покоен, зрит он терпеливо,
Как проплывают тихие столетья
И мы преображаемся неспешно
В движеньи мерном силы Провиденья,
В походе всеявляющих Времен.
В нем наш исток и ключ к загадке нашей,
Безмолвье свыше, голос изнутри;
Он — образ божества, живущий в сердце,
И ширь без стен, и точка без предела,
И правда этих странных грез Пространства,
Он — Истина, к которой мы стремимся,
И тайный смысл великий наших жизней.
Бесценный мед, укрытый в Божьих сотах,
Всевышний Пыл во мрачном облаченьи,
Он — пламень Божий, что сияет в нас,
Наш золотой родник услады в мире,
Бессмертье под сутаной темной смерти,
Божественности нашей вечный облик.
В глубинах наших, где безмолвно спит
Негибнущее семя преходящего,
Для нас хранит он высшую судьбу.
Всегда в себе несем мы чудный ключ
Под заповедным покрывалом жизни.

A burning Witness in the sanctuary
 Regards through Time and the blind walls of Form;
 A timeless Light is in his hidden eyes;
 He sees the secret things no words can speak
 125 And knows the goal of the unconscious world
 And the heart of the mystery of the journeying years.

But all is screened, subliminal, mystical;
 It needs the intuitive heart, the inward turn,
 It needs the power of a spiritual gaze.
 130 Else to our waking mind's small moment look
 A goalless voyage seems our dubious course
 Some Chance has settled or hazarded some Will,
 Or a Necessity without aim or cause
 Unwillingly compelled to emerge and be.
 135 In this dense field where nothing is plain or sure,
 Our very being seems to us questionable,
 Our life a vague experiment, the soul
 A flickering light in a strange ignorant world,
 [50] The earth a brute mechanic accident,
 140 A net of death in which by chance we live.
 All we have learned appears a doubtful guess,
 The achievement done a passage or a phase
 Whose farther end is hidden from our sight,
 A chance happening or a fortuitous fate.
 145 Out of the unknown we move to the unknown.
 Ever surround our brief existence here
 Grey shadows of unanswered questionings;
 The dark Inconscient's signless mysteries
 Stand up unsolved behind Fate's starting-line.

В заветном храме пламенный Свидетель
Сквозь Время зрит и сквозь преграды Формы;
В его очах лучится вечный Свет;
Он достигает тайн неизреченных,
И смысл находит в мире Несознания,
И цель провидит в странствии веков.

Но все мистерия, загадка, тайна;
Лишь обратившись внутрь, лишь вещим сердцем
Иль взором духа можно суть постичь.
Иначе смертный ум недальновидный
Наш путь считает странствием без цели,
Нелепостью, игрой случайной Воли
Иль странной Неизбежностью бесцельной,
Что беспричинно вынуждена быть.
На зыбкой тверди в беспросветном мире
Живем мы, усомнясь в самих себе,
Не ведая зачем, и с болью видим,
Что наша жизнь — неясная затея
И что душа — неверный огонек
В безмерном тяжком мраке Несознания,
Земля — случайность в грубом механизме,
Ловушка смерти, где мы тщетно бьемся.
Все, что постигли мы, сомненья полно,
Все достижения наши преходящи,
Их смысл дальнейший скрыт от нас обличьем
Случайности иль призрачной судьбы.
В безвестность из безвестности идем мы.
Наш краткий век тревожат неотступно
Вопросов вечных сумрачные тени;
Безвидные загадки Несознания
На рубеже Судьбы воздвиглись немо.

- 150 An aspiration in the Night's profound,
 Seed of a perishing body and half-lit mind,
 Uplifts its lonely tongue of conscious fire
 Towards an undying Light for ever lost;
 Only it hears, sole echo of its call,
- 155 The dim reply in man's unknowing heart
 And meets, not understanding why it came
 Or for what reason is the suffering here,
 God's sanction to the paradox of life
 And the riddle of the Immortal's birth in Time.
- 160 Along a path of aeons serpentine
 In the coiled blackness of her nescient course
 The Earth-Goddess toils across the sands of Time.
 A Being is in her whom she hopes to know,
 A Word speaks to her heart she cannot hear,
- 165 A Fate compels whose form she cannot see.
 In her unconscious orbit through the Void
 Out of her mindless depths she strives to rise,
 A perilous life her gain, a struggling joy;
 A Thought that can conceive but hardly knows
- 170 Arises slowly in her and creates
 The idea, the speech that labels more than it lights;
 A trembling gladness that is less than bliss
 Invades from all this beauty that must die.
 Alarmed by the sorrow dragging at her feet
- [51] 175 And conscious of the high things not yet won,
 Ever she nurses in her sleepless breast
 An inward urge that takes from her rest and peace.
 Ignorant and weary and invincible,

Стремленье в безднах Ночи, что рождает
Жизнь в брэнной плоти и неясный ум,
Свой огненный язык вздымает вечно
К бессмертному утраченному Свету —
Но только слышит, одиноким эхом,
В людских сердцах незрячих смутный отклик
И узнает — хоть в нем не видит смысла,
Не ведает, зачем страданья эти, —
Веленье Божье в парадоксе жизни
И Вечного рожденье из веков.
Змеящейся тропинкою эпох
По кольцам тьмы бредет Земля-Богиня,
В песках Времен нащупывая путь.
Она мечтает Дух в себе открыть,
Расслышать в сердце тайной Молви шепот,
Увидеть лик Судьбы, что ей довлеет.
Вращаясь без сознанья в Пустоте,
Чтоб выбраться из бездн своих безумных,
В борьбе, в трудах она дары стяжает
Опасной жизни, радости смятенной;
И Мысль, что, осмысляя, вряд ли знает,
В ней медленно возрастает и творит
Идею, речь, что лишь назвать способна,
Но объяснить не в силах ничего;
И радость в ней трепещет — не блаженство —
От этой красоты, чей краток век.
Преследуема горем по пятам,
Касаясь высших тайн необретенных,
В груди своей она растит бессонно
Заветный пыл, что не дает почить ей.
Ни отдыха не зная, ни покоя,
Идя вперед, не ведая куда,
Забывшись, утомясь, но не сдаваясь,

She seeks through the soul's war and quivering pain
180 The pure perfection her marred nature needs,
A breath of Godhead on her stone and mire.
A faith she craves that can survive defeat,
The sweetness of a love that knows not death,
The radiance of a truth for ever sure.
185 A light grows in her, she assumes a voice,
Her state she learns to read and the act she has done,
But the one needed truth eludes her grasp,
Herself and all of which she is the sign.
An inarticulate whisper drives her steps
190 Of which she feels the force but not the sense;
A few rare intimations come as guides,
Immense divining flashes cleave her brain,
And sometimes in her hours of dream and muse
The truth that she has missed looks out on her
195 As if far off and yet within her soul.
A change comes near that flees from her surmise
And, ever postponed, compels attempt and hope,
Yet seems too great for mortal hope to dare.
A vision meets her of supernal Powers
200 That draw her as if mighty kinsmen lost
Approaching with estranged great luminous gaze.
Then is she moved to all that she is not
And stretches arms to what was never hers.
Outstretching arms to the unconscious Void,
205 Passionate she prays to invisible forms of Gods

Она в войне души и в шоках боли
Взыскует совершенства без изъяна,
Что столь ее ущербности желанно,
Дыханья божества на косном камне,
Стремится к вере, что превыше рока,
К любви, чья сладость не подвластна смерти,
К сиянью истины непреходящей.
И в ней возрастает свет, трепещет речь,
Она читает собственное знанье,
Вникает в письма своих деяний,
Но не понять ей истины главной —
Себя и тайны своего знаменья.
Ее влечет вперед неясный шепот,
Чьей силе внемлет лишь она, не смыслу;
Мелькают путеводные намеки,
Пронзают мозг прозрений ярких вспышки,
И иногда в часы мечты и грезы
Желанная к ней истина стучится —
Хоть издали, но из ее души.
И близким предстает преображенье,
Что превосходит все ее догадки,
И, вечно отлагаемое все,
Зовет к надеждам, к устремленьям дерзким,
И все ж несбытным кажется для смертных.
Ей вышних Сил являются виденья,
Чья мощь влечет ее родством забытым,
И манят светом неземных очей.
И к необъятному она влечется
И тянет к недостигнутому длани,
Мечтая стать тем, чем еще не стала.
К пустынным безднам простирая длани,
Она взывает к Божествам незримым,

Soliciting from dumb Fate and toiling Time
 What most she needs, what most exceeds her scope,
 A Mind unvisited by illusion's gleams,
 A Will expressive of soul's deity,
 210 A Strength not forced to stumble by its speed,
 [52] A Joy that drags not sorrow as its shade.
 For these she yearns and feels them destined hers:
 Heaven's privilege she claims as her own right.
 Just is her claim the all-witnessing Gods approve,
 215 Clear in a greater light than reason owns:
 Our intuitions are its title-deeds;
 Our souls accept what our blind thoughts refuse.
 Earth's winged chimaeras are Truth's steeds in Heaven,
 The impossible God's sign of things to be.
 220 But few can look beyond the present state
 Or overleap this matted hedge of sense.
 All that transpires on earth and all beyond
 Are parts of an illimitable plan
 The One keeps in his heart and knows alone.
 225 Our outward happenings have their seed within,
 And even this random Fate that imitates Chance,
 This mass of unintelligible results,
 Are the dumb graph of truths that work unseen:
 The laws of the Unknown create the known.
 230 The events that shape the appearance of our lives
 Are a cipher of subliminal quiverings
 Which rarely we surprise or vaguely feel,
 Are an outcome of suppressed realities
 That hardly rise into material day:
 235 They are born from the spirit's sun of hidden powers

Вымаливает у Судьбы немой,
У Времени, трудящегося в муках,
Что ей всего нужней, всего несбытней —
Разум, свободный от игры иллюзий,
Волю, подвластную душе-богине,
Силу, что мчит вперед без преткновений,
Радость, что тенью не приносит горя.
Их она жаждет, в них свой видит жребий,
В небесной привилегии — свой долг.
Она права — в том цель Богов всезрящих,
Что скрыта в свете высшем, чем рассудок:
Прозренья наши — прав ее залог;
И наши души постигают то,
Во что не верит наша мысль слепая.
Земли крылатые химеры — кони Истины небесной,
Несбыточное — Божий знак вещей грядущих.
Но редкий не обманут настоящим,
Не заперт в тесной изгороди чувств.
Что ведомо земле и что безвестно —
Все это части в замысле безмерном,
Что в сердце у себя хранит Единый, —
В великом плане, что Ему лишь ведом.
Явлений семя кроется внутри;
Вся эта зыбь разрозненных событий,
Игра Судьбы, что прячется за Случай,
Лишь отражает тайный стройный план,
Что чертят молча скрытых истин длани:
Безвестного закон творит известное.
И наших жизней внешние сюжеты
Есть тайнопись движений подсознания,
Что иногда мы ощущаем смутно,
Явление реальностей подспудных,
Рожденных солнцем тайных сил духовных,

Digging a tunnel through emergency.
 But who shall pierce into the cryptic gulf
 And learn what deep necessity of the soul
 Determined casual deed and consequence?
 240 Absorbed in a routine of daily acts,
 Our eyes are fixed on an external scene;
 We hear the crash of the wheels of Circumstance
 And wonder at the hidden cause of things.
 Yet a foreseeing Knowledge might be ours,
 245 If we could take our spirit's stand within,
 If we could hear the muffled daemon voice.
 [53] Too seldom is the shadow of what must come
 Cast in an instant on the secret sense
 Which feels the shock of the invisible,
 250 And seldom in the few who answer give
 The mighty process of the cosmic Will
 Communicates its image to our sight,
 Identifying the world's mind with ours.
 Our range is fixed within the crowded arc
 255 Of what we observe and touch and thought can guess
 And rarely dawns the light of the Unknown
 Waking in us the prophet and the seer.
 The outward and the immediate are our field,
 The dead past is our background and support;
 260 Mind keeps the soul prisoner, we are slaves to our acts;
 We cannot free our gaze to reach wisdom's sun.

Что редко предстают в земные дни,
Вдруг вырвавшись в событии неожиданном.
Но кто постигнет в глубине заветной,
Что за потребность скрытая души
Запечатлелась в случае внезапном,
Определила ход событий внешних?
Захваченный рутинной повседневной,
Наш взгляд всегда прикован к внешней сцене;
В грохочущем вращеньи обстоятельств
Мы ищем, в чем же тайный смысл всего.
И можем мы снискать провидца Знатье,
Коль утвердим в себе правленья духа,
Коль различим чуть слышный шепот свыше.
Но редко тень грядущего мы видим,
Незримому внимаем, трепеща,
Его на миг настигнув тайным чувством,
И в редких, кто откликнуться готов,
Вселенской Воли властное движенье
Свой образ поверяет нашим взорам,
Нас раскрывая во всемирный разум.
Мирок наш тесен, груб: мы тем живем,
Что можем угадать, узреть, ощупать;
Лишь редко свет Неведомого брезжит
И будит в нас пророка и провидца.
Во внешнем, в очевидном — наш предел,
В отжившем прошлом — корни и опора;
Душа томится в нас в плену ума,
Мы в рабстве у своих ничтожных дел;
Нет сил в нас тяжкие стряхнуть оковы
И взгляд свой к солнцу мудрости возвысить.

Inheritor of the brief animal mind,
 Man, still a child in Nature's mighty hands,
 In the succession of the moments lives;
 265 To a changing present is his narrow right;
 His memory stares back at a phantom past,
 The future flees before him as he moves;
 He sees imagined garments, not a face.
 Armed with a limited precarious strength,
 270 He saves his fruits of work from adverse chance.
 A struggling ignorance is his wisdom's mate:
 He waits to see the consequence of his acts,
 He waits to weigh the certitude of his thoughts,
 He knows not what he shall achieve or when;
 275 He knows not whether at last he shall survive,
 Or end like the mastodon and the sloth
 And perish from the earth where he was king.
 He is ignorant of the meaning of his life,
 He is ignorant of his high and splendid fate.
 280 Only the Immortals on their deathless heights
 Dwelling beyond the walls of Time and Space,
 Masters of living, free from the bonds of Thought,
 [54] Who are overseers of Fate and Chance and Will
 And experts of the theorem of world-need,
 285 Can see the Idea, the Might that change Time's course,
 Come maned with light from undiscovered worlds,
 Hear, while the world toils on with its deep blind heart,
 The galloping hooves of the unforeseen event,
 Bearing the superhuman Rider, near

Приняв в наследство бранный ум животный,
Еще дитя в руках Природы властных,
Живет от мига к мигу человек,
Довольствуясь лишь зыбким настоящим,
На призраки былого озираясь,
За будущим гонясь недостижимым;
Он зрит наряды мнимые — не лик.
Своей ничтожной ненадежной силой
Он бьется со случайностью враждебной,
Чтоб уберечь плоды своих трудов.
С неведеньем в нем неразлучна мудрость:
Он ждет, чтоб дел своих увидеть всходы,
Он ждет, чтоб дум своих проверить верность,
Не ведая, чего и как достигнет,
Не зная, уцелеет ли в итоге
Иль кончит дни как динозавр и мамонт
И вымрет на земле, где был царем.
Не знает он, зачем живет на свете,
Не знает о судьбе своей высокой.
И лишь Бессмертные из сфер предвечных,
Царя вне Времени, вне стен Пространства,
Владыки жизни, не стесненной Мыслью,
Блудущие Судьбу, Случайность, Волю,
Постигшие миростремленья тайну,
Потребности вселенской теорему, —
Они лишь видят ту Идею-Силу,
Ту Мощь, что изменяет ход времен,
Нисходят в свете влас из сфер безвестных,
Внимают, пока мир бредет куда-то слепо,
Как стук копыт нежданного события
Божественного Всадника несет,

- 290 And, impassive to earth's din and startled cry,
 Return to the silence of the hills of God;
 As lightning leaps, as thunder sweeps, they pass
 And leave their mark on the trampled breast of Life.
 Above the world the world-creators stand,
- 295 In the phenomenon see its mystic source.
 These heed not the deceiving outward play,
 They turn not to the moment's busy tramp,
 But listen with the still patience of the Unborn
 For the slow footsteps of far Destiny
- 300 Approaching through huge distances of Time,
 Unmarked by the eye that sees effect and cause,
 Unheard mid the clamour of the human plane.
 Attentive to an unseen Truth they seize
 A sound as of invisible augur wings,
- 305 Voices of an unplumbed significance,
 Mutterings that brood in the core of Matter's sleep.
 In the heart's profound audition they can catch
 The murmurs lost by Life's uncaring ear,
 A prophet-speech in Thought's omniscient trance.
- 310 Above the illusion of the hopes that pass,
 Behind the appearance and the overt act,
 Behind this clock-work Chance and vague surmise,
 Amid the wrestle of force, the trampling feet,
 Across the cries of anguish and of joy,
- 315 Across the triumph, fighting and despair,
 They watch the Bliss for which earth's heart has cried
 On the long road which cannot see its end
 Winding undetected through the sceptic days
- [55] And to meet it guide the unheedful moving world.

И равнодушные к земному шуму,
К испуганному крику, вновь восходят
В простор безмолвный Божиих вершин;
Как молния блеснув, как гром нагрянув,
Они уходят, оставляя след свой
На попранном простертом лоне Жизни.
Над миром — мира зиждутся творцы
И зрят источник тайный Проявления.
*Обманчивая внешняя игра не привлекает их,
Их не волнует суетливая рысца мгновений,
Но с терпеливостью спокойной Нерожденных
Они внимают тихой поступи далекого Удела,
Что близится сквозь бездны Времени, для ока,
Что видит следствие с причиной, незаметный,
Неслышимый среди гула человеческого плана.
Они, внимательные к Истине незримой, различают
Звук, будто вещей крыл, что лишь авгуру зримы,
Гласы, значение которых нераскрыто,
Раскаты дальние, что в сердце сна Материи растут.
Они способны уловить в глубоком слышанье сердечном
Шептания, упущенные беззаботным ухом Жизни,
Пророческую речь во всепостигом трансe Мысли.*
Над миражом надежд недолговечных,
За видимостью и за внешним действием,
За механичным случаем и за догадкой смутной,
Средь битвы силы, грома тяжких стоп,
Сквозь вопли мук и возгласы восторга,
Через триумф, борьбу и безнадежность
Они Блаженство зрят, что ждет земное сердце,
Молящее о нем в пути безвестном,
Что неприметно вьется в днях безверья,
И мир несведущий влекут ему навстречу.

- 320 Thus will the masked Transcendent mount his throne.
When darkness deepens strangling the earth's breast
And man's corporeal mind is the only lamp,
As a thief's in the night shall be the covert tread
Of one who steps unseen into his house.
- 325 A Voice ill-heard shall speak, the soul obey,
A Power into mind's inner chamber steal,
A charm and sweetness open life's closed doors
And beauty conquer the resisting world,
The Truth-Light capture Nature by surprise,
- 330 A stealth of God compel the heart to bliss
And earth grow unexpectedly divine.
In Matter shall be lit the spirit's glow,
In body and body kindled the sacred birth;
Night shall awake to the anthem of the stars,
- 335 The days become a happy pilgrim march,
Our will a force of the Eternal's power,
And thought the rays of a spiritual sun.
A few shall see what none yet understands;
God shall grow up while the wise men talk and sleep;
- 340 For man shall not know the coming till its hour
And belief shall be not till the work is done.

Так тайно на престол взойдет Всевышний.
Когда сгустится мрак, стесняя грудь земли,
И станет плотский ум единственным светилом,
Как тать в ночи, не узнанный никем,
Он, крадучись, войдет в свою обитель.
И Глас чуть слышный очарует душу,
И в тайники ума проникнет Сила,
Восторг и сладость вскроют двери жизни
И красота пленит мятежный мир,
Свет-Истина тайком войдет в Природу,
Украдкой Бог к блаженству склонит сердце —
И вдруг земля божественною станет.
В Материи зажжется пламень духа,
В телах взовьется огонь святых рождений;
И Ночь от сна пробудит гимн созвездий,
И дни предстанут странствием счастливым,
И воля — силой вечного Всевластья,
И мысль — лучом духовного светила.
Так Бог взрастет, неузнанный никем,
Покуда мудрецы беседуют и дремлют —
Немногим разглядеть Его приход удастся;
Ведь лишь тогда прозреет человек
И лишь тогда в пришествие поверит,
Когда настанет час Богоявления
И будет завершен великий труд.

A Consciousness that knows not its own truth,
 A vagrant hunter of misleading dawns,
 Between the being's dark and luminous ends
 345 Moves here in a half-light that seems the whole:
 An interregnum in Reality
 Cuts off the integral Thought, the total Power;
 It circles or stands in a vague interspace,
 Doubtful of its beginning and its close,
 350 Or runs upon a road that has no end;
 Far from the original Dusk, the final Flame
 In some huge void Inconscience it lives,
 Like a thought persisting in a wide emptiness.
 [56] As if an unintelligible phrase
 355 Suggested a million renderings to the Mind,
 It lends a purport to a random world.
 A conjecture leaning upon doubtful proofs,
 A message misunderstood, a thought confused
 Missing its aim is all that it can speak
 360 Or a fragment of the universal word.
 It leaves two giant letters void of sense
 While without sanction turns the middle sign
 Carrying an enigmatic universe,
 As if a present without future or past
 365 Repeating the same revolution's whirl
 Turned on its axis in its own Inane.
 Thus is the meaning of creation veiled;
 For without context reads the cosmic page:
 Its signs stare at us like an unknown script,
 370 As if appeared screened by a foreign tongue
 Or code of splendour signs without a key
 A portion of a parable sublime.

Сознание, что истины не ведает своей,
Блуждающий охотник за обманчивым рассветом,
Меж темным и лучащимся краями бытия
Здесь в полусвете движется, что кажется нам полным:
В нем неосознанность Реальности единой
Рвет целостную Мысль, рвет Мощь тотальную;
Оно по кругу ходит иль стоит в заминке смутной
В сомнении о своем начале и исходе,
Иль мчится по дороге, у которой нет конца;
Вдали от первородных Сумерек и Пламени финала,
В каком-то Несознании, огромном и безвидном,
Оно живет, как мысль упорная в безбрежной пустоте.
Как если бы невразумительная фраза
Уму внушала множество прочтений —
Смысл беспорядочному миру придает оно.
Предположение, что основано на доказательствах неясных,
Непонятая весть, запутанная мысль,
Лишившаяся цели, — вот и все, что может
Оно поведать — или часть лишь всеобъемлющего слова.
Оно не может объяснить два символа гигантских,
Пока без санкции вращается срединный знак меж ними,
Неся в себе вселенную-загадку,
Как если б настоящее без будущего и былого
В одном и том же кружащемся вихре
Вращалось на своей оси в Бессмыслии своем.
Так скрыт творенья прикровенный смысл.
Ведь вне контекста лист космический читают:
Нам предстают, как незнакомый почерк, письма его,
Как если б сквозь покровы языка чужого
Иль кода чудных знаков без ключа
Часть грандиозной притчи проявилась.

It wears to the perishable creature's eyes
 The grandeur of a useless miracle;
 375 Wasting itself that it may last awhile,
 A river that can never find its sea,
 It runs through life and death on an edge of Time;
 A fire in the Night is its mighty action's blaze.
 This is our deepest need to join once more
 380 What now is parted, opposite and twain,
 Remote in sovereign spheres that never meet
 Or fronting like far poles of Night and Day.
 We must fill the immense lacuna we have made,
 Re-wed the closed finite's lonely consonant
 385 With the open vowels of Infinity,
 A hyphen must connect Matter and Mind,
 The narrow isthmus of the ascending soul:
 We must renew the secret bond in things,
 Our hearts recall the lost divine Idea,
 [57] 390 Reconstitute the perfect word, unite
 The Alpha and the Omega in one sound;
 Then shall the Spirit and Nature be at one.
 Two are the ends of the mysterious plan.
 In the wide signless ether of the Self,
 395 In the unchanging Silence white and nude,
 Aloof, resplendent like gold dazzling suns
 Veiled by the ray no mortal eye can bear,
 The Spirit's bare and absolute potencies
 Burn in the solitude of the thoughts of God.
 400 A rapture and a radiance and a hush,
 Delivered from the approach of wounded hearts,
 Denied to the Idea that looks at grief,

Оно глазам созданий бранных предстает
Великолепием бессмысленного чуда.
Себя растрачивая, чтоб пожить недолго,
Рекой, что отыскать не может моря,
Оно сквозь жизнь и смерть бежит на край Времен;
Огнем в Ночи горит его поток могучий.
В нем — наша глубочайшая потребность,
Стремленье вновь соединить в одно
То, что сейчас в раздоре, в разобщении,
Что противопоставлено друг другу
В своих владеньях, что не знают встречи, —
Два полюса далеких Дня и Ночи.
Восполнить мы должны пробел гигантский,
Что создан нами, воссоединить
Конечного согласный одинокий
Вновь с гласными открытыми Безбрежья,
Материю и Ум связать дефисом,
Души всходящей узким перешейком —
Возобновить утраченные узы,
Божественную Цель вернуть в сердца,
Изречь Глагол всецелый, совместить
В едином звуке Альфу и Омегу:
Тогда соединятся Дух с Природой.
*Ведь у таинственного плана два конца.
В лишенном признаков эфире Самости безбрежном,
В лишенном перемен Безмолвье белом, обнаженном,
Стороннем, блещущем подобно золотым, слепящим солнцам,
За пеленой лучей, для смертных глаз невыносимых,
Нагие силы Духа всемогущие
Горят в уединении Божьих дум.
В восторге, в светоносности, в безмолвьи,
Избавленные от прикосновения израненных сердец,
Недосягаемые для Идеи, что на скорбь взирает,*

- Remote from the Force that cries out in its pain,
 In his inalienable bliss they live.
- 405 Immaculate in self-knowledge and self-power,
 Calm they repose on the eternal Will.
 Only his law they count and him obey;
 They have no goal to reach, no aim to serve.
 Implacable in their timeless purity,
- 410 All barter or bribe of worship they refuse;
 Unmoved by cry of revolt and ignorant prayer
 They reckon not our virtue and our sin;
 They bend not to the voices that implore,
 They hold no traffic with error and its reign;
- 415 They are guardians of the silence of the Truth,
 They are keepers of the immutable decree.
 A deep surrender is their source of might,
 A still identity their way to know,
 Motionless is their action like a sleep.
- 420 At peace, regarding the trouble beneath the stars,
 Deathless, watching the works of Death and Chance,
 Immobile, seeing the millenniums pass,
 Untouched while the long map of Fate unrolls,
 They look on our struggle with impartial eyes,
- 425 And yet without them cosmos could not be.
- [58] Impervious to desire and doom and hope,
 Their station of inviolable might
 Moveless upholds the world's enormous task,
 Its ignorance is by their knowledge lit,
- 430 Its yearning lasts by their indifference.
 As the height draws the low ever to climb,
 As the breadths draw the small to adventure vast,
 Their aloofness drives man to surpass himself.
 Our passion heaves to wed the Eternal's calm,
- 435 Our dwarf-search mind to meet the Omniscient's light,

Далекие от Силы, что в мученьях стонет,
Они живут в Его блаженстве нерушимом.
Чисты в самопознании и самообладании,
Тихи, они покоятся на основаньи вечной Воли.
Они внимают лишь Его закону, лишь Ему послушны;
Им нечего достигать и не к чему стремиться.
Неумолимы в чистоте своей вневременной,
Они весь торг и подкуп поклоненья отвергают;
Недвижимые воплем мятежа и несознательной молитвой,
Они наш грех и добродетель не берут в расчет,
Они не приклоняются к молящим голосам,
Они с ошибкой не имеют дел и с царствием ее:
Они безмолвья Истины стражи,
Они хранители необоримого веленья.
Глубокая самоотдача — мощи их источник,
Покойное отождествление — их путь познания,
Их действие недвижно, будто сон.
В спокойствии на тяготы под звездами взирая,
В бессмертии деянья Случая и Смерти созерцающая,
Недвижно глядя как тысячелетия проходят,
Нетронуты, пока Судьба свой долгий план являет,
Они на битву нашу зрят бесстрастными очами,
И все ж без них не смог бы космос быть.
Глухое для желанья, рока и надежды,
Их состоянье нерушимого могущества незыбно
Поддерживает мира грандиозную задачу,
Его невежество освещено их знаньем,
Его стремление их беспристрастьем длится.
Как высь всегда все выше низкое влечет,
Как шифры манят малое в отважный путь к простору,
Их отстраненность движет человека превзойти себя.
И наша страсть вздымается, чтоб с вечной Тишью слиться,
Наш карлик-ум с всеведающим Светом ищет встречи,

Our helpless hearts to enshrine the Omnipotent's force.
 Acquiescing in the wisdom that made hell
 And the harsh utility of death and tears,
 Acquiescing in the gradual steps of Time,
 440 Careless they seem of the grief that stings the world's heart,
 Careless of the pain that rends its body and life;
 Above joy and sorrow is that grandeur's walk:
 They have no portion in the good that dies,
 Mute, pure, they share not in the evil done;
 445 Else might their strength be marred and could not save.
 Alive to the truth that dwells in God's extremes,
 Awake to a motion of all-seeing Force,
 The slow outcome of the long ambiguous years
 And the unexpected good from woeful deeds,
 450 The immortal sees not as we vainly see.
 He looks on hidden aspects and screened powers,
 He knows the law and natural line of things.
 Undriven by a brief life's will to act,
 Unharassed by the spur of pity and fear,
 455 He makes no haste to untie the cosmic knot
 Or the world's torn jarring heart to reconcile.
 In Time he waits for the Eternal's hour.
 Yet a spiritual secret aid is there;
 While a tardy Evolution's coils wind on
 460 And Nature hews her way through adamant
 A divine intervention thrones above.
 [59] Alive in a dead rotating universe
 We whirl not here upon a casual globe
 Abandoned to a task beyond our force;
 465 Even through the tangled anarchy called Fate
 And through the bitterness of death and fall
 An outstretched Hand is felt upon our lives.

Беспомощное наше сердце жаждет Всемогущество вместить.
Приемля мудрость, что создала ад,
И тяжкую полезность слез и смерти,
Приемля постепенный шаг Времен,
Они как будто равнодушны к скорби, что пронзает
сердце мира,

И к боли, что терзает плоть его и жизнь;
Над радостью и горем их величие царит:
В добре, что умирает, нет их доли,
Безгласны и чисты, не соучаствуют они в творимом зле;
Иначе б занятналась сила их и не смогла б спасти.
Внимая истине, что в Божьих крайностях живет,
Движение всезрящей Силы созная,
И медленные результаты долгих смутных лет,
И непредвиденное благо от деяний горьких,
Бессмертный зрит не так, как тщетно мы глядим.
Он видит силы скрытые и тайные аспекты,
Ему открыт закон вещей и их природный ход.
Неувлекаем волей к действию, присущей краткой жизни,
Неизводим плетями жалости и страха,
Он не спешит вселенский узел развязать
Иль умиротворить истерзанное, полное разлада сердце мира.
Во Времени он ждет, когда час Вечного настанет.
Но все же тайная духовная поддержка существует;
Пока витками вьется Эволюции дорога затяжная
И сквозь твердыни пробивает путь Природа,
Вмешательство божественное вечно правит свыше.
В безжизненном вращающемся космосе живые,
Мы не оставлены на кружащемся шарике случайном
Решать задачу, что превьше наших сил;
Ведь даже и в клубке анархии, зовуемся Судьбою,
И в горечи падения и смерти
Все ж в наших жизнях ощущается простертая Рука.

It is near us in unnumbered bodies and births;
 In its unslackening grasp it keeps for us safe
 470 The one inevitable supreme result
 No will can take away and no doom change,
 The crown of conscious Immortality,
 The godhead promised to our struggling souls
 When first man's heart dared death and suffered life.
 475 One who has shaped this world is ever its lord:
 Our errors are his steps upon the way;
 He works through the fierce vicissitudes of our lives,
 He works through the hard breath of battle and toil,
 He works through our sins and sorrows and our tears,
 480 His knowledge overrules our nescience;
 Whatever the appearance we must bear,
 Whatever our strong ills and present fate,
 When nothing we can see but drift and bale,
 A mighty Guidance leads us still through all.
 485 After we have served this great divided world
 God's bliss and oneness are our inborn right.
 A date is fixed in the calendar of the Unknown,
 An anniversary of the Birth sublime:
 Our soul shall justify its chequered walk,
 490 All will come near that now is naught or far.
 These calm and distant Might's shall act at last.
 Immovably ready for their destined task,
 The ever-wise compassionate Brilliances
 Await the sound of the Incarnate's voice
 495 To leap and bridge the chasms of Ignorance
 And heal the hollow yearning gulfs of Life
 And fill the abyss that is the universe.

Она близ нас в бесчисленных рожденьях и телах;
 Для нас хранит она надежно, неослабно,
 Единый, неминуемый верховный результат,
 Который воле не отнять и року не переменить,
 Венец Бессмертия сознательного, божество,
 Обещанное нашим борющимся душам,
 Когда впервые сердце человека

презрело смерть и выстрадало жизнь.

Тот, кто создал сей мир, — всегда его владыка:
 Ошибки наши — суть его шаги в пути;
 Он трудится чрез лютые перипетии наших жизней,
 Он трудится чрез тяжкое дыханье тягот и борений,
 Он трудится чрез наши горести, пороки, наши слезы, —
 Он направляет знанием своим неведение наше;
 Какой бы вид ни должно было нам принять,
 Какие бы невзгоды и какой бы жребий нам ни выпали,
 Когда мы видим лишь беспомощность и зло,
 Нас все ж ведет сквозь все могучий Поводырь.
 Когда ж мы отслужили этому великому разрозненному миру,
 Блаженство и единство Божие

по праву прирожденному нас ждут.

В календаре Неведомого выделена дата,
 Высокого Рожденья годовщина:
 Тогда душа неровный шаг свой оправдает,
 Все, что сейчас неявно или отдаленно, станет близким.
 И те покойные, далекие Могущества себя проявят, наконец.
 Готовые недвижно к предначертанной задаче,
 Извечно мудрые, исполненные сострадания Блистанья
 Лишь ждут, когда раздастся Воплощенного глагол,
 Чтоб ринуться сюда и пропасти Неведенья покрыть,
 И исцелить зияющие пусто бездны Жизни,
 И утолить, наполнить космоса пучину.

[60] Here meanwhile at the Spirit's opposite pole
In the mystery of the deeps that God has built
500 For his abode below the Thinker's sight,
In this compromise of a stark absolute Truth
With the Light that dwells near the dark end of things,
In this tragi-comedy of divine disguise,
This long far seeking for joy ever near,
505 In the grandiose dream of which the world is made,
In this gold dome on a black dragon base,
The conscious Force that acts in Nature's breast,
A dark-robed labourer in the cosmic scheme
Carrying clay images of unborn gods,
510 Executrix of the inevitable Idea
Hampered, enveloped by the hoops of Fate,
Patient trustee of slow eternal Time,
Absolves from hour to hour her secret charge.
All she foresees in masked imperative depths;
515 The dumb intention of the unconscious gulfs
Answers to a will that sees upon the heights,
And the evolving Word's first syllable
Ponderous, brute-sensed, contains its luminous close,
Privy to a summit victory's vast descent
520 And the portent of the soul's immense uprising.

Здесь, между тем, в начале темном мира,
На полюсе обратном сферы Духа,
В мистерии глубин, что Бог разверз,
Чтоб ниже глаз Мыслителя сокрыться,
Здесь, в компромиссе Истины всевечной
Со Светом, скрытым у истоков тьмы,
В трагикомичном Божьем маскараде,
Исканьях вечных радости столь близкой,
Здесь, в грандиозной грезе мироздания,
В сем куполе златом, что возведен
На черной драконической основе,
Сознательная Труженица-Сила,
Тая свой лик под мрачным облаченьем,
Вселенский план рождая в недрах мира,
Прообразы божеств творя во прахе,
Осуществляет Замысл непреложный, —
Стесненная оковами Судьбы,
Извечных лет блюститель терпеливый,
Предвидя все в необоримых глубях,
За часом час являет тайный труд свой.
Немая жажда в безднах Несознания
Ответствует всезрящей воле свыше,
И первый слог растущего Глагола,
Тяжелый, грубый, все ж в себе несет
Исполненное света окончанье,
Служа победы высшей нисхождению,
Готова грандиозный взлет души.

All here where each thing seems its lonely self
 Are figures of the sole transcendent One:
 Only by him they are, his breath is their life;
 An unseen Presence moulds the oblivious clay.
 525 A playmate in the mighty Mother's game,
 One came upon the dubious whirling globe
 To hide from her pursuit in force and form.
 A secret spirit in the Inconscient's sleep,
 A shapeless Energy, a voiceless Word,
 530 He was here before the elements could emerge,
 Before there was light of mind or life could breathe.
 Accomplice of her cosmic huge pretence,
 [61] His semblances he turns to real shapes
 And makes the symbol equal with the truth:
 535 He gives to his timeless thoughts a form in Time.
 He is the substance, he the self of things;
 She has forged from him her works of skill and might:
 She wraps him in the magic of her moods
 And makes of his myriad truths her countless dreams.
 540 The Master of being has come down to her,
 An immortal child born in the fugitive years.
 In objects wrought, in the persons she conceives,
 Dreaming she chases her idea of him,
 And catches here a look and there a gest:
 545 Ever he repeats in them his ceaseless births.
 He is the Maker and the world he made,
 He is the vision and he is the Seer;
 He is himself the actor and the act,

Хоть мнятся разобщенными все вещи,
Все здесь — лишь формы высшего Единства,
Лишь образы единственного Бога:
Он их творит и в них вдыхает жизнь,
И полнит прах Присутствием незримым.
В игре с великой Матерью вселенской
Нисходит Он на шар, летящий в безднах,
Скрываясь в силе от Нее и в форме.
Заветным духом в трансе Несознания,
Энергией безвидной, безмолвным Словом,
Он был здесь прежде, чем выросли стихии,
И прежде, чем родились жизнь и ум.
Сообщник Ее вселенского подлога,
Он видимости обращает в формы
И к истине приравнивает символ:
Он в образах Времен осуществляет
Вневременные замыслы свои.
Он вещество, и Он — душа вещей;
И в Нем Она вершит свои труды,
В Нем воплощает свой всеильный гений,
Его чарует играми своими,
Из мириад Его бессмертных истин
Творит свои несметные мечты.
Владыка бытия нисходит к Ней,
Бессмертное дитя в бегущих летах.
В своих твореньях, в личностях своих,
В мечтах Она спешит Его настигнуть
И ловит вдруг то взгляд Его, то жест, —
И в них Он вновь рождается вовеки.
Он — и Творец, и сотворенный мир,
Он — виденье и Он же сам — Провидец;
Он сам — актер и сам же — представленье,

He is himself the knower and the known,
 550 He is himself the dreamer and the dream.
 There are Two who are One and play in many worlds;
 In Knowledge and Ignorance they have spoken and met
 And light and darkness are their eyes' interchange;
 Our pleasure and pain are their wrestle and embrace,
 555 Our deeds, our hopes are intimate to their tale;
 They are married secretly in our thought and life.
 The universe is an endless masquerade:
 For nothing here is utterly what it seems;
 It is a dream-fact vision of a truth
 560 Which but for the dream would not be wholly true,
 A phenomenon stands out significant
 Against dim backgrounds of eternity;
 We accept its face and pass by all it means;
 A part is seen, we take it for the whole.
 565 Thus have they made their play with us for roles:
 Author and actor with himself as scene,
 He moves there as the Soul, as Nature she.
 Here on the earth where we must fill our parts,
 [62] We know not how shall run the drama's course;
 570 Our uttered sentences veil in their thought.
 Her mighty plan she holds back from our sight:
 She has concealed her glory and her bliss
 And disguised the Love and Wisdom in her heart;
 Of all the marvel and beauty that are hers,
 575 Only a darkened little we can feel.
 He too wears a diminished godhead here;
 He has forsaken his omnipotence,

Он — познающий и предмет познания,
Он сам — мечтатель и Он сам — мечта.
Единые-Двое играют в сонмах царств:
Неведенье и Знание — их беседа,
А свет и тьма — их взоров единенье;
Страданья наши — это их борьба,
Услады наши — это их объятья;
Дела, надежды наши — их забавы,
А наши жизнь и мысль — их тайный брак.
Весь этот мир — бескрайний маскарад:
Все здесь — не то, чем хочет показаться:
Виденье-греза вымышленной яви
Приобретает истины черты,
Но истинность его — не в этой грезе:
Прикосновение вечности туманной
Феноменальный оживляет мир.
Мы видим образ, но не смысл его;
Мы видим часть, ее считая целым.
Так в их спектакле мы играем роли:
Он — сам же автор и актер и сцена —
Играет роль Души, Она — Природы.
Здесь, на земле, заняв свои места,
Не знаем мы сценарий этой драмы —
Из наших реплик не понять финала.
От нас сокрыт Ее великий план:
Свои великолепье и блаженство
Она укрыла в сердце у себя,
Свои Любовь и Мудрость затаила.
Из всей Ее красы и благодати
Лишь сумрачная малость нам открыта.
И Он в обличье свергнутого бога
Здесь потерял всесилие свое,

His calm he has foregone and infinity.
 He knows her only, he has forgotten himself;
 580 To her he abandons all to make her great.
 He hopes in her to find himself anew,
 Incarnate, wedding his infinity's peace
 To her creative passion's ecstasy.
 Although possessor of the earth and heavens,
 585 He leaves to her the cosmic management
 And watches all, the Witness of her scene.
 A supernumerary on her stage,
 He speaks no words or hides behind the wings.
 He takes birth in her world, waits on her will,
 590 Divines her enigmatic gesture's sense,
 The fluctuating chance turns of her mood,
 Works out her meanings she seems not to know
 And serves her secret purpose in long Time.
 As one too great for him he worships her;
 595 He adores her as his regent of desire,
 He yields to her as the mover of his will,
 He burns the incense of his nights and days
 Offering his life, a splendour of sacrifice.
 A rapt solicitor for her love and grace,
 600 His bliss in her to him is his whole world:
 He grows through her in all his being's powers;
 He reads by her God's hidden aim in things.
 Or, a courtier in her countless retinue,
 Content to be with her and feel her near
 [63] 605 He makes the most of the little that she gives
 And all she does drapes with his own delight.
 A glance can make his whole day wonderful,
 A word from her lips with happiness wings the hours.

Утратил свой покой, свою безмерность
И знает лишь Ее, забыв себя.
Ей отдает Он все, Ее лелеет,
Стремясь стяжать величье для Нее:
Он мыслит в Ней опять найти себя,
Соединив покой свой беспредельный
С Ее горячим творческим экстазом.
Он, властелин земли, хозяин неба,
Вверяет Ей бразды правленья миром
И лишь следит за всем, бесстрастный Зритель.
Статист в Ее бескрайнем представлении,
Он лишь молчит иль прячется в кулисах.
Он в мир Ее приходит, служит Ей,
Стремясь поймать свой шанс в Ее игре,
Прочесть Ее загадочные знаки
И Ей самой неясные желанья,
И тайный смысл Ее несет в веках.
Ее Он любит, как свою богиню,
Как регентшу желанья своего,
Ее Он чтит, как силу воли в Нем;
Своих ночей и дней вскуря ладан,
Ей Он приносит в жертву жизнь свою,
Ее любви восторженный проситель;
Услада с Нею — вот весь мир Его:
В Ней Он черпает силы, в Ней возрастает,
В Ней постигает тайный смысл всего,
Предначертанье Божие для мира.
Иль в челяди Ее неисчислимой
Слуга, довольный с Нею рядом быть,
Он рад Ее ничтожнейшей подачке —
Поймав единый взгляд Ее, Он счастлив,
Услышав слово от Нее, блаженен.

He leans on her for all he does and is:

- 610 He builds on her largesses his proud fortunate days
 And trails his peacock-plumaged joy of life
 And suns in the glory of her passing smile.
 In a thousand ways he serves her royal needs;
 He makes the hours pivot around her will,
 615 Makes all reflect her whims; all is their play:
 This whole wide world is only he and she.

This is the knot that ties together the stars:

- The Two who are one are the secret of all power,
 The Two who are one are the might and right in things.
 620 His soul, silent, supports the world and her,
 His acts are her commandment's registers.
 Happy, inert, he lies beneath her feet:
 His breast he offers for her cosmic dance
 Of which our lives are the quivering theatre,
 625 And none could bear but for his strength within,
 Yet none would leave because of his delight.
 His works, his thoughts have been devised by her,
 His being is a mirror vast of hers:
 Active, inspired by her he speaks and moves;
 630 His deeds obey her heart's unspoken demands:
 Passive, he bears the impacts of the world
 As if her touches shaping his soul and life:
 His journey through the days is her sun-march;
 He runs upon her roads; hers is his course.

*Во всем, что делает и чем является, Он в Ней опору ищет:
Он на Ее щедротах строит гордо дни своей удачи,
И радость жизни за собой влачит павлинопёро,
И греется в лучах Ее улыбки мимолетной.
Он служит нуждам царственным Ее несметными путями;
Его часы вращаются вокруг Ее велений:
Всем Ей Он служит, всей своею жизнью,
Всем угождает Ей... Все — их забава:
Весь этот мир — есть лишь Она и Он.*

Вот узы, что связуют вместе звезды:
Единые-Двое — тайна всякой силы,
Единые-Двое — суть вещей и смысл.
Его душа в безмолвии своем
Хранит Ее и все Ее творенье;
Весь труд Его — Ее приказов свод.
Под стопами Ее простерся Он
И на груди своей, инертен, счастлив,
Несет Ее космическую пляску,
Ее спектакль, где заняты и мы:
Лишь мощь Его дает нам силы выжить,
Лишь счастье Его влечет нас жить.
*Его занятия и мысли выдуманы Ею,
Все существо Его — лишь зеркало безбрежное Ее:
Активный, по Ее наитию говорит и двигается Он;
Его деянья повинуются велениям неизреченным Ее сердца:
Пассивный, сносит Он воздействия и натиск мира
Как будто прикасания Ее, что формируют жизнь Его и душу:
Его поход сквозь дни — Ее солнцеворот;
Он мчитя по Ее дорогам; курс Его проложен Ею.*

635 A witness and student of her joy and dole,
 A partner in her evil and her good,
 He has consented to her passionate ways,
 He is driven by her sweet and dreadful force.
 His sanctioning name initials all her works;
 [64] 640 His silence is his signature to her deeds;
 In the execution of her drama's scheme,
 In her fancies of the moment and its mood,
 In the march of this obvious ordinary world
 Where all is deep and strange to the eyes that see
 645 And Nature's common forms are marvel-wefts,
 She through his witness sight and motion of might
 Unrolls the material of her cosmic Act,
 Her happenings that exalt and smite the soul,
 Her force that moves, her powers that save and slay,
 650 Her Word that in the silence speaks to our hearts,
 Her silence that transcends the summit Word,
 Her heights and depths to which our spirit moves,
 Her events that weave the texture of our lives
 And all by which we find or lose ourselves,
 655 Things sweet and bitter, magnificent and mean,
 Things terrible and beautiful and divine.
 Her empire in the cosmos she has built,
 He is governed by her subtle and mighty laws.
 His consciousness is a babe upon her knees,
 660 His being a field of her vast experiment,
 Her endless space is the playground of his thoughts;

Свидетель-ученик Ее услад и бед,
Партнер в Ее добре и в зле Ее,
Он мирится с игрой Ее страстей,
С Ее засильем сладостным и страшным.
На всех Ее твореньях и деяньях
Его безмолвья высочайший вензель;
В развитии своей вселенской драмы,
В минутных настроеньях и капризах,
В движеньи этого обыденного мира,
Где все являет взору дивный смысл
И в каждом пустяке таится чудо, —
Она в Его покойном ритме силы,
В Его свидетельном, бесстрастном взоре
Ведет свое космическое Действо,
Свои интриги и свои забавы,
Что сокрушают и возносят душу,
Свои деянья мощные и силы,
Что движут и хранят, и убивают,
Свое безмолвье, что превыше Слова,
Свой Зов, что изречен сердцам в безмолвьи,
Свои высоты и свои глубины,
Которых ищет наш заветный дух,
Свои события и свои поступки,
Что образуют нашей жизни ткань, —
Все, в чем себя мы видим иль теряем,
Все, что нам мило или ненавистно,
Все, что великолепно и ничтожно,
Все, что чудовищно и что прекрасно.
*Свою державу в космосе Она воздвигла
И царствует над Ним могуществом своих законов тонких.
Его сознание — младенец на Ее коленях,
И существо Его — Ее бескрайнего эксперимента поле,
Ее пространство — беспредельная арена, где играет мысль Его;*

She binds to knowledge of the shapes of Time
 And the creative error of limiting mind
 And chance that wears the rigid face of fate
 665 And her sport of death and pain and Nescience,
 His changed and struggling immortality.
 His soul is a subtle atom in a mass,
 His substance a material for her works.
 His spirit survives amid the death of things,
 670 He climbs to eternity through being's gaps,
 He is carried by her from Night to deathless Light.
 This grand surrender is his free-will's gift,
 His pure transcendent force submits to hers.
 In the mystery of her cosmic ignorance,
 675 In the insoluble riddle of her play,
 [65] A creature made of perishable stuff,
 In the pattern she has set for him he moves,
 He thinks with her thoughts, with her trouble his bosom heaves;
 He seems the thing that she would have him seem,
 680 He is whatever her artist will can make.
 Although she drives him on her fancy's roads,
 At play with him as with her child or slave,
 To freedom and the Eternal's mastery
 And immortality's stand above the world,
 685 She moves her seeming puppet of an hour.
 Even in his mortal session in body's house,
 An aimless traveller between birth and death,
 Ephemeral dreaming of immortality,
 To reign she spurs him. He takes up her powers;
 690 He has harnessed her to the yoke of her own law.
 His face of human thought puts on a crown.

Она связала знаньем преходящих форм,
И ограниченного разума ошибкою творящей,
И случаем, что выглядит судьбою непреклонной,
Своей забавой смерти, боли и Неведенья
Его поверженное, борющееся бессмертье.
Его душа — ничтожный атом в глыбе материальной,
Его субстанция — материал для творчества Ее.
И дух Его не гибнет с преходящим,
Он к вечности восходит через промежутки в бытии,
Она несет Его из Ночи в Свет бессмертный.
Та грандиозная самоотдача — добровольный дар Его,
Он предается Ей своею чистой трансцендентной силой.
В мистерии Ее непостижимой,
В игре Ее вселенского Незнания,
Созданье, сотворенное из праха,
Он следует Ее установленьям,
Ее лишь мыслью мыслит, Ее лишь мукой страждет;
И кажется, Он — то, что нужно Ей,
Он — все, что вообразить Она сумеет.
Но хоть Она играет с Ним беспечно,
Как со своим дитятей иль рабом,
Ведя его путем своих фантазий —
К свободе и Предвечного всевластью,
К бессмертию, что зиждется над миром,
Она паяца мнимого влечет.
И даже в этой краткой жизни в доме тела,
Бесцельный странник меж рождением и смертью,
Созданье бренное, что грезит о бессмертии,
К владычеству Он увлекаем Ею. И Он Ее обуздывает силы:
Вот Он запряг Ее в ярмо Ее ж закона —
И лик Его стяжает мысли человеческой венец.

Held in her leash, bound to her veiled caprice,
 He studies her ways if so he may prevail
 Even for an hour and she work out his will;
 695 He makes of her his moment passion's serf:
 To obey she feigns, she follows her creature's lead:
 For him she was made, lives only for his use.
 But conquering her, then is he most her slave;
 He is her dependent, all his means are hers;
 700 Nothing without her he can, she rules him still.
 At last he wakes to a memory of Self:
 He sees within the face of deity,
 The Godhead breaks out through the human mould:
 Her highest heights she un.masks and is his mate.
 705 Till then he is a plaything in her game;
 Her seeming regent, yet her fancy's toy,
 A living robot moved by her energy's springs,
 He acts as in the movements of a dream,
 An automaton stepping in the grooves of Fate,
 710 He stumbles on driven by her whip of Force:
 His thought labours, a bullock in Time's fields;
 [66] His will he thinks his own, is shaped in her forge.
 Obedient to World-Nature's dumb control,
 Driven by his own formidable Power,
 715 His chosen partner in a titan game,
 Her will he has made the master of his fate,
 Her whim the dispenser of his pleasure and pain;
 He has sold himself into her regal power
 For any blow or boon that she may choose:

На привязи Ее томится Он,
Прикован к скрытому Ее капризу,
И ищет, как возобладать над Нею
Хотя б на час, уча Ее пути;
И откликается Она Его желанью,
И притворяется, что покорилась,
Что воле следует создання своего,
Ведь для Него лишь создана Она
И существует для Его лишь пользы:
Он видит в Ней рабу своих страстей минутных.
Но победив Ее, во всем Он раб Ей,
Вассал, Он от Нее во всем зависим
И без Нее не может ничего.
Но, наконец, себя Он вспоминает
И образ божества в себе провидит —
И в человеке воскресает Бог.
И покоряет Он Ее вершины,
И видит, что Она — Его супруга.
А до тех пор Он лишь Ее игрушка
Иль мнимый регент — раб Ее причуд:
Пружинами Ее энергий оживлен,
Он действует, как робот, будто бы во сне,
Как манекен, ступает в желобах Судьбы,
Бредет, гонимый сил Ее бичом:
*Мысль Его трудится, как вол, в полях Времен;
А воля, что считает Он своей, куется Ею.
Покорный молчаливой власти мировой Природы,
Влекомый собственной невероятной Мощью,
Его избранницей в забаве исполинской,
Он предает свою судьбу в Ее распоряжение,
Чтоб по Ее капризу получать услады и страданья;
Он Ей продан в царственную власть,
Готовый на любой удар иль дар, что Ей избрать угодно будет.*

- 720 Even in what is suffering to our sense,
He feels the sweetness of her mastering touch,
In all experience meets her blissful hands;
On his heart he bears the happiness of her tread
And the surprise of her arrival's joy
- 725 In each event and every moment's chance.
All she can do is marvellous in his sight:
He revels in her, a swimmer in her sea,
A tireless amateur of her world-delight,
He rejoices in her every thought and act
- 730 And gives consent to all that she can wish;
Whatever she desires he wills to be:
The Spirit, the innumerable One,
He has left behind his lone eternity,
He is an endless birth in endless Time,
- 735 Her finite's multitude in an infinite Space.

*И даже в том, что кажется страданьем нашим чувствам,
Прикосновений госпожи Он ощущает сладость
И в каждом опыте встречает рук Ее блаженство;
Он сердце отдал счастливо для поступи Ее
И обретает радость откровения Ее
В любом событии и в каждом случае минутном.
Все, что Она творит, в Его глазах — чудесно:
Он Ею упивается, как в море в Ней купаясь,
Неутомимый почитатель Ее всемирного блаженства,
Он восторгается от каждой мысли, действия Ее,
На все согласный, что Она ни пожелает;
Всем стать готов Он, чем Она захочет:
Он, вечный Дух, неисчислимо сущий,
Презрел свою единую нетленность,
И родился в Ее твореньях бранных,
И стал несметным в необъятном мире,
И стал рождением вечным в вечных летах.*

The master of existence lurks in us
 And plays at hide-and-seek with his own Force;
 In Nature's instrument loiters secret God.
 The Immanent lives in man as in his house;
 740 He has made the universe his pastime's field,
 A vast gymnasium of his works of might.
 All-knowing he accepts our darkened state,
 Divine, wears shapes of animal or man;
 Eternal, he assents to Fate and Time,
 745 Immortal, dallies with mortality.
 The All-Conscious ventured into Ignorance,
 [67] The All-Blissful bore to be insensible.
 Incarnate in a world of strife and pain,
 He puts on joy and sorrow like a robe
 750 And drinks experience like a strengthening wine.
 He whose transcendence rules the pregnant Vasts,
 Prescient now dwells in our subliminal depths,
 A luminous individual Power, alone.
 The Absolute, the Perfect, the Alone
 755 Has called out of the Silence his mute Force
 Where she lay in the featureless and formless hush
 Guarding from Time by her immobile sleep
 The ineffable puissance of his solitude.
 The Absolute, the Perfect, the Alone
 760 Has entered with his silence into space:
 He has fashioned these countless persons of one self;
 He has built a million figures of his power;
 He lives in all, who lived in his Vast alone;
 Space is himself and Time is only he.

Владыка бытия таится в нас,
Играет в прятки с собственной Силой,
В орудии Природы — скрытый Бог.
Живет как дома Имманентный в смертном;
Для игр себе Он создал универсум,
Гимнасий для своих забав могучих.
Всеведущий, Он в нашу тьму нисходит,
Божественный, приемлет плотский образ,
Предвечный, признает Судьбу и Время,
Бессмертный, забавляется со смертью.
Неведенье влачит Всесознающий,
Бесчувствие выносит Всеблаженный.
Рождаясь в этот мир борьбы и боли,
Он как одежды носит скорбь и радость
И опыт пьет вином, дающим силу.
Он, трансцендентный Властелин миров,
Всевидец, одинокий, односущий,
У нас таится в недрах подсознания,
Самоосознанной, всесветлой Силой.

Единый, Абсолютный, Совершенный
Из Тишины безобразной, безвидной
Призвал на свет свою немую Силу,
Хранившую в своем недвижимом сне
Всю чудо-мощь Его уединенья.
Единый, Абсолютный, Совершенный
Проник своим безмолвием пространство:
Он отразил себя в несметных «я»;
Он мощь свою явил в миллионах тел;
Он сущ во всем, что суще в мире этом,
В Его единосущем Беспределье;
Пространство — это Он, и Время — Он.

- 765 The Absolute, the Perfect, the Immune,
One who is in us as our secret self,
Our mask of imperfection has assumed,
He has made this tenement of flesh his own,
His image in the human measure cast
- 770 That to his divine measure we might rise;
Then in a figure of divinity
The Maker shall recast us and impose
A plan of godhead on the mortal's mould
Lifting our finite minds to his infinite,
- 775 Touching the moment with eternity.
This transfiguration is earth's due to heaven:
A mutual debt binds man to the Supreme:
His nature we must put on as he put ours;
We are sons of God and must be even as he:
- 780 His human portion, we must grow divine.
Our life is a paradox with God for key.

Пречистый, Абсолютный, Совершенный,
Что в нас таится нашим «я» заветным,
Несовершенства маску принял в нас,
Вселился в это плотское жилище,
Явил свой образ в человеческой стати,
Провидя в нас божественную статью.
Пробьет однажды час преображенья.
Тогда в своем божественном обличье
Нас воссоздаст Творец и подчинит
Наш смертный прах божественному складу,
И смертный ум возвысит в бесконечность,
И миг единый осенит бессмертьем.
Свершенье это — дань земная небу:
Есть долг меж человеком и Всевышним:
Как принимает Он природу нашу,
Должны и мы принять Его природу,
Его сыны, Его земное семя,
Должны и мы божественными стать.
Мы — парадокс, чье разрешенье — в Боге.

[68] But meanwhile all is a shadow cast by a dream
 And to the musing and immobile spirit
 Life and himself don the aspect of a myth,
 785 The burden of a long unmeaning tale.
 For the key is hid and by the Inconscient kept;
 The secret God beneath the threshold dwells.
 In a body obscuring the immortal Spirit
 A nameless Resident vesting unseen powers
 790 With Matter's shapes and motives beyond thought
 And the hazard of an unguessed consequence,
 An omnipotent indiscernible Influence,
 He sits, unfelt by the form in which he lives
 And veils his knowledge by the groping mind.
 795 A wanderer in a world his thoughts have made,
 He turns in a chiaroscuro of error and truth
 To find a wisdom that on high is his.
 As one forgetting he searches for himself;
 As if he had lost an inner light he seeks:
 800 As a sojourner lingering amid alien scenes
 He journeys to a home he knows no more.
 His own self's truth he seeks who is the Truth;
 He is the Player who became the play,
 He is the Thinker who became the thought;
 805 He is the many who was the silent One.
 In the symbol figures of the cosmic Force
 And in her living and inanimate signs
 And in her complex tracery of events
 He explores the ceaseless miracle of himself,
 810 Till the thousandfold enigma has been solved
 In the single light of an all-witnessing Soul.

Пока же все — лишь тень мечты далекой,
И замершему грезящему духу
И жизнь, и сам он предстают лишь мифом
Иль тягостным сказаньем без конца.
Ведь ключ сокрыт в глубинах Несознания;
Под спудом пребывает тайный Бог.
Во плоти, помрачившей Дух бессмертный,
Жилец безвестный, что незримым силам
Обличия в Материи дарует,
И устремленья за пределом мысли,
И риск непредсказуемых последствий,
Незримый Властелин, он восседает,
Не познан формой, куда вселился,
И прячет лик свой в пелене раздумий,
Всемудрость — за блужданиями ума.
Вращаясь в мире правд и заблуждений,
Что порожден игрой его же мысли,
В чреде светотеней он постигает
Всеведение, в котором правит свыше.
И, словно позабыв, себя он ищет,
Как будто свет свой внутренний утратил:
Как странник, что бредет в чужих краях,
Он к дому ищет путь, безвестный ныне,
Сам — Истина, стать истиной стремится.
Ведь он Игрок, что стал своей игрой,
Мыслитель, ставший собственной мыслью;
Несметный, он безмолвным был Единым.
В обличьях-символах вселенской Силы,
В ее живых и неживых знаменьях,
В хитросплетениях ее событий
Себя находит он, несметным чудом,
Себя лишь постигает, чтоб однажды
Решить мильоноликую загадку
Во вспышке всевидетельной Души.

This was his compact with his mighty mate,
 For love of her and joined to her for ever
 To follow the course of Time's eternity,
 815 Amid magic dramas of her sudden moods
 And the surprises of her masked Idea
 And the vicissitudes of her vast caprice.
 [69] Two seem his goals, yet ever are they one
 And gaze at each other over bourneless Time;
 820 Spirit and Matter are their end and source.
 A seeker of hidden meanings in life's forms,
 Of the great Mother's wide uncharted will
 And the rude enigma of her terrestrial ways
 He is the explorer and the mariner
 825 On a secret inner ocean without bourne:
 He is the adventurer and cosmologist
 Of a magic earth's obscure geography.
 In her material order's fixed design
 Where all seems sure and, even when changed, the same,
 830 Even though the end is left for ever unknown
 And ever unstable is life's shifting flow,
 His paths are found for him by silent fate;
 As stations in the ages' weltering flood
 Firm lands appear that tempt and stay awhile,
 835 Then new horizons lure the mind's advance.
 There comes no close to the finite's boundlessness,
 There is no last certitude in which thought can pause
 And no terminus to the soul's experience.
 A limit, a farness never wholly reached,
 840 An unattained perfection calls to him
 From distant boundaries in the Unseen:
 A long beginning only has been made.

*Таков был договор его с могучею своей супругой —
Любимым ею быть и, слившись с ней навеки,
Отдаться ходу вечности Времен,
Среди волшебных драм ее внезапных настроений,
Среди сюрризов неожиданных ее Идеи прикровенной,
Среди превратностей ее бескрайнего каприза.
Хоть кажется, что у него две цели, все ж они всегда едины
И над безбрежьями Времен взирают друг на друга;
Дух и Материя — финал их и начало.*

Искатель тайных смыслов в формах жизни,
Бескрайней воли Матери великой,
Ее земных путей загадки трудной
Исследователь он и мореход
В безбрежьях океанских, в нем сокрытых:
Он путешественник и освоитель
Таинственной нехоженной земли.
В размеренном укладе материальном,
Где, кажется, все — несомненно, вечно
И, изменяясь, остается прежним,
Пусть даже и конец вовек неведом
И переменчив жизни буйный ток,
Безмолвная судьба ведет его вперед;
И, пристани в веков стремнине бурной,
Вдруг предстают устойчивые земли
И нас влекут остаться и побыть —
И новые горизонты манят разум,
И нет конца бескрайностям в конечном,
Нет рубежа, где мысль могла б помедлить,
И нет предела опыту души.
Рубеж недостижим, даль ускользает,
И совершенство нас зовет все выше
К вершинам недостижимым в Незримом:
Был лишь началом долгим весь наш путь.

This is the sailor on the flow of Time,
This is World-Matter's slow discoverer,
845 Who, launched into this small corporeal birth,
Has learned his craft in tiny bays of self,
But dares at last unplumbed infinitudes,
A voyager upon eternity's seas.
In his world-adventure's crude initial start
850 Behold him ignorant of his godhead's force,
Timid initiate of its vast design.
An expert captain of a fragile craft,
[70] A trafficker in small impermanent wares,
At first he hugs the shore and shuns the breadths,
855 Dares not to affront the far-off perilous main.
He in a petty coastal traffic plies,
His pay doled out from port to neighbour port,
Content with his safe round's unchanging course,
He hazards not the new and the unseen.
860 But now he hears the sound of larger seas.
A widening world calls him to distant scenes
And journeyings in a larger vision's arc
And peoples unknown and still unvisited shores.
On a commissioned keel his merchant hull
865 Serves the world's commerce in the riches of Time
Severing the foam of a great land-locked sea
To reach unknown harbour lights in distant climes
And open markets for life's opulent arts,

Он мореход в безбрежности Времен,
Материи извечный покоритель;
Низвергнутый в рождение во плоти,
Он ремесло свое учил прилежно,
Не покидая бухт укромных «я»,
Но наконец пустился в дальний путь,
В неведомые вечные просторы.
В начале скромном своего Похода
В себе не сознает он силы бога,
Не ведает ее всемирных планов,
Недальновидный, робкий посвященный.
Свой утлый челн искусно направляя,
Он держится сначала берегов
И промышляет мелким каботажем,
Не помышляя об открытом море,
Страшась взглянуть в лицо пучине грозной.
Торговлей жалкой добывая хлеб,
Снует он меж соседними портами
Изведанным маршрутом безопасным,
Не увлекаясь новым и незримым.
Но вот он слышит гул морей безбрежных.
Бескрайний мир зовет его вперед,
К неизвестным берегам, к далеким землям,
К неведомым доселе откровеньям,
К невиданным созданьям, к новым людям.
И вот, служа коммерции всемирной,
Идет он в море под торговым флагом;
Через великий средиземный понт
Его корабль под всеми парусами
Спешит проворно по волнам Времен
К неизвестным маякам далеких стран
И новым рынкам для сокровищ жизни:

Rich bales, carved statuettes, hued canvases,
 870 And jewelled toys brought for an infant's play
 And perishable products of hard toil
 And transient splendours won and lost by the days.
 Or passing through a gate of pillar-rocks,
 Venturing not yet to cross oceans unnamed
 875 And journey into a dream of distances
 He travels close to unfamiliar coasts
 And finds new haven in storm-troubled isles,
 Or, guided by a sure compass in his thought,
 He plunges through a bright haze that hides the stars,
 880 Steering on the trade-routes of Ignorance.
 His prow pushes towards undiscovered shores,
 He chances on unimagined continents:
 A seeker of the islands of the Blest,
 He leaves the last lands, crosses the ultimate seas,
 885 He turns to eternal things his symbol quest;
 Life changes for him its time-constructed scenes,
 Its images veiling infinity.
 Earth's borders recede and the terrestrial air
 [71] Hangs round him no longer its translucent veil.
 890 He has crossed the limit of mortal thought and hope,
 He has reached the world's end and stares beyond;
 The eyes of mortal body plunge their gaze
 Into Eyes that look upon eternity.
 A greater world Time's traveller must explore.
 895 At last he hears a chanting on the heights
 And the far speaks and the unknown grows near:
 He crosses the boundaries of the unseen
 And passes over the edge of mortal sight

Роскошных тканей, дивных статуэток,
И драгоценных детских безделушек,
И редкостных плодов недолговечных,
И преходящих сказочных богатств.
Иль, выйдя за ворота скал-столпов,
Но не рискуя в океан пуститься,
Настигнуть горизонт своей мечты, —
Плывет он вдоль безвестных побережий
И новые пристанища находит
На островках, терзаемых штормами;
Иль, мысль сверяя с компасом надежным,
Уходит в дымку, что скрывает звезды,
Держась путей Неведенья торговых.
Он держит курс к неведомым краям,
Нежданные встречает континенты:
Мечтая о земле благословенной,
Минует он последние причалы,
Блуждает в отдаленнейших морях,
И к вечному свой обращает поиск,
И видит в новом свете сцены жизни,
В конечном открывая бесконечность.
И отступают рубежи мирские;
Земная дымка призрачной вуалью
Не замутняет больше взор его.
Он пересек предел последний мира,
Стал выше смертной мысли и надежды,
Он смертным оком смотрит в Запредельность
И в Очи зрит, что обнимают вечность.
Ждет мир верховный странника Времен.
И наконец, он слышит песню свыше,
Далекому, неведомому внемлет:
Он рубежи незримого минует,
Он превосходит зренье смертных глаз,

To a new vision of himself and things.
 900 He is a spirit in an unfinished world
 That knows him not and cannot know itself:
 The surface symbol of his goalless quest
 Takes deeper meanings to his inner view;
 His is a search of darkness for the light,
 905 Of mortal life for immortality.
 In the vessel of an earthly embodiment
 Over the narrow rails of limiting sense
 He looks out on the magic waves of Time
 Where mind like a moon illumines the world's dark.
 910 There is limned ever retreating from the eyes,
 As if in a tenuous misty dream-light drawn,
 The outline of a dim mysterious shore.
 A sailor on the Inconscient's fathomless sea,
 He voyages through a starry world of thought
 915 On Matter's deck to a spiritual sun.
 Across the noise and multitudinous cry,
 Across the rapt unknowable silences,
 Through a strange mid-world under supernal skies,
 Beyond earth's longitudes and latitudes,
 920 His goal is fixed outside all present maps.
 But none learns whither through the unknown he sails
 Or what secret mission the great Mother gave.
 In the hidden strength of her omnipotent Will,
 Driven by her breath across life's tossing deep,
 [72] 925 Through the thunder's roar and through the windless hush,

И видит новым сокровенным оком,
И открывает вновь себя и мир.
Теперь он дух в незавершенном мире,
Что ни его не знает, ни себя:
Его исканий тщетных внешний символ
Глубокий, новый обретает смысл;
В его исканьях мрак стремится к свету
И смертная бессмертья ищет жизнь.
В сосуде воплощения земного
Сквозь ограждение чувств он озирает
Магические волны моря лет,
Где ум луною светит в безднах мрака.
И вдалеке неясным силуэтом,
Туманным, смутным образом мечты,
Бегущий прочь, подобно горизонту,
Вдруг явится ему заветный брег.
Затерянный в пучинах Несознания,
На корабле Материи плывет он,
Пересекая мысли звездный мир,
Навстречу золотому солнцу Духа.
Сквозь шум и гам, и вопль многоголосый,
Сквозь благодать непостижимых тишей
И странный средний мир под горним небом,
Превосходя земные координаты,
Лежит его неведомый маршрут
В страну, не нанесенную на карты.
Куда стремится он — никто не знает,
Куда плывет в непознанных морях
И с чем его послала Матерь мира.
Влекомый в путь Ее дыханьем тайным,
Поддержанный Ее всевластной Волей,
В неравной битве со стихией жизни
Сквозь бури и безветренные штили,

Through fog and mist where nothing more is seen,
 He carries her sealed orders in his breast.
 Late will he know, opening the mystic script,
 Whether to a blank port in the Unseen
 930 He goes or, armed with her fiat, to discover
 A new mind and body in the city of God
 And enshrine the Immortal in his glory's house
 And make the finite one with Infinity.
 Across the salt waste of the endless years
 935 Her ocean winds impel his errant boat,
 The cosmic waters plashing as he goes,
 A rumour around him and danger and a call.
 Always he follows in her force's wake.
 He sails through life and death and other life,
 940 He travels on through waking and through sleep.
 A power is on him from her occult force
 That ties him to his own creation's fate,
 And never can the mighty Traveller rest
 And never can the mystic voyage cease
 945 Till the nescient dusk is lifted from man's soul
 And the morns of God have overtaken his night.
 As long as Nature lasts, he too is there,
 For this is sure that he and she are one;
 Even when he sleeps, he keeps her on his breast:
 950 Whoever leaves her, he will not depart
 To repose without her in the Unknowable.
 There is a truth to know, a work to do;
 Her play is real; a Mystery he fulfils:
 There is a plan in the Mother's deep world-whim,
 955 A purpose in her vast and random game.

Сквозь мглу и всеокрывшие туманы
Ее приказ несет он в сердце тайно.
Однажды, вскрыв заветное посланье,
Узнает он своих скитаний цель,
К неведомой ли пристани в Незримом
Спешит он, иль указ Ее — снискать
Во граде Божьем новый ум и тело,
И стать Нетленного прекрасным храмом,
И обручить с конечным Бесконечность.
Просоленным ветрам Ее покорный,
Корабль его спешит по морю лет —
Лишь плещут вслед космические воды:
Средь слухов и угроз он слышит зов.
Всегда Ее лишь доверяясь силе,
Он следует в кильватере Ее,
Плывет сквозь жизнь и смерть и вновь сквозь жизнь,
Сквозь бодрствование странствует и сон.
Он принужден Ее оккультной силой
Делить судьбу творенья своего,
И нет покоя Страннику Времен,
И нет конца волшебному походу,
Пока душа не сбросит мрак незнания
И Божьи зори в нем не сменяют ночь.
Пребудет он, доколе есть Природа,
Ведь с нею неразрывно он един;
Он и во сне ее в объятьях держит:
И даже тот, кто из нее уходит,
В Непостижимом с ней найдет покой.
Не познана главнейшая из истин,
Не сделано важнейшее из дел —
Ее игра-Мистерия реальна:
В забаве-мире Матери великой
Есть чудо-смысл, есть замысел глубокий.

This ever she meant since the first dawn of life,
This constant will she covered with her sport,
To evoke a Person in the impersonal Void,
With the Truth-Light strike earth's massive roots of trance,
960 Wake a dumb self in the inconscient depths
[73] And raise a lost Power from its python sleep
That the eyes of the Timeless might look out from Time
And the world manifest the unveiled Divine.
For this he left his white infinity
965 And laid on the spirit the burden of the flesh,
That Godhead's seed might flower in mindless Space.

End of Canto Four

Вовеки с первого рассвета жизни
За видимой вселенскою игрою
Одна лишь цель была, одна лишь воля:
В безличной Пустоте призвать к рождению Личность,
Свет-Истиной пленить земные корни транса,
Взрастить немое «я» в пучинах Несознания,
Прервать питоний сон утраченной Всемощи —
Чтоб Время обрело Вневременного очи
И мир явил собой Божественного чудо.
Ведь Он покинул белую безбрежность
И возложил на дух покровы плоти,
Чтоб семя Бога расцвело в Пространстве тщетном.

Конец Песни четвертой

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

**Йога царя:
Йога свободы и величия духа**

Canto Five

**The Yoga of the King:
The Yoga of the Spirit's Freedom and Greatness**

[74] This knowledge first he had of time-born men.
Admitted through a curtain of bright mind
That hangs between our thoughts and absolute sight,
He found the occult cave, the mystic door
5 Near to the well of vision in the soul,
And entered where the Wings of Glory brood
In the silent space where all is for ever known.
Indifferent to doubt and to belief,
Avid of the naked real's single shock
10 He shore the cord of mind that ties the earth-heart
And cast away the yoke of Matter's law.
The body's rules bound not the spirit's powers:
When life had stopped its beats, death broke not in;
He dared to live when breath and thought were still.
15 Thus could he step into that magic place
Which few can even glimpse with hurried glance
Lifted for a moment from mind's laboured works
And the poverty of Nature's earthly sight.
All that the Gods have learned is there self-known.
20 There in a hidden chamber closed and mute
Are kept the record graphs of the cosmic scribe,
And there the tables of the sacred Law,
There is the Book of Being's index page;
The text and glossary of the Vedic truth
25 Are there; the rhythms and metres of the stars
Significant of the movements of our fate:
The symbol powers of number and of form,
And the secret code of the history of the world
And Nature's correspondence with the soul
30 Are written in the mystic heart of Life.

ПО ЗНАНЬЕ первым он обрел из смертных.
Сквозь занавеси яркие ума,
Что отделяют мысль от всепрозренья,
Проник он в сокровенную пещеру,
Где бьет источник виденья души,
И распахнул таинственные двери
И очутился под Крылами Света
В безмолвии, где все навек известно.
Свободный от сомненья и от веры,
Влюбленный в обнаженную Реальность,
Он разорвал ума тугие путы,
Поработившие земное сердце,
И сбросил гнет законов материальных.
Духовной силы не стесняла плоть:
Смерть не вторгалась, если жизнь смолкала;
Без мысли, без дыханья смел он жить.
И вот он смог войти в тайник заветный,
Что редкий лишь узрит поспешным оком,
На миг поднявшись от трудов ума
И от убогости земного зренья.
Все, что лишь Боги знают, здесь открыто.
Здесь под покровом молчаливой тайны
Хранятся летописи мирозданья,
Скрижали всемогущего Закона
И оглавление Книги Бытия;
Текст и глоссарий истины ведийской
Хранятся здесь и ритмы звездных строф,
Что поверяют ход земных судеб:
Секретный код истории времен,
И силы-символы числа и формы,
И вести, что душе несет Природа,
Начертаны в заветном сердце Жизни.

- [75] In the glow of the spirit's room of memories
 He could recover the luminous marginal notes
 Dotting with light the crabbed ambiguous scroll,
 Rescue the preamble and the saving clause
- 35 Of the dark Agreement by which all is ruled
 That rises from material Nature's sleep
 To clothe the Everlasting in new shapes.
 He could re-read now and interpret new
 Its strange symbol letters, scattered abstruse signs,
- 40 Resolve its oracle and its paradox,
 Its riddling phrases and its blindfold terms,
 The deep oxymoron of its truth's repliques,
 And recognise as a just necessity
 Its hard conditions for the mighty work,—
- 45 Nature's impossible Herculean toil
 Only her warlock-wisecraft could enforce,
 Its law of the opposition of the gods,
 Its list of inseparable contraries.
 The dumb great Mother in her cosmic trance
- 50 Exploiting for creation's joy and pain
 Infinity's sanction to the birth of form,
 Accepts indomitably to execute
 The will to know in an inconscient world,
 The will to live under a reign of death,
- 55 The thirst for rapture in a heart of flesh,
 And works out through the appearance of a soul
 By a miraculous birth in plasm and gas
 The mystery of God's covenant with the Night.
 Once more was heard in the still cosmic Mind
- 60 The Eternal's promise to his labouring Force
 Inducing the world-passion to begin,
 The cry of birth into mortality
 And the opening verse of the tragedy of Time.

В озаренном хранилище воспоминаний духа
Он смог вновь разглядеть лучистые примечания на полях,
Испещряющие светом неразборчивый двусмысленный свиток,
Восстановить преамбулу и спасительную оговорку
Мрачного Соглашения, которым управляется все,
Что восстает из сна материальной Природы,
Чтобы облечь Непреходящего в новые формы.
Теперь он смог заново прочесть и по-новому истолковать
Его странные письма-символы и непонятные
разрозненные знаки,
Постижь его пророчество и его парадокс,
Его загадочные фразы и сбивающие с толку термины,
Глубокий оксимофон реплик его истины
И распознать как справедливую необходимость
Закрепленные в нем тяжелые условия для могучей работы —
Невозможного геркулесова труда Природы,
Который по силам лишь ее колдовскому мастерству, —
А также установленный им закон противостояния богов
И список неразделимых противоположностей.
Великая бессловесная Матерь в своем космическом трансе,
Используя для боли и радости творения
Санкцию Бесконечности на рождение формы,
Берется со всей неудержимостью осуществить
Волю к познанию в несознательном мире,
Волю к жизни под гнетом смерти,
Жажду восторга в плотском сердце
И через появление души воплощает
Посредством чудодейственного рождения из плазмы и газа
Таинство Божьего договора с Ночью.
В безмолвном космическом Разуме снова послышалось
Обещание Вечного своей трудящейся Силе,
Вызывающее на свет мировую страсть,
Крик рождения в смертном обличии
И начальный стих трагедии Времени.

- Out of the depths the world's buried secret rose;
 65 He read the original ukase kept back
 In the locked archives of the spirit's crypt,
 [76] And saw the signature and fiery seal
 Of Wisdom on the dim Power's hooded work
 Who builds in Ignorance the steps of Light.
 70 A sleeping deity opened deathless eyes:
 He saw the unshaped thought in soulless forms,
 Knew Matter pregnant with spiritual sense,
 Mind dare the study of the Unknowable,
 Life its gestation of the Golden Child.
 75 In the light flooding thought's blank vacancy,
 Interpreting the universe by soul signs
 He read from within the text of the without:
 The riddle grew plain and lost its catch obscure.
 A larger lustre lit the mighty page.
 80 A purpose mingled with the whims of Time,
 A meaning met the stumbling pace of Chance
 And Fate revealed a chain of seeing Will;
 A conscious wideness filled the old dumb Space.
 In the Void he saw throned the Omniscience supreme.
- 85 A Will, a hope immense now seized his heart,
 And to discern the superhuman's form
 He raised his eyes to unseen spiritual heights,
 Aspiring to bring down a greater world.
 The glory he had glimpsed must be his home.
 90 A brighter heavenlier sun must soon illumine

Из недр восстал погребенный секрет мира;
Он [царь-йогин] читал изначальный указ, спрятанный
В закрытых архивах тайного подземного хранилища духа,
И видел подпись и огненную печать
Мудрости на прикровенной работе сумрачной Силы,
Которая возводит в Неведении ступени Света.
Спящее божество открыло бессмертные очи:
Он прозрел неоформившийся замысел в бездушных формах,
Постиг, что Материя вынашивает сокровенный
духовный смысл,
Что Разум отважился на изучение Непостижимого,
Жизнь — на рождение Золотого Ребенка.
В свете, заливающим чистую пустоту мысли,
Постигая вселенную знаками души,
Он изнутри читал текст внешних явлений:
Загадка раскрылась и утратила свою смутную
таинственность.
Большее сияние озафило могучую страницу.
В капризах Времени вдруг показалась цель,
В спотыкающейся поступи Случая раскрылся
глубинный смысл,
И Судьба предстала взаимосвязью проявлений зрячей Воли;
Сознательная широта наполнила прежнее
косное Пространство.
В Пустоте он узрел престол верховного Всеведения.

Великий Зов, безмерная надежда
Пылали ныне в сердце у него:
Сверхчеловека различая образ,
Он восходил к незримым высям духа,
Стремясь призвать на землю горний мир.
Он должен стать величием, что узрел он.
Светлейшее должно пролиться солнце

This dusk room with its dark internal stair,
 The infant soul in its small nursery school
 Mid objects meant for a lesson hardly learned
 Outgrow its early grammar of intellect
 95 And its imitation of Earth-Nature's art,
 Its earthly dialect to God-language change,
 In living symbols study Reality
 And learn the logic of the Infinite.
 The Ideal must be Nature's common truth,
 100 The body illumined with the indwelling God,
 The heart and mind feel one with all that is,
 [77] A conscious soul live in a conscious world.
 As through a mist a sovereign peak is seen,
 The greatness of the eternal Spirit appeared,
 105 Exiled in a fragmented universe
 Amid half-semblances of diviner things.
 These now could serve no more his regal turn;
 The Immortal's pride refused the doom to live
 A miser of the scanty bargain made
 110 Between our littleness and bounded hopes
 And the compassionate Infinitudes.
 His height repelled the lowness of earth's state:
 A wideness discontented with its frame
 Resiled from poor assent to Nature's terms,
 115 The harsh contract spurned and the diminished lease.
 Only beginnings are accomplished here;
 Our base's Matter seems alone complete,
 An absolute machine without a soul.
 Or all seems a misfit of half ideas,

В темницу эту с лестницею тайной,
 Душа в своей начальной детской школе,
 Уча свои нелегкие уроки,
 Должна перерастаи букварь ума
 И подражанье мастерству Природы,
 Свой бранный говор — в Божью речь возвысити,
 Постичь Реальность в символах живых
 И логику Безмерности изведати.
 Стать должен Идеал Природы зримой явью,
 И тело — вспылать в нем сокровенным Богом,
 И ум и сердце — внять всеобщему единству,
 И просветленный дух — жить в просветленном мире.
 Как предстает в тумане гордый пик,
 Так проявился вечный Дух великий,
 Изгнанник во вселенной разобценья
 Среди полуподобий высших истин.

*Они больше не могли удовлетворить его царственного
 преображения;
 Гордость Бессмертного не стала больше мириться
 с обреченностью
 Влечить существование скупца, живущего доходом
 с жалкой сделки,
 Заключение нашей ничтожностью и скованными надеждами
 С сострадательными Безграничностями.
 Его высота отвергла низость земного состояния:
 Широта, неудовлетворенная сковывающей ее оболочкой,
 Отказалась от бессильного согласия с условиями Природы,
 Отмела тяжелый контракт и унижительный найм.
 Здесь, в этом мире, пока заложены лишь самые начала;
 Лишь одна Материя — наша основа — кажется завершенной,
 Всецело механистичная машина, лишенная души.
 Или все кажется несогласованностью половинчатых идей,*

- 120 Or we saddle with the vice of earthly form
 A hurried imperfect glimpse of heavenly things,
 Guesses and travesties of celestial types.
 Here chaos sorts itself into a world,
 A brief formation drifting in the void:
- 125 Apings of knowledge, unfinished arcs of power,
 Flamings of beauty into earthly shapes,
 Love's broken reflexes of unity
 Swim, fragment-mirrorings of a floating sun.
 A packed assemblage of crude tentative lives
- 130 Are pieced into a tessellated whole.
 There is no perfect answer to our hopes;
 There are blind voiceless doors that have no key;
 Thought climbs in vain and brings a borrowed light,
 Cheated by counterfeits sold to us in life's mart,
- 135 Our hearts clutch at a forfeited heavenly bliss.
 There is provender for the mind's satiety,
 There are thrills of the flesh, but not the soul's desire.
- [78] Here even the highest rapture Time can give
 Is a mimicry of ungrasped beatitudes,
- 140 A mutilated statue of ecstasy,
 A wounded happiness that cannot live,
 A brief felicity of mind or sense
 Thrown by the World-Power to her body-slave,
 Or a simulacrum of enforced delight
- 145 In the seraglios of Ignorance.
 For all we have acquired soon loses worth,

An old disvalued credit in Time's bank,
 Imperfection's cheque drawn on the Inconscient.
 An inconsequence dogs every effort made,
 150 And chaos waits on every cosmos formed:
 In each success a seed of failure lurks.
 He saw the doubtfulness of all things here,
 The incertitude of man's proud confident thought,
 The transience of the achievements of his force.
 155 A thinking being in an unthinking world,
 An island in the sea of the Unknown,
 He is a smallness trying to be great,
 An animal with some instincts of a god,
 His life a story too common to be told,
 160 His deeds a number summing up to nought,
 His consciousness a torch lit to be quenched,
 His hope a star above a cradle and grave.
 And yet a greater destiny may be his,
 For the eternal Spirit is his truth.
 165 He can re-create himself and all around
 And fashion new the world in which he lives:
 He, ignorant, is the Knower beyond Time,
 He is the Self above Nature, above Fate.

His soul retired from all that he had done.
 170 Hushed was the futile din of human toil,
 Forsaken wheeled the circle of the days;
 In distance sank the crowded tramp of life.
 [79] The Silence was his sole companion left.
 Impassive he lived immune from earthly hopes,
 175 A figure in the ineffable Witness' shrine
 Pacing the vast cathedral of his thoughts

*Старый обесценившийся кредит в банке Времени,
Чек несовершенства, выданный Несознательному.
Непоследовательность преследует каждое наше усилие
И каждый сформированный космос поджидает хаос:
В каждом успехе кроется семя неудачи.*

*Он видел сомнительность всего, что здесь существует,
Ненадежность гордой самоуверенной мысли человека,
Недолговечность достижений его силы.
Мыслящее существо в бездумном мире,
Остров, затерянный в морях Неведомого,
Он ничтожество, пытающееся быть великим,
Животное с некоторыми повадками божества,
Его жизнь — история слишком заурядная, чтобы ее рассказывать,
Его деяния — совокупность, сводящаяся к нулю,
Его сознание — факел, зажженный, чтобы быть потушенным,
Его надежда — звезда над колыбелью и могилой.*

И все ж ему по силам высший жребий,
Ведь истина его — в предвечном Духе.
Он может жизнь свою создать по новой,
Преобразить себя и этот мир:
Несведущ, темен, он — Владыка Знания,
Что зиждется вне Времени и Смерти,
Он — Дух превыше Рока и Природы.

Его душа отвергла все бывшее.
Затих непрочный гул земных трудов,
Забылся дней круговорот извечный;
Вдали умолк стоустый ропот жизни.
И лишь Безмолвие осталось с ним.
Бесстрастный, жил он вне земных надежд,
В Свидетеля чертогах несказанных,
В соборе мыслей собственных шагая

Under its arches dim with infinity
 And heavenward brooding of invisible wings.
 A call was on him from intangible heights;
 180 Indifferent to the little outpost Mind,
 He dwelt in the wideness of the Eternal's reign.
 His being now exceeded thinkable Space,
 His boundless thought was neighbour to cosmic sight:
 A universal light was in his eyes,
 185 A golden influx flowed through heart and brain;
 A Force came down into his mortal limbs,
 A current from eternal seas of Bliss;
 He felt the invasion and the nameless joy.
 Aware of his occult omnipotent Source,
 190 Allured by the omniscient Ecstasy,
 A living centre of the Illimitable
 Widened to equate with the world's circumference,
 He turned to his immense spiritual fate.
 Abandoned on a canvas of torn air,
 195 A picture lost in far and fading streaks,
 The earth-nature's summits sank below his feet:
 He climbed to meet the infinite more above.
 The Immobile's ocean-silence saw him pass,
 An arrow leaping through eternity
 200 Suddenly shot from the tense bow of Time,
 A ray returning to its parent sun.
 Opponent of that glory of escape,
 The black Inconscient swung its dragon tail
 Lashing a slumbrous Infinite by its force
 205 Into the deep obscurities of form:
 Death lay beneath him like a gate of sleep.
 One-pointed to the immaculate Delight,
 Questing for God as for a splendid prey,
 [80] He mounted burning like a cone of fire.

Под сводами туманными Безбрежья,
Под небесами необъятных крыл.
Его влекли неведомые выси;
Презрев ничтожный Ум сторожевой,
Он в беспредельях Вечного скитался.
Он превзошел все мыслимые сферы,
И мысль его объяла бесконечность,
Приблизившись к космическому зренью:
Вселенский свет сиял в его очах,
Златой поток струился в мозг и сердце;
Приливом из морей Блаженства вечных,
Во прах его низлилась Сила свыше;
Вторженье, радость вышнюю познал он.
Постигнув тайный свой Исток всемогущий,
Всеведущим Экстазом увлеченный,
Бескрайнего живое средоточье,
Достигшее пределов мирозданья,
Он принял свой великий высший жребий.
Теряясь на холсте воздушных далей,
Картинкой тая в слившихся штрихах,
Скользнули вниз земной природы пики:
Он восходил к безмерно большим высям
Сквозь океан Недвижности безмолвной,
Стремительной стрелой пронзая вечность,
Что вдруг послал могучий лук столетий,
Лучом взмывая вновь к родному солнцу.
Противником блистательного бегства,
Драконом черным билось Несознание,
Хвостом вздымая сонную Безмерность
В глубины затуманенные формы:
Вратами сна внизу лежала Смерть.
Алкая беспечального Блаженства,
Взыскуя Бога, сладостной добычей,
Он взмыл, пылая, огненным столпом.

- 210 To a few is given that godlike rare release.
One among many thousands never touched,
Engrossed in the external world's design,
Is chosen by a secret witness Eye
And driven by a pointing hand of Light
- 215 Across his soul's unmapped immensitudes.
A pilgrim of the everlasting Truth,
Our measures cannot hold his measureless mind;
He has turned from the voices of the narrow realm
And left the little lane of human Time.
- 220 In the hushed precincts of a vaster plan
He treads the vestibules of the Unseen,
Or listens following a bodiless Guide
To a lonely cry in boundless vacancy.
All the deep cosmic murmur falling still,
- 225 He lives in the hush before the world was born,
His soul left naked to the timeless One.
Far from compulsion of created things
Thought and its shadowy idols disappear,
The moulds of form and person are undone:
- 230 The ineffable Wideness knows him for its own.
A lone forerunner of the Godward earth,
Among the symbols of yet unshaped things
Watched by closed eyes, mute faces of the Unborn,
He journeys to meet the Incommunicable,
- 235 Hearing the echo of his single steps
In the eternal courts of Solitude.
A nameless Marvel fills the motionless hours.
His spirit mingles with eternity's heart
And bears the silence of the Infinite.

Немногим дан тот богоравный взлет.
Средь мириад вовек не осененных,
Плененных мира видимым обличем,
Один лишь обретает путь к свободе:
Отмеченный всезрящим тайным Оком,
Ведомый дланью Света, он стремится
В нехоженный простор своей души.
Он — странник к Истине непреходящей,
И нашим меркам не сдержать его,
Не обуздать его безмерный разум.
Прочь от гласов стесняющего царства,
От узкой колеи людских Времен
К безмолвным горизонтам высшей сферы,
К преддвериям Незримого спешит он
За Гидом бестелесным вслед и слышит
Единственный в бескрайних ширях клич.
Смолкает гулкий ропот мирозданья,
И он живет в тиши вневременной,
Душой открывшись вечному Единству.
Вдали от гнета явленных вещей
Мысль и ее кумиры-тени тают,
Спадают маски личности и формы —
Он стал своим неизреченной Шири.
Земли Боговлекомой первый вестник,
Один меж символов вещей грядущих
Под взором глаз смеженных в Нерожденном
Среди немых Неявленного ликов
Он странствует к Неизъяснимому,
Лишь слыша эхо собственных шагов
В извечных тайниках Уединенья.
Безвестным Чудом полнятся недвижные часы;
И с сердцем вечности роднится дух его,
Неся безмолвье Бесконечного.

- 240 In a divine retreat from mortal thought,
In a prodigious gesture of soul-sight,
His being towered into pathless heights,
Naked of its vesture of humanity.
- [81] As thus it rose, to meet him bare and pure
- 245 A strong Descent leaped down. A Might, a Flame,
A Beauty half-visible with deathless eyes,
A violent Ecstasy, a Sweetness dire,
Enveloped him with its stupendous limbs
And penetrated nerve and heart and brain
- 250 That thrilled and fainted with the epiphany:
His nature shuddered in the Unknown's grasp.
In a moment shorter than death, longer than Time,
By a Power more ruthless than Love, happier than Heaven,
Taken sovereignly into eternal arms,
- 255 Haled and coerced by a stark absolute bliss,
In a whirlwind circuit of delight and force
Hurried into unimaginable depths,
Upborne into immeasurable heights,
It was torn out from its mortality
- 260 And underwent a new and bourneless change.
An Omniscient knowing without sight or thought,
An indecipherable Omnipotence,
A mystic Form that could contain the worlds,
Yet make one human breast its passionate shrine,
- 265 Drew him out of his seeking loneliness
Into the magnitudes of God's embrace.

Божественно далек от смертной мысли,
В разлете дивном виденья души
Вздымался он к непокоренным высям.
Сорвав с себя покровы человека,
Всем существом он устремился ввысь,
Нагой и чистый, и ему навстречу
Низверглось Нисхождение. Пламень, Мощь,
Краса, что лишь бессмертным приоткрыта,
Экстаз кипучий, яростная Сладость
Вдруг стиснули его в гигантских дланях
И в каждый нерв проникли, в сердце, в мозг,
Что трепетали в вихре откровенья.
И содрогнулась вся его природа,
Неведомым охвачена могуче.
В миг, дольше Времени, мгновенней смерти,
Энергией, безжалостней Любви, счастливей Неба,
Воздета властно в вечные объятия,
Стремниной абсолютного блаженства,
Водоворотом силы и восторга
Утянута в немислимые глубины,
Возвышена к неизмеримым высям,
Она была исторгнута из тленья,
Безмерному подвергшись измененью.
Всезнанием вне виденья, вне мысли,
Непостижимым Всемогуществом,
Мистичной Формой, что миры вмещает,
Но может жить и в сердце человека,
В нем обретая пылкий свой алтарь,
Он был взнесен в великие просторы —
Из одиночества своих исканий
В необоримость Божиих объятий.

As when a timeless Eye annuls the hours
 Abolishing the agent and the act,
 So now his spirit shone out wide, blank, pure:
 270 His wakened mind became an empty slate
 On which the Universal and Sole could write.
 All that represses our fallen consciousness
 Was taken from him like a forgotten load:
 A fire that seemed the body of a god
 275 Consumed the limiting figures of the past
 And made large room for a new self to live.
 Eternity's contact broke the moulds of sense.
 A greater Force than the earthly held his limbs,
 Huge workings bared his undiscovered sheaths,
 [82] 280 Strange energies wrought and screened tremendous hands
 Unwound the triple cord of mind and freed
 The heavenly wideness of a Godhead's gaze.
 As through a dress the wearer's shape is seen,
 There reached through forms to the hidden absolute
 285 A cosmic feeling and transcendent sight.
 Increased and heightened were the instruments.
 Illusion lost her aggrandising lens;
 As from her failing hand the measures fell,
 Atomic looked the things that loomed so large.
 290 The little ego's ring could join no more;
 In the enormous spaces of the self
 The body now seemed only a wandering shell,
 His mind the many-frescoed outer court
 Of an imperishable Inhabitant:
 295 His spirit breathed a superhuman air.

Как если б взор вневременного Ока
Прервал часов неумолимый ход,
И деятеля упразднил, и дело,
Так дух его, широк, пустынен, светел,
Сиял теперь, и пробужденный разум
Стал словно чистый лист, принять готовый
Единой Вездесущности писанье.
Все, что стесняло падшее сознание,
Забывтой ношей, спало с плеч его:
Огонь, подобный телу божества,
Былого поглотил гнетущий кокон
И распахнул простор для новой сути.
Прикосновение вечности познав,
Распались узкие формовки чувства.
Поток великой Силы надземной
Все части в нем сплотил, и труд гигантский
Явил его вместилищ тонких строй;
Энергий чудных закипела мощь,
И длани исполинские незримо
Распутали ума троичный узел,
Раздолье дав божественному взгляду.
Как сквозь одежды различают тело,
Сквозь формы тайный абсолют постиг он
Вселенским чувством, трансцендентным зреньем.
Светлы, могучи стали инструменты.
Иллюзия своей лишилась лупы,
Из рук ослабших выронив все меры:
Что мнилось столь огромным, стало мелким.
И разорвался круг ничтожный эго:
В безбрежьях самости необозримых
Скорлупкой жалкой показалось тело,
А ум — лишь многофресочным приделом
К обители нетленного Жильца:
В нем дух впивал сверхчеловечий воздух.

The imprisoned deity rent its magic fence.
 As with a sound of thunder and of seas,
 Vast barriers crashed around the huge escape.
 Immutably coeval with the world,
 300 Circle and end of every hope and toil
 Inexorably drawn round thought and act,
 The fixed immovable peripheries
 Effaced themselves beneath the Incarnate's tread.
 The dire velamen and the bottomless crypt
 305 Between which life and thought for ever move,
 Forbidden still to cross the dim dread bounds,
 The guardian darkneses mute and formidable,
 Empowered to circumscribe the wingless spirit
 In the boundaries of Mind and Ignorance,
 310 Protecting no more a dual eternity
 Vanished rescinding their enormous role:
 Once figure of creation's vain ellipse,
 The expanding zero lost its giant curve.
 The old adamantine vetoes stood no more:
 315 Overpowered were earth and Nature's obsolete rule;
 [83] The python coils of the restricting Law
 Could not restrain the swift arisen God:
 Abolished were the scripts of destiny.
 There was no small death-hunted creature more,
 320 No fragile form of being to preserve
 From an all-swallowing Immensity.
 The great hammer-beats of a pent-up world-heart
 Burst open the narrow dams that keep us safe
 Against the forces of the universe.
 325 The soul and cosmos faced as equal powers.

Плененный бог смёл колдовские стены.
Как бы с раскатом грома, вздохом шторма,
Великий взлет все сокрушил преграды.
От сотворенья запершие мир, —
Рубеж, предел всех чаяний и дел,
Сковавший глухо все труды, все мысли, —
Незыблемые вечные границы
Вдруг стерлись под пятою Аватара.
Ужасный свод и беспросветный склеп,
Между которых вечно жизнь и мысль блуждают
Не в силах преступить теней-пределов страшных,
Немые сумрачные тверди-стражи,
Что призваны сдержать бескрылый дух
В оградах Мысли и Неведенья, —
Лишив охраны двойственную вечность,
Исчезли, потеряв свой грозный статус:
Итог творенья — прежний тщетный эллипс,
Безмерный расширяющийся ноль
Лишился кривизны своей гигантской.
И пали нерушимые препоны,
Земной Природы обветшалый гнет;
Питоньи кольца древнего Закона
Сорвал с себя восставший властно Бог:
Прешли предназначения судьбы,
Исчезла тварь, поверженная смерти,
Непрочная отливка бытия
Не заграждала больше Бездн всемирных.
И молотобиеньями гиганта
Закабаленное вселенной сердце
Смело плотин теснящих узкий круг,
Что ограждает нас от сил вселенских.
Душа и мир предстали в равной стати.

A boundless being in a measureless Time
 Invaded Nature with the infinite;
 He saw unpathed, unwalled, his titan scope.

All was uncovered to his sealless eye.
 330 A secret Nature stripped of her defence,
 Once in a dreaded half-light formidable,
 Overtaken in her mighty privacy
 Lay bare to the burning splendour of his will.
 In shadowy chambers lit by a strange sun
 335 And opening hardly to hid mystic keys
 Her perilous arcanes and hooded Powers
 Confessed the advent of a mastering Mind
 And bore the compulsion of a time-born gaze.
 Incalculable in their wizard modes,
 340 Immediate and invincible in the act,
 Her secret strengths native to greater worlds
 Lifted above our needy limited scope,
 The occult privilege of demigods
 And the sure power-pattern of her cryptic signs,
 345 Her diagrams of geometric force,
 Her potencies of marvel-fraught design
 Courted employment by an earth-nursed might.
 A conscious Nature's quick machinery
 Armed with a latent splendour of miracle
 350 The prophet-passion of a seeing Mind,
 [84] And the lightning bareness of a free soul-force.

Необозримой ширью бытия,
Во Времени безмерном простираясь,
Бескрайний Дух заполонил Природу;
Нехоженный, безвестный, безграничный,
Он озирает свой исполинский космос.

*Все было открыто его лишившемуся печатей оку.
Тайная Природа, с которой были сорваны
все защитные покровы,
Прежде выглядевшая устрашающей в грозном полусвете,
Застигнутая врасплох в своем могучем уединении,
Предстала во всей своей величественной нагоде
перед пылающим великолепием его воли.
В сумеречных укромных покоях, освещенных
странным солнцем
И с трудом открывающихся потайными
мистическими ключами,
Ее опасные арканы и прикровенные Могущества
Признали пришествие Разума-владыки
И покорились власти времярожденного взгляда.
Несчислимые в своих колдовских проявлениях,
Спонтанные и неудержимые в действии,
Ее тайные силы, присущие высшим мирам,
Вознесенным над нашим убогим ограниченным пространством,
Оккультная привилегия полубогов
И надежная силовая структура ее загадочных знаков,
Ее диаграммы геометрической энергии,
Ее возможности многочудного замысла
Предались в руки могущества, возвращенного землей.
Стремительный инструментарий сознательной Природы
Оснастил до сих пор не раскрытым великолепием чуда
Пророческую страсть видящего Разума
И молниеподобную обнаженность свободной мощи души.*

All once impossible deemed could now become
 A natural limb of possibility,
 A new domain of normalcy supreme.
 355 An almighty occultist erects in Space
 This seeming outward world which tricks the sense;
 He weaves his hidden threads of consciousness,
 He builds bodies for his shapeless energy;
 Out of the unformed and vacant Vast he has made
 360 His sorcery of solid images,
 His magic of formative number and design,
 The fixed irrational links none can annul,
 This criss-cross tangle of invisible laws;
 His infallible rules, his covered processes,
 365 Achieve unerringly an inexplicable
 Creation where our error carves dead frames
 Of knowledge for a living ignorance.
 In her mystery's moods divorced from the Maker's laws
 She too as sovereignly creates her field,
 370 Her will shaping the undetermined vasts,
 Making a finite of infinity;
 She too can make an order of her caprice,
 As if her rash superb wagered to outvie
 The veiled Creator's cosmic secrecies.
 375 The rapid footsteps of her fantasy,
 Amid whose falls wonders like flowers rise,
 Are surer than reason, defter than device
 And swifter than Imagination's wings.
 All she new-fashions by the thought and word,
 380 Compels all substance by her wand of Mind.

Что мнилось невозможным, стало ныне
Возможности естественным движеньем,
Обычности верховной новой сферой.
Всевластный чародей в Пространстве зиждет
Обманом чувства мнимый внешний мир,
Свивая нити тайные сознанья,
Даруя плоть энергии бесплотной,
Творя из Широты пустой, безликой
Свой колдовской мираж обличий плотных,
Волшбу миротворящих числ и черт,
Немыслимых нерасторжимых связей —
Всю эту вязь невидимых законов,
Непогрешимых правил, тайных сил, —
Чтоб в их игре явить необъяснимо
Вселенной трюк, где наше заблужденье
Изваивает мертвые формовки
Из знанья для неведенья живого.
И прихотливо в собственной мистерии,
Порвав легко с законами Творца,
Она сама творит свой мир всевластно,
Веля явленье форм в безвидных ширях,
Конечным облакая бесконечность —
И стройность придает своим капризам,
Словно поспорив превзойти азартно
Создателя космические тайны.
Фантазии ее летящий шаг,
Что чудесами сыплет как цветами,
Точней, чем ум, искусней, чем смекалка,
Стремительнее крыл Воображенья.
И силой чародейской мысли, слова
Всему она дарует облик новый
И Разума чудотворящим жезлом
Субстанцией повелевает властно.

Mind is a mediator divinity:
 Its powers can undo all Nature's work:
 Mind can suspend or change earth's concrete law.
 Affranchised from earth-habit's drowsy seal
 385 The leaden grip of Matter it can break;
 Indifferent to the angry stare of Death,
 [85] It can immortalise a moment's work:
 A simple fiat of its thinking force,
 The casual pressure of its slight assent
 390 Can liberate the Energy dumb and pent
 Within its chambers of mysterious trance:
 It makes the body's sleep a puissant arm,
 Holds still the breath, the beatings of the heart,
 While the unseen is found, the impossible done,
 395 Communicates without means the unspoken thought;
 It moves events by its bare silent will,
 Acts at a distance without hands or feet.
 This giant Ignorance, this dwarfish Life
 It can illumine with a prophet sight,
 400 Invoke the bacchic rapture, the Fury's goad,
 In our body arouse the demon or the god,
 Call in the Omniscient and Omnipotent,
 Awake a forgotten Almighty within.
 In its own plane a shining emperor,
 405 Even in this rigid realm, Mind can be king:
 The logic of its demigod Idea
 In the leap of a transitional moment brings
 Surprises of creation never achieved
 Even by Matter's strange unconscious skill.
 410 All's miracle here and can by miracle change.

Ведь Разум — божество; посредник дивный,
Он может отменить уклад Природы,
Преодолеть земных законов гнет.
Страхнув земной привычки сонный плен,
Материи ярмо сломать он может,
Под гневным зраком Смерти воспарить
И обессмертить чудный дар мгновенья;
Случайным взором, мимолетной волей,
Простым движеньем мысли может он
Исторгнуть мощь Энергии плененной
Из тайников мистического транса
Иль тела сон исполнить властной силы,
Дыханье задержав, биенье сердца,
В незримое проникнуть, в небывалом
Промчаться, невозможное свершить,
Без средств сообщить нескáзанную мысль,
Событья направлять безмолвной волей,
Без рук, без ног творить на расстояньи;
Неведения мрак, ничтожность Жизни
Он может взором вещим озарить,
Стяжать восторг вакхийский, злобу фурий,
В нас демона иль бога пробудить,
Всеведение призвать во прах, Всесилье,
В душе раскрыть забытую Всемошь.
В своих мирах блистающий владыка,
Все ж может Разум быть царем и здесь —
И в этом косном материальном царстве:
Своей полубожественной Идеей
Он в скоротечный миг привносит вдруг
Сюрприз творенья, что не достигалось
Материи несознанным искусством.
Все — чудо здесь и может чудом измениться.

This is that secret Nature's edge of might.
 On the margin of great immaterial planes,
 In kingdoms of an untrammelled glory of force,
 Where Mind is master of the life and form
 415 And soul fulfils its thoughts by its own power,
 She meditates upon mighty words and looks
 On the unseen links that join the parted spheres.
 Thence to the initiate who observes her laws
 She brings the light of her mysterious realms:
 420 Here where he stands, his feet on a prostrate world,
 His mind no more cast into Matter's mould,
 Over their bounds in spurts of splendid strength
 [86] She carries their magician processes
 And the formulas of their stupendous speech,
 425 Till heaven and hell become purveyors to earth
 And the universe the slave of mortal will.
 A mediatrix with veiled and nameless gods
 Whose alien will touches our human life,
 Imitating the World-Magician's ways
 430 She invents for her self-bound free-will its grooves
 And feigns for magic's freaks a binding cause.
 All worlds she makes the partners of her deeds,
 Accomplices of her mighty violence,
 Her daring leaps into the impossible:
 435 From every source she has taken her cunning means,
 She draws from the free-love marriage of the planes
 Elements for her creation's tour-de-force:

A wonder-weft of knowledge incalculable,
 A compendium of divine invention's feats
 440 She has combined to make the unreal true
 Or liberate suppressed reality:
 In her unhedged Circean wonderland
 Pell-mell she shepherds her occult mightinesses;
 Her mnemonics of the craft of the Infinite,
 445 Jets of the screened subliminal's caprice,
 Tags of the gramarye of Inconscience,
 Freedom of a sovereign Truth without a law,
 Thoughts that were born in the immortals' world,
 Oracles that break out from behind the shrine,
 450 Warnings from the daemonic inner voice
 And peeps and lightning-leaps of prophecy
 And intimations to the inner ear,
 Abrupt interventions stark and absolute
 And the Superconscient's unaccountable acts,
 455 Have woven her balanced web of miracles
 And the weird technique of her tremendous art.
 This bizarre kingdom passed into his charge.
 As one resisting more the more she loves,
 [87] Her great possessions and her power and lore
 460 She gave, compelled, with a reluctant joy;
 Herself she gave for rapture and for use.
 Absolved from aberrations in deep ways,
 The ends she recovered for which she was made:

She turned against the evil she had helped
 465 Her engined wrath, her invisible means to slay;
 Her dangerous moods and arbitrary force
 She surrendered to the service of the soul
 And the control of a spiritual will.
 A greater despot tamed her despotism.
 470 Assailed, surprised in the fortress of her self,
 Conquered by her own unexpected king,
 Fulfilled and ransomed by her servitude,
 She yielded in a vanquished ecstasy,
 Her sealed hermetic wisdom forced from her,
 475 Fragments of the mystery of omnipotence.

A border sovereign is the occult Force.
 A threshold guardian of the earth-scene's Beyond,
 She has canalised the outbreaks of the Gods
 And cut through vistas of intuitive sight
 480 A long road of shimmering discoveries.
 The worlds of a marvellous Unknown were near,
 Behind her an ineffable Presence stood:
 Her reign received their mystic influences,
 Their lion-forces crouched beneath her feet;
 485 The future sleeps unknown behind their doors.
 Abysses infernal gaped round the soul's steps
 And called to its mounting vision peaks divine:
 An endless climb and adventure of the Idea
 There tirelessly tempted the explorer mind
 490 And countless voices visited the charmed ear;
 A million figures passed and were seen no more.
 This was a forefront of God's thousandfold house,
 Beginnings of the half-screened Invisible.

Сражая зло, которому служила,
Своим же гневом, жалом чар незримых;
И буйный нрав, и яростную силу
Она преподнесла во власть души,
Отдала под контроль духовной воли.
Сильней тиран смирил ее тиранство.
Застигнутая в собственной твердыне,
Покорена царем своим неожиданным,
Найдя свободу, искупленье в рабстве,
Она сдалась в экстазе поражения
И, силе покорясь, ему открыла
Свой кладезь герметического знания,
Прозренья в таинства всевластия.

*Эта оккультная Сила — пограничный властелин.
Страж ворот, ведущих с земной сцены в Запредельность,
Она направила в русла выплески Богов
И проложила по просекам интуитивного видения
Дальнюю дорогу лучащихся открытий.
Приблизились миры чудесного Неведомого —
За нею [Силой] представало невыразимое Присутствие:
Ее власть воспринимала их мистические влияния,
Их львиные силы услужливо стлались под ее стопами;
Непознанное, будущее спит за их дверями.
Адские бездны зияли у ног шагающей души
И божественные пики манили своим восходящим откровением.
Бесконечное восхождение Идеи, удивительным приключением,
Без устали влекло разум, словно покорителя вершин,
И несметные голоса пленяли зачарованный слух;
Миллионы фигур появлялись и скрывались из виду.
То были первые подступы к тысячемерному Божьему чертогу,
Начала полуприкровенного Незримого.*

[88] A magic porch of entry glimmering
 495 Quivered in a penumbra of screened Light,
 A court of the mystical traffic of the worlds,
 A balcony and miraculous façade.
 Above her lightened high immensities;
 All the unknown looked out from boundlessness:
 500 It lodged upon an edge of hourless Time,
 Gazing out of some everlasting Now,
 Its shadows gleaming with the birth of gods,
 Its bodies signalling the Bodiless,
 Its foreheads glowing with the Oversoul,
 505 Its forms projected from the Unknowable,
 Its eyes dreaming of the Ineffable,
 Its faces staring into eternity.
 Life in him learned its huge subconscious rear;
 The little fronts unlocked to the unseen Vasts:
 510 Her gulfs stood nude, her far transcendences
 Flamed in transparencies of crowded light.

A giant order was discovered here
 Of which the tassel and extended fringe
 Are the scant stuff of our material lives.
 515 This overt universe whose figures hide
 The secrets merged in superconscient light,
 Wrote clear the letters of its glowing code:
 A map of subtle signs surpassing thought
 Was hung upon a wall of inmost mind.
 520 Illumining the world's concrete images
 Into significant symbols by its gloss,
 It offered to the intuitive exegete
 Its reflex of the eternal Mystery.

Магический входной портал, мерцающий,
Трепетал в сумраке прикровенного Света,
А за ним — двор мистического взаимообмена миров,
Чудный балкон и удивительный фасад.
Над нею же светились высшие беспредельности;
Все неведомое виднелось в грандиозной необъятности:
Оно зияло на краю бесчасового Времени,
Взирая из некоего непостижимого непреходящего Сейчас,
И его тени мерцали рождением богов,
Его тела были знаменьями Бестелесного,
Его чела лучились светом Сверхдуши,
Его формы являлись из Непознаваемого,
Его очи грезили о Неизреченном,
Его лики устремлялись в вечность.
Теперь жизнь в нем [царе-йогине] постигла свой гигантский
подсознательный тыл;
Ее мелкая фронтальность распахнулась
в невидимые прежде Шири:
Ее бездны обнажились, ее далекие запредельности
Пламенили в прозрачностях, преисполненных света.

Здесь открылся исполинский порядок,
Чьей бахромой или внешним окаймлением
Является скудное содержимое наших материальных жизней.
Эта видимая вселенная, в чьих облициях скрываются
Таинства, уходящие в сверхсознательный свет,
Явила смысл, заложенный в письма ее сияющей тайнописи:
На стене внутреннего разума была вывешена
Карта тонких знаков, превосходящих мысль.
Высвечивая своей расшифровкой
Глубокие символы в плотных образах мира,
Она предложила интуитивному экзегету
Свое толкование вечной Мистерии.

Ascending and descending twixt life's poles
 525 The seried kingdoms of the graded Law
 Plunged from the Everlasting into Time,
 Then glad of a glory of multitudinous mind
 And rich with life's adventure and delight
 [89] And packed with the beauty of Matter's shapes and hues
 530 Climbed back from Time into undying Self,
 Up a golden ladder carrying the soul,
 Tying with diamond threads the Spirit's extremes.
 In this drop from consciousness to consciousness
 Each leaned on the occult Inconscient's power,
 535 The fountain of its needed Ignorance,
 Archmason of the limits by which it lives.
 In this soar from consciousness to consciousness
 Each lifted tops to That from which it came,
 Origin of all that it had ever been
 540 And home of all that it could still become.
 An organ scale of the Eternal's acts,
 Mounting to their climax in an endless Calm,
 Paces of the many-visaged Wonderful,
 Predestined stadia of the evolving Way,
 545 Measures of the stature of the growing soul,
 They interpreted existence to itself
 And, mediating twixt the heights and deeps,
 United the veiled married opposites
 And linked creation to the Ineffable.
 550 A last high world was seen where all worlds meet;
 In its summit gleam where Night is not nor Sleep,
 The light began of the Trinity supreme.

*Восходя и нисходя от одного полюса жизни к другому,
Упорядоченные ряды царств ранжированного Закона
Погружались из Непреходящего во Время
И затем, наслаждаясь великолепием многообразного разума,
И обогащаясь восторгом приключений жизни,
И полняясь красотой форм и красок Материи,
Взбирались обратно из Времени в бессмертное «Я»
Ввысь по золотой лестнице, возносящей душу
И связующей алмазными нитями крайние позиции Духа.
В этом спаде от сознания к сознанию
Каждый уровень полагался*

на оккультную силу Несознательного —

*Источник необходимого ему Неведения,
Зодчего пределов, благодаря которым он существует.
В этом взлете от сознания к сознанию
Каждый план вздымал вершины к Тому, из которого изошел,
Истоку всего, чем он когда-либо был,
И обители всего, чем он еще может стать.
Органная гамма деяний Вечного,
Восходящая к своей кульминации в непреходящем Покое,
Шаги многоликого Всечудного,
Предопределенные стадии эволюционного Пути,
Мерила уровня развития растущей души,
Они истолковывали существование самому себе
И, служа посредниками между высотами и глубинами,
Соединяли скрытые обрученные противоположности
И связывали творение с Неизреченным.*

*И высший мир предстал — последний мир,
Где повстречались все миры иные;
А в вышине над ним, в безбрежьях света,
Где Ночи нет, где исчезает Сон,
Сияли сферы Троицы всевышней.*

All there discovered what it seeks for here.
 It freed the finite into boundlessness
 555 And rose into its own eternities.
 The Inconscient found its heart of consciousness,
 The idea and feeling groping in Ignorance
 At last clutched passionately the body of Truth,
 The music born in Matter's silences
 560 Plucked nude out of the Ineffable's fathomlessness
 The meaning it had held but could not voice;
 The perfect rhythm now only sometimes dreamed
 An answer brought to the torn earth's hungry need
 Rending the night that had concealed the Unknown,
 [90] 565 Giving to her her lost forgotten soul.
 A grand solution closed the long impasse
 In which the heights of mortal effort end.
 A reconciling Wisdom looked on life;
 It took the striving undertones of mind
 570 And took the confused refrain of human hopes
 And made of them a sweet and happy call;
 It lifted from an underground of pain
 The inarticulate murmur of our lives
 And found for it a sense illimitable.
 575 A mighty oneness its perpetual theme,
 It caught the soul's faint scattered utterances,
 Read hardly twixt our lines of rigid thought
 Or mid this drowse and coma on Matter's breast
 Heard like disjointed mutterings in sleep;
 580 It grouped the golden links that they had lost
 And showed to them their divine unity,
 Saving from the error of divided self
 The deep spiritual cry in all that is.

Там все открыло то, чего оно ищет здесь,
И высвободило конечное в безграничность,
И поднялось в собственные вечности.
Несознательное обрело свое сердце сознания,
Идея и чувство, блуждающие наугад в Неведении,
Наконец страстно охватили тело Истины,
Музыка, рожденная в безмолвиях Материи,
Вынесла, обнажила из бездонности Несказанного
Смысл, который она заключала в себе, но не могла огласить;
Совершенный ритм, о котором сейчас лишь изредка мечтают,
Принес ответ алчной нужде истерзанной земли,
Разорвав ночь, скрывавшую Неведомое,
Вернув ей забытую утраченную душу.
Величественное решение вывело смертные усилия
из длительного тупика,
В который они уперлись в своих высших дерзаниях.
Всепримирающая Мудрость обратила взор на жизнь;
Она объяла борющиеся унтертоны ума
И беспорядочный рефрен человеческих надежд
И превратила их в сладостный счастливый зов;
Она вознесла из подземелья боли
Неразборчивый ропот наших жизней
И наделила его безграничным смыслом.
Имея своей постоянной темой могучее единение,
Она уловила слабые разрозненные возгласы души,
С трудом читающиеся между строк нашей костной мысли
Или в этой дреме, этой коме на груди Материи
Доносящиеся как бессвязное бормотание во сне;
Она собрала воедино золотые звенья, которые они растеряли,
И показала им их божественное единство,
Освобождая от заблуждения обособленного «я»
Глубинный духовный клич, скрытый во всем сущем.

All the great Words that toiled to express the One
 585 Were lifted into an absoluteness of light,
 An ever-burning Revelation's fire
 And the immortality of the eternal Voice.
 There was no quarrel more of truth with truth;
 The endless chapter of their differences
 590 Retold in light by an omniscient Scribe
 Travelled through difference towards unity,
 Mind's winding search lost every tinge of doubt
 Led to its end by an all-seeing speech
 That garbed the initial and original thought
 595 With the finality of an ultimate phrase:
 United were Time's creative mood and tense
 To the style and syntax of Identity.
 A paean swelled from the lost musing deeps;
 An anthem pealed to the triune ecstasies,
 600 A cry of the moments to the Immortal's bliss.
 [91] As if the strophes of a cosmic ode,
 A hierarchy of climbing harmonies
 Peopled with voices and with visages
 Aspired in a crescendo of the Gods
 605 From Matter's abysses to the Spirit's peaks.
 Above were the Immortal's changeless seats,
 White chambers of dalliance with eternity
 And the stupendous gates of the Alone.
 Across the unfolding of the seas of self
 610 Appeared the deathless countries of the One.

Все высшие великие Слова,
Что выразить Единого стремились,
Воздеты были в абсолютный свет,
Неугасимый Откровенья огонь,
Немолкнувший извечный Глас бессмертья.

*Больше не было столкновения истины с истиной;
Бесконечная история их расхождений,
Заново изложенная в свете всеведущим Писцом,
Через различия приходила к единству,
Извилистый поиск ума утратил всякую тень сомнения,
Ведомый к своей цели всезрящей речью,
Которая облекала изначальную первородную мысль
Окончателъностью совершенного изречения:
Созидательное наклонение и временные категории
грамматики Времени были приведены в соответствие
Со стилем и синтаксисом Тождества.*

Родилась песнь в самозабвенных глубях,
Вознесся гимн экстазам триединым,
Мгновений клич Бессмертного блаженству.
Взмывая строфами вселенской оды,
Исполненная голосов и ликов,
Воздвиглась иерархия гармоний,
Неся крещендо страстное Богов
Из бездн Материи к вершинам Духа.

*Выше полагались неизменные престолы Бессмертного,
Белые палаты счастливых игр с вечностью
И грандиозные врата Односущего.
За разворачивающимися пред взором безбрежьями самости
Показались нетленные страны Единого.*

A many-miracled Consciousness unrolled
 Vast aim and process and unfettered norms,
 A larger Nature's great familiar roads.
 Affranchised from the net of earthly sense
 615 Calm continents of potency were glimpsed;
 Homelands of beauty shut to human eyes,
 Half-seen at first through wonder's gleaming lids,
 Surprised the vision with felicity;
 Sunbelts of knowledge, moonbelts of delight
 620 Stretched out in an ecstasy of widenesses
 Beyond our indigent corporeal range.
 There he could enter, there awhile abide.
 A voyager upon uncharted routes
 Fronting the viewless danger of the Unknown,
 625 Adventuring across enormous realms,
 He broke into another Space and Time.

End of Canto Five

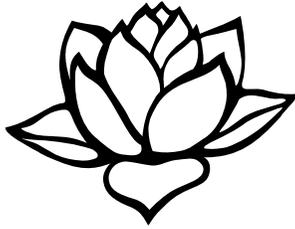
END OF BOOK ONE

Сознание многочисленное раскрыло
Простор свободных правил, действий, целей,
Знакомые стези Природы высшей.
Не ведая тенет земного чувства,
Открылись тихой мощи континенты;
И, замерцав сквозь вежды изумленья,
Родные земли красоты бессмертной,
Недостижимой для людского ока,
Вдруг поразили взор глубоким счастьем;
Там солнечные знания пояса
И ленты луносветные блаженства
Простерлись в упоении вечной шири
Вне наших бранных сумрачных пределов.
Туда он смог войти, там задержаться.
В Неведомое устремясь отважно,
Направив путь в немыслимые царства,
Искатель на нехоженных дорогах,
Он взмыл в иные Время и Пространство.

Конец Песни пятой

КОНЕЦ КНИГИ ПЕРВОЙ

КОММЕНТАРИИ ШРИ АУРОБИНДО¹

Песнь первая Символическая Заря

Здесь [в Песни первой] и физическая ночь, и физическая заря являются, о чем ясно говорит само название Песни, символом, хотя этот символ и можно назвать реальным символом внутренней реальности; главная же цель — описать при помощи суггестивной образности то, что олицетворяет собой этот символ: здесь — это новое погружение в Несознание, прерываемое медленным и трудным возвращением сознания, за которым следует краткий, но блистательный и пророческий прорыв-откровение духовного света, оставляющий после себя «день» обычного человеческого сознания, в котором и должно быть осуществлено предреченное. Вся «Савитри», как явствует из ее подзаголовка, представляет собой легенду, которая есть одновременно и символ, и эта первая Песнь является, можно сказать, ключевым введением ко всей книге и анонсом дальнейшего сюжета. Если воспринимать ее именно так, то станет очевидно, что в ней нет ничего излишнего или бесполезного: все используемые элементы нужны, чтобы своей суггестивной силой выявить тот или иной аспект символического содержания и таким образом адекватно начать разработку значения всей поэмы.

Письма о поэзии и искусстве, с. 341

Без сомнения, все это описание исполнено символизма, но символ нужно вынести на передний план, а то, что он символизирует, должно оставаться скрытым или лишь едва различимым на заднем плане...

Письма о поэзии и искусстве, с. 329

¹ Комментарии представляют собой выдержки из частной переписки Шри Ауробиндо, посвященной «Савитри». Все цитаты даются по изданию: Шри Ауробиндо. Письма о поэзии и искусстве. Полн. собр. соч., т. 27 (см. Библиографию).

Вы что, серьезно хотите, чтобы я дал точное научное описание земли, наполовину погруженной во мрак, наполовину освещенной светом, и безнадежно испортил бы свой импрессионистский символ или вернулся бы к представлению о земле как плоской неподвижной поверхности? Я не пишу научный трактат, я выбираю определенные идеи и впечатления, чтобы создать символ частичного и временного мрака, охватившего душу и Природу, который переходящему чувству того, кто захвачен этой тьмой, кажется всеобъемлющим и вечным. Тот, кто затерян в этой Ночи, не думает о том, что другая половина земли залита светом; ему кажется, что Ночь повсюду, а земля — покинутая скиталица в непреходящей тьме. ... И из описания видно, что земля в своем кружении действительно входит в зарю и переходит из мрака в свет.

Письма о поэзии и искусстве, с. 132

Несознание и Неведение могут казаться просто пустыми абстракциями и неуместными «жаргонизмами», если вы не сталкивались с ними вплотную и не погружались в их мрачную бездонную действительность. Но для меня они совершенно реальные и конкретные силы, чье сопротивление присутствует всегда и всюду в своей грандиозной безграничной весомости. ... Просто люди еще не научились различать Несознания — великого Бессознательного, на котором зиждется весь материальный мир, предстающий их глазам, или Неведения, из которого состоит вся их природа, включая их знание, — поэтому они думают, что эти слова — абстрактный метафизический жаргон...

Письма о поэзии и искусстве, с. 314, 324

Два эти образа — «перст, коснувшийся щеки» и «пыл, вцепившийся в бездну тьмы» [с. 67] — и не должны были в точности соответствовать друг другу, поскольку «бездна тьмы» и «вселенская Мать» — не одно и то же. «Бездна тьмы» предстает лишь маской, скрывающей лик Матери, и то, что эта тьма ощущает как «вцепившийся» в нее пыл, жажду, Мать ощущает лишь как напоминающий «перст» ребенка, коснувшийся ее щеки.

Письма о поэзии и искусстве, с. 310

Быстрые переходы от одного образа к другому постоянно встречаются в «Савитри», как и в большинстве произведений мистической поэзии. Я здесь не выстраиваю единой пространной и разработанной картины наступления Зари, выраженной в единственном развернутом образе или вариациях одного и того же образа. Я описываю быструю серию переходов, добавляя штрих за штрихом, намек за намеком. Сначала — черная инертность, затем — настойчивое преображающее прикосновение, затем первый «трепет очарования», ведущий к волшебным вратам и «одинокому светочу». Затем мрак ослабевает и спадает покровом — сравнение, опять же внушающее быстроту изменения. Затем, как результат, — превращение того, что прежде было лишь «туманным разрывом», в большую исполненную света брешь — если хотите быть логичным, можете рассматривать этот «разрыв» как щель в «покрове», которая становится большим отверстием. И затем все превращается в «краткий вечный знак», радужное многоцветие, сияние и чудесную ауру [с. 69—71]. При такой стремительной смене образов вы не можете связать меня логической цепью картин или классической монотонностью. Мистическая Муза — скорее, вдохновенная вакханка, упоенная дионисийским вином, а не прилежная домохозяйка.

Письма о поэзии и искусстве, с. 311

Для меня здесь было важно постоянно удерживать перед взглядом читателя — не занятого исключительно игрой воображения, но внимательно стремящегося охватить всю истину видения в его тотальности — постоянно присутствующее ощущение Несознания, в котором все происходит. Это своего рода обрамление, а также общий фон происходящего, без которого все подробности описания либо распались бы, либо выглядели разрозненными случайными событиями. Так продолжается, пока заря не разгорается полностью, и тогда оно исчезает: каждая фраза описывает одну из черт этого Несознания, в соответствии с ее местом и контекстом. Именно это подчеркивается при проникновении «одинокого проблеска» в погруженный в несознательность, противящийся, невосприимчивый мир с помощью образа «бессмысленной Тьмы». И это Несознание представляет собой арену и источник сопротивления. По этой же причине необходимо напомнить читателю, что «шаги»

Божественной Матери были вторжением в пустоту Несознания и провозвестием освобождения от него [с. 71].

Письма о поэзии и искусстве, с. 341—342

Что касается фразы «лик тиши счастливой» [с. 71] — я имел в виду лик, являющий собой выражение или, точнее, живой образ счастливой тишины высочайшего бесконечного сознания — и будучи таковым, он действительно представляет собой «кладезь Безбрежья», средоточие Бесконечности.

Письма о поэзии и искусстве, с. 334

В моем символическом видении Ночи и Зари есть отрывок, который описывает сознательное преклонение Природы, когда она ощущает пришествие всеведущей Богини вечного Света [с. 73]. ...

Эпитет «ширококрылый» относится не к ветру, а к голосу ветра, который принимает форму сознательного гимна стремления и поднимается, восходя из груди великого жреца-ветра, как могучекрылая птица, выпущенная в небо, и опускается, и снова взмывает, стремится и затихает, и снова устремляется ввысь над «алтарем холмов». Это словно голос или песнь устремления, вздымающаяся на широких крыльях...

Вся картина описывает сознательное поклонение Природы [Божественному], и каждый элемент в ней сознателен по-своему — ветер и его гимн, холмы, деревья. Ветер — великий жрец этого молитвенного жертвоприношения, и его глас возносится в сознательном гимне стремления; холмы в своей самоотдаче ощущают, что служат молитвенным алтарем этого священнодействия; деревья словно в мольбе вздымают ветви ввысь, к небу, безмолвными молитвенными фигурами, и свет неба, к которому тянутся их ветви, раскрывает Запредельное, куда все стремится. Эта «картина» или, точнее, эта часть видения представляет собой точное и законченное выражение того, что мне открылось в свете пришедшего вдохновения и опыта. ...Это выражение опыта, который я часто испытывал будь то в горах или на равнинах Гуджарата или глядя из своего окна здесь в Пондичерри не только на заре, но и в другое время суток...

Письма о поэзии и искусстве, с. 337—338

Песнь вторая
Миссия

«Миссия» — это, конечно, противоборство между Савитри и Судьбой или, скорее, между воплощенным Светом, Богиней Солнца, и Смертью, Творцом и Пожирателем этого мира с его Законом мрака, ограничения, неведения.

Письма о поэзии и искусстве, с. 278

Этот отрывок [с. 99—101], я полагаю, представляет собой проявление Интуиции Верховного Разума, выражающей себя в форме близкой к своему собственному ритму и языку.

Письма о поэзии и искусстве, с. 289

В этой строке [*«Все говорило в ней о высшем роде...»*] Савитри показана как предвестница или первая созидательница новой расы.

Письма о поэзии и искусстве, с. 287

Что касается образа о птице и лоне тишины [с. 101], я понимаю, что вы имеете в виду, но ваша идея основывается на том, что в этом отрывке все должно быть выдержано на одном и том же трансцендентальном уровне. И действительно, в остальных своих частях он раскрывает трансцендентальные качества в строении существа Савитри, в то время как здесь вносится иной элемент, чтобы показать, как это трансцендентальное величие откликается на психическую потребность человеческой природы с ее слабостью и воздействует на нее. Именно в этом состоит цель отрывка, и было бы трудно достичь ее без привнесения естественной психической тональности вместо трансцендентальной. Образ птицы и лона, конечно, не нов и не оригинален, он отражает обычную потребность человеческого сердца и делает это за счет использования физического и эмоционального сравнения, придающего ему своеобразную яркую непосредственность. Это описание было введено с целью раскрыть определенный элемент в отношениях Савитри с человеческим миром, который казался мне необходимой

составляющей ее всестороннего психологического описания. Если бы описание необходимо было изменить — что следовало бы сделать, только если бы переход на психический уровень действительно нарушал слаженную последовательную цельность описания и снижал высоту поэзии — то, мне пришлось бы найти нечто равное или лучшее, но сейчас я не вижу в этом необходимости. ...

Под «душой» здесь имеется в виду всякий, кто утратил счастье и нуждается в духовном утешении и возобновлении сил. Можно перефразировать это следующим образом: «Как душа взмывает преследуемой птицей прочь от мира, обретая прибежище в покое Бесконечного и узнавая в нем родимый уют и обитель, так всякий утомленный жизнью мог обрести в ней прибежище и, словно усталая птица, восстановить силы, чтобы продолжить пребывание в мире». ...

Письма о поэзии и искусстве, с. 291, 293

Строка о том, что Савитри представляет собой «и Молчание, и Слово»¹, показывает нам трансцендентальный элемент Савитри, ибо Божественная Савитри — это слово, возникающее из трансцендентального безмолвия; следующие две строки выражают этот элемент на уровне духовного сознания; последняя строка отрывка выражает то же самое уже в отношении внешнего характера и темперамента Савитри в жизни. Единство силы и безмолвия подчеркивается в поэме как одна из главных черт Савитри.

Письма о поэзии и искусстве, с. 291

«Драконоптица» [с. 103] — это птица вечной Ананды... Весь отрывок должен вызвать ощущение обширного светоносного повторяющегося и оставляющего след движения, напоминающего полет Птицы с драконьим хвостом белого огня.

Письма о поэзии и искусстве, с. 294

Любовь? Нет, отнюдь не Любовь встречает «обремененных великой ношей» [с. 105] и управляет человеческими судьбами! Как впрочем и не Боль. Время также не распоряжается этими

¹ См. последние четыре строки на с. 101.

вещами — оно лишь предоставляет поле для событий и их движения. Если бы я хотел дать имя [этому «сомнительному божеству»], я бы сделал это, но его нужно было оставить безымянным, поскольку оно не поддается определению. Оно может использовать Любовь, Боль или Время — или любую из этих сил, но не является ни одной из них. Можете, если хотите, назвать его Владыкой Эволюции.

Письма о поэзии и искусстве, с. 295

Савитри представлена в поэме как воплощение божественной Матери. ... Предполагается, что это воплощение имело место во времена далекого прошлого, когда необходимо было совершить все это открытие и «проторить пути к Бессмертью» [с. 107, 117].

Письма о поэзии и искусстве, с. 276

Песнь третья — Песнь пятая **Йога царя — Тайное Знание**

Часть первая [эпоса] в основном посвящена описанию Йоги царя Ашвапати («Владыки Коня») — отца Савитри, повествуя о том, что послужило причиной рождения Савитри на земле, и показывая подлинное значение ее рождения.

Письма о поэзии и искусстве, с. 277

Йога Ашвапати состоит из трех частей. Вначале он достигает собственного духовного осуществления как индивид — именно это описывается в «Йоге царя». Затем он совершает восхождение через все планы сознания как типический представитель человечества, чтобы завоевать возможность их открытия и освоения, и это описывается в Книге второй [«Книге Странника миров»], — но и это пока еще лишь индивидуальная победа. Наконец, он стремится уже не для себя, но во имя всех, ради всеобщей реализации и нового творения. Это описывается в «Книге Божественной Матери» [Книге третьей].

Письма о поэзии и искусстве, с. 330

Что касается названия трех Песней о Йоге царя, я намеренно прибегаю к повторению в названии слова «Йога», чтобы подчеркнуть тот факт, что эта часть духовного развития Ашвапати состоит из двух йогических движений: одно — психодуховная трансформация, другое — более великая духовная трансформация с восхождением к верховной силе. ...

Во второй из трех Песней [Песни четвертой «Тайное Знание»] возникает пауза между двумя этими движениями и дается описание тайного знания, к которому он приходит и чьи результаты описываются в последней из трех Песней [Песни пятой «Йога свободы и величия духа»].

Письма о поэзии и искусстве, с. 329

Человеческая природа мирится с условиями и ограничениями Природы и удерживается ею в этих рамках, но Ашвапати теперь отказывается мириться с ними, отказывается от этого соглашения, заключенного с нею человечеством, к которому он до сих пор принадлежал [что описывается в Песне пятой].

Письма о поэзии и искусстве, с. 297

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Символическая Заря

вариант поэтического переложения
начального фрагмента

[1] It was the hour before the Gods awake.
Across the path of the divine Event
The huge foreboding mind of Night, alone
In her unlit temple of eternity,
5 Lay stretched immobile upon Silence' marge.
Almost one felt, opaque, impenetrable,
In the sombre symbol of her eyeless muse
The abysm of the unbodied Infinite;
A fathomless zero occupied the world.
10 A power of fallen boundless self awake
Between the first and the last Nothingness,
Recalling the tenebrous womb from which it came,
Turned from the insoluble mystery of birth
And the tardy process of mortality
15 And longed to reach its end in vacant Nought.
As in a dark beginning of all things,
A mute featureless semblance of the Unknown
Repeating for ever the unconscious act,
Prolonging for ever the unseeing will,
20 Cradled the cosmic drowse of ignorant Force
Whose moved creative slumber kindles the suns
And carries our lives in its somnambulist whirl.
Athwart the vain enormous trance of Space,
Its formless stupor without mind or life,
25 A shadow spinning through a soulless Void,
Thrown back once more into unthinking dreams,
Earth wheeled abandoned in the hollow gulfs
Forgetful of her spirit and her fate.

БЫЛ час, когда готовы пробудиться Боги.
Преградой на пути всевышнего Событья
Громадный¹ мрачный разум Ночи, одинокий
В ее безвременье, как в беспросветном храме²,
Лежал незыблемо на рубеже Безмолвия.
Почти открылась въявь, безвидна, непроглядна,
В зловещем символе ее незрячей думы
Бездна бесплотной Бесконечности;
Неизмеримый ноль заполнил весь мир³.
Мощь падшей самости бескрайней, пробужденной
Меж первым и последним Небытием,
Зывая к чреву мрачному, исторгшему ее,
Презрела тайну вечную рожденья
И тягостное действие умиранья
И жаждала найти конец в пустом Ничто.
Словно в истоке темном мирозданья,
Немой, безликий Неведомого призрак,
Извечно повторяя несознанное действие,
Извечно продлевая невидящую волю,
Хранил вселенский сон невежественной Силы,
Что в забытии своей творящей дремы
Светила возжигает и несет
В сомнамбуличном вихре наши жизни.
Сквозь беспредельный, тщетный транс Пространства —
Аморфный ступор без ума, без жизни, —
Тенью вращаясь в Пустоте бездушной,
Заблудшая опять в бездумных грезах,
Земля влеклась, покинутая в безднах,
Забыв свой дух, забыв свою судьбу.

¹ Или: Гигантский.

² Или: В ее лишенном света храме вечности.

³ Или: Бездонный ноль заполнил весь мир.

The impassive skies were neutral, empty, still.
30 Then something in the inscrutable darkness stirred;
A nameless movement, an unthought Idea
[2] Insistent, dissatisfied, without an aim,
Something that wished but knew not how to be,
Teased the Inconscient to wake Ignorance.
35 A throe that came and left a quivering trace,
Gave room for an old tired want unfilled,
At peace in its subconscious moonless cave
To raise its head and look for absent light,
Straining closed eyes of vanished memory,
40 Like one who searches for a bygone self
And only meets the corpse of his desire.
It was as though even in this Nought's profound,
Even in this ultimate dissolution's core,
There lurked an unremembering entity,
45 Survivor of a slain and buried past
Condemned to resume the effort and the pang,
Reviving in another frustrate world.
An unshaped consciousness desired light
And a blank prescience yearned towards distant change.
50 As if a childlike finger laid on a cheek
Reminded of the endless need in things
The heedless Mother of the universe,
An infant longing clutched the sombre Vast.
Insensibly somewhere a breach began:

Пустынно, безучастно, тихо небо стыло¹.
Но в недрах мрака что-то вдруг пошевелилось²...
Неизъяснимый вздох³, бездумная Идея⁴ —
Упрямо, неутолено, бесцельно,
Нечто, желая быть, но как — не зная,
К Неведенью, дразня, будило Несознание.
Спазм, отозвавшись трепетом во тьме,
Впустил неутоленную потребность,
Что издавна покоилась бессильно
В безлунной подсознательной пещере,
Но поднялась, ища пропавший свет
Ослепшим оком памяти истлевшей —
Как тот, кто ищет прежнего себя,
Но труп лишь своего желания находит.
Как будто даже в недрах Несуществования⁵,
В глубинном средоточьи⁶ полного распада
Беспамятная все же уцелела сущность —
Убитого и похороненного прошлого остаток,
Воскресший вновь на муки и борьбу
В безвестной мгле несостоявшегося мира⁷.
Сознание несложившееся возжелало света,
Безликое предчувствие влеклось к далекой нови⁸.
И словно детский перст щеки коснулся,
Напомнив о бескрайней жажде мира
Всепозабывшей Матери вселенской, —
Младенец-пыл вцепился в сумрачные Шири.
Неощутимо где-то брешь возникла:

¹ Или: Безлико, тускло, немо небеса уснули.

² Или: Вдруг в непроглядном мраке что-то шевельнулось.

³ Или: Непостижимый пульс; неведомый порыв.

⁴ Или: бессвязное Наитье.

⁵ Или: Как будто даже в этих безднах Отрицанья.

⁶ Или: В глубинной сердцевине.

⁷ Или: Среди руин поверженного мира.

⁸ Или: Неясное сознание в жажде света / Предощутило отблеск дальней нови.

- 55 A long lone line of hesitating hue
Like a vague smile tempting a desert heart
Troubled the far rim of life's obscure sleep.
Arrived from the other side of boundlessness
An eye of deity peered through the dumb deeps;
- 60 A scout in a reconnaissance from the sun,
It seemed amid a heavy cosmic rest,
The torpor of a sick and weary world,
To seek for a spirit sole and desolate
Too fallen to recollect forgotten bliss.
- 65 Intervening in a mindless universe,
Its message crept through the reluctant hush
Calling the adventure of consciousness and joy
- [3] And, conquering Nature's disillusioned breast,
Compelled renewed consent to see and feel.
- 70 A thought was sown in the unsounded Void,
A sense was born within the darkness' depths,
A memory quivered in the heart of Time
As if a soul long dead were moved to live:
But the oblivion that succeeds the fall,
- 75 Had blotted the crowded tablets of the past,
And all that was destroyed must be rebuilt
And old experience laboured out once more.

Туманной длинной линии просвет уединенный¹,
Улыбкою, блеснувшей в омертвелом сердце,
Встревожил горизонты тусклой спячки жизни².
Придя с обратной стороны безбрежья,
Взор божества проник в немые глубины;
Разведчик, что в дозор направлен солнцем,
Казалось, он в тяжелом сне вселенском,
В оцепенении страждущего мира,
Искал забытый, одинокий дух,
Что слишком пал, чтоб вспомнить о блаженстве³.
Пресветлой вестью в космосе бездумном⁴,
Он крался в неподатливую тишь,
Взывая к путешествию сознания и счастья,
И, побеждая мрачный транс Природы,
В ней снова зренью пробуждал и чувство.
И мысль запала в бездны Несознания,
И чувство родилось в пучинах мрака,
И память вострепнулась в сердце тленья,
Словно душа погибшая воскресла —
Но за паденьем следует забвенье,
Что затмевает свод скрижалей прошлых,
И нужно все, что было, вновь построить
И прежний опыт выстрадать опять⁵.

¹ Или: Оттенков тонких трепетный разлет...

Полоски узкой трепетный просвет...

Полоской легкой одинокий луч...

Лучистой длинной линии разлет.

² Или: Окрасил край дремотной бездны жизни...

Забрезжил над неясной спячкой жизни...

Встревожил край угрюмой спячки жизни.

³ Или: Что слишком низко пал, чтоб вспомнить о блаженстве...

Что пал и тщился вновь постичь блаженство.

⁴ Или: Пресветлой вестью в космосе незрячем (без-умном)...

Лучистой вестью в мире беспросветном...

Сияя вестью в сумрачной вселенной.

⁵ Или: И прежний опыт вновь добыть в трудах.

All can be done if the god-touch is there.
A hope stole in that hardly dared to be
80 Amid the Night's forlorn indifference.
As if solicited in an alien world
With timid and hazardous instinctive grace,
Orphaned and driven out to seek a home,
An errant marvel with no place to live,
85 Into a far-off nook of heaven there came
A slow miraculous gesture's dim appeal.
The persistent thrill of a transfiguring touch
Persuaded the inert black quietude
And beauty and wonder disturbed the fields of God.
90 A wandering hand of pale enchanted light
That glowed along a fading moment's brink,
Fixed with gold panel and opalescent hinge
A gate of dreams ajar on mystery's verge.
One lucent corner windowing hidden things
95 Forced the world's blind immensity to sight.
The darkness failed and slipped like a falling cloak
From the reclining body of a god.

С прикосновеньем Божьим все возможно¹.
 Надежда ожила, осмелясь быть
 В том безнадежном равнодушьи Ночи.
 Словно ниспослан во враждебный мир
 Тревожной, робкой милости порывом²,
 Осиротев и тщась найти свой кров,
 Скитающимся дивом бесприютным,
 В далекий уголок небес проник
 Призыв неясный чудо-мановенья.
 Преображающим прикосновеньем,
 Упорный трепет, озаряя мрак,
 Взывал к инертной, черной немоте³,
 Чуждость и красота будили Божьи шири⁴.
 Манящей дланью бледный свет волшебный,
 Взойдя над краем тающего часа,
 На горизонте приоткрытых таинств
 Воздвиг врата мистических мечтаний⁵,
 Златые двери в радужном проеме.
 Окном заветным, одинокий светоч
 К прозренью влек слепую бездну мира.
 Мрак ослабел и соскользнул покровом
 С простершегося тела божества.

¹ Или: По мановенью Божью все возможно...

С прикосновеньем вышним все возможно.

² Или: Опасливой и робкой милостью спонтанной.

³ Или: Прикосновенья чудотворный трепет

Взывал к инертной, черной немоте...

Или: Очарованья чудотворный трепет

Преображающим прикосновеньем

Взывал к безгласной, косной черноте...

Или: Прикосновенье чудное упорно

Взывало к черной косной тишине...

Или: Чудотворящее прикосновенье

Будило косность черной немоты.

⁴ Или: Очарованья пыл тревожил Божьи шири...

Краса и чужь будили Божьи шири.

⁵ Или: Воздвиг, приоткрывая, грез врата.

Then through the pallid rift that seemed at first
 Hardly enough for a trickle from the suns,
 100 Outpoured the revelation and the flame.
 The brief perpetual sign recurred above.
 A glamour from unreached transcendences
 Iridescent with the glory of the Unseen,
 [4] A message from the unknown immortal Light
 105 Ablaze upon creation's quivering edge,
 Dawn built her aura of magnificent hues
 And buried its seed of grandeur in the hours.
 An instant's visitor the godhead shone.
 On life's thin border awhile the Vision stood
 110 And bent over earth's pondering forehead curve.
 Interpreting a recondite beauty and bliss
 In colour's hieroglyphs of mystic sense,
 It wrote the lines of a significant myth
 Telling of a greatness of spiritual dawns,
 115 A brilliant code penned with the sky for page.
 Almost that day the epiphany was disclosed
 Of which our thoughts and hopes are signal flares;
 A lonely splendour from the invisible goal
 Almost was flung on the opaque Inane.
 120 Once more a tread perturbed the vacant Vasts;
 Infinity's centre, a Face of rapturous calm
 Parted the eternal lids that open heaven;
 A Form from far beatitudes seemed to near.
 Ambadress twixt eternity and change,
 125 The omniscient Goddess leaned across the breadths

И сквозь разрыв туманный, что, казалось,
Едва ль пропустит каплю света солнц,
Низлились откровение и пламя.
Вновь краткий вечный знак явился свыше.
Очарованьем необъятных сфер далеких¹,
Красуясь переливами Незримого,
Посланьем из неизвестного немеркнувшего Света,
Блистая на краю трепещущем творения,
Заря взметнулась аурой волшебной²
И погребла в часы ее величья семя.
Мгновенья гостем, божество сияло.
На горизонте жизни встал Виденья образ,
Склонясь к челу плененному земли³.
Поведав тайны красоты и счастья
Мистическими письменами цвета,
Он начертал глубокое преданье,
Завет лучистый на странице неба,
Глаголя о величьи зорь духовных.
Почти в тот день явилось Откровенье,
Что нам пророчат мысли и надежды.
Незримой цели одинокий проблеск
Почти проник в бессмысленную Тьму.
Вновь раздалися шаги в пустынных Ширях.
Безбрежья средоточье, Лик тиши счастливой
Приподнял вежды вечные, что открывают небо;
Казалось, близко Форма из блаженств далеких.
Посланница меж вечностью и тленьем,
Всемудрая Богиня преклонилась сквозь просторы,

¹ Или: Очарованьем трансцендентностей далеких...

Очарованьем необъятных сфер.

² Или: Заря зажглась великоцветной аурой...

Заря простерлась аурой пресветлой...

Заря зарделась аурой стоцветной.

³ Или: Объяв чела земли задумчивый изгиб.

That wrap the fated journeyings of the stars
 And saw the spaces ready for her feet.
 Once she half looked behind for her veiled sun,
 Then, thoughtful, went to her immortal work.
 130 Earth felt the Imperishable's passage close:
 The waking ear of Nature heard her steps
 And wideness turned to her its limitless eye,
 And, scattered on sealed depths, her luminous smile
 Kindled to fire the silence of the worlds.
 135 All grew a consecration and a rite.
 Air was a vibrant link between earth and heaven;
 The wide-winged hymn of a great priestly wind
 Arose and failed upon the altar hills;
 The high boughs prayed in a revealing sky.
 [5] 140 Here where our half-lit ignorance skirts the gulfs
 On the dumb bosom of the ambiguous earth,
 Here where one knows not even the step in front
 And Truth has her throne on the shadowy back of doubt,
 On this anguished and precarious field of toil
 145 Outspread beneath some large indifferent gaze,
 Impartial witness of our joy and bale,
 Our prostrate soil bore the awakening ray.
 Here too the vision and prophetic gleam
 Lit into miracles common meaningless shapes;
 150 Then the divine afflatus, spent, withdrew,
 Unwanted, fading from the mortal's range.
 A sacred yearning lingered in its trace,
 The worship of a Presence and a Power
 Too perfect to be held by death-bound hearts,
 155 The prescience of a marvellous birth to come.

Что звезд объемлют судьбоносное движенье,
И мир нашла для стоп своих готовым.
Она еще раз полуобернулась,
Чтобы увидеть солнце тайное свое,
И мудро принялась за свой бессмертный труд.
Земля предощутила близкий шаг Нетленной:
Ее услышал пробужденный слух Природы,
К ней обратила широта свой взор безбрежный,
И, разлетевшись по запретным глубям,
Ее всеозарившая улыбка
Зажгла огнем безмолвие миров.
Все стало посвящением и обрядом.
Воздух дрожал, связуя землю с небом;
Крылатый гимн мольбы великой ветра
Взмывал и ник над алтарем холмов;
Ветви стремились к небесам отверстым.
Здесь, где наше полуосвященное невежество
Лишь окаймляет бездн безмерных край
На косном лоне непостигнутой земли,
Здесь, где неведом каждый новый шаг
И Правда зиждет трон на сумрачном подножии сомненья,
На этом тяжком и опасном поле мук и риска,
Простертом под бесстрастным взглядом свыше,
Что равно зрит на радость и на горесть,
Наш прах простертый выносил будящий луч.
Здесь прозорливый взгляд и озаренье
В обычных формах высветили чудо...
Но скрылось, ослабев, знаменье свыше,
Ненужное, угасло в царстве смертных.
Святая жажда вслед ему стремилась,
Моление Присутствию и Силе,
Чрезмерно совершенным для сердец, подвластных тленью,
Предвиденье грядущего чудесного рожденья.

Only a little the god-light can stay:
 Spiritual beauty illumining human sight
 Lines with its passion and mystery Matter's mask
 And squanders eternity on a beat of Time.
 160 As when a soul draws near the sill of birth,
 Adjoining mortal time to Timelessness,
 A spark of deity lost in Matter's crypt
 Its lustre vanishes in the inconscient planes,
 That transitory glow of magic fire
 165 So now dissolved in bright accustomed air.
 The message ceased and waned the messenger.
 The single Call, the unaccompanied Power,
 Drew back into some far-off secret world
 The hue and marvel of the supernal beam:
 170 She looked no more on our mortality.
 The excess of beauty natural to god-kind
 Could not uphold its claim on time-born eyes;
 Too mystic-real for space-tenancy
 Her body of glory was expunged from heaven:
 175 The rarity and wonder lived no more.
 [6] There was the common light of earthly day.
 Affranchised from the respite of fatigue
 Once more the rumour of the speed of Life
 Pursued the cycles of her blinded quest.
 180 All sprang to their unvarying daily acts;
 The thousand peoples of the soil and tree
 Obeyed the unforeseeing instant's urge,
 And, leader here with his uncertain mind,
 Alone who stares at the future's covered face,
 185 Man lifted up the burden of his fate.

Лишь ненадолго Божий свет нисходит:
Духовной красоты очарованье,
Собою озаряя взор людской,
Расцвечивает страстью, тайной маску праха
И расточает вечность в пульсе временном.
Как на пути своем к вратам рожденья,
С Вневременьем связуя смертный час,
Искрою божества во склепе плоти,
Душа тускнеет в планах Несознания,
Так пыл недолгий дивного огня
Растаял в светлом воздухе привычном.
Прервалась весть, и вестница сокрылась.
Единый Зов, единственная Сила
Влекли назад в далекий, тайный мир
Оттенок, прелесть горнего луча:
Она уж не взидала в наше тленье.
Божественный избыток красоты
Не мог тиранить больше очи смертных;
Невыносимым чудом в царстве бренном,
Растаял в небе лик ее пресветлый:
Диковинность и дивность удалились.
Настал обычный свет земного дня.
Отпущенный из передышки утомленья,
Опять неугомной Жизни гам поспешный
Пустился в круг ее слепых исканий.
Все бросились к своим заботам неизменным;
Земли и древа тысячное племя
Предалось нуждам мимолетных миггов,
И, здешний вождь с сомнительным умом,
Едиственный, кто ищет смысл в грядущем,
Пытаясь различить лик будущего скрытый,
Свой тяжкий жребий принял человек.

САВИТРИ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КНИГА ПЕРВАЯ. КНИГА НАЧАЛ

- Песнь первая. Символическая Заря*
- Песнь вторая. Миссия*
- Песнь третья. Йога царя: Йога освобождения души*
- Песнь четвертая. Тайное Знание*
- Песнь пятая. Йога царя: Йога свободы и величия духа*

КНИГА ВТОРАЯ. КНИГА СТРАННИКА МИРОВ

- Песнь первая. Лестница миров*
- Песнь вторая. Царство тонкой Материи*
- Песнь третья. Блеск и падение Жизни*
- Песнь четвертая. Царства низшей Жизни*
- Песнь пятая. Божества низшей Жизни*
- Песнь шестая. Царства и божества высшей Жизни*
- Песнь седьмая. Нисхождение в Ночь*
- Песнь восьмая. Мир Ажи, Мать Зла и Сыны Мрака*
- Песнь девятая. Рай богов Жизни*
- Песнь десятая. Царства и божества низшего Разума*
- Песнь одиннадцатая. Царства и божества высшего Разума*
- Песнь двенадцатая. Небеса Идеала*
- Песнь тринадцатая. В Самости Разума*
- Песнь четырнадцатая. Мировая Душа*
- Песнь пятнадцатая. Царства высшего Знания*

КНИГА ТРЕТЬЯ. КНИГА БОЖЕСТВЕННОЙ МАТЕРИ

- Песнь первая. Погоня за Непостижимым*
- Песнь вторая. Поклонение Божественной Матери*
- Песнь третья. Обитель Духа и Новое Творение*
- Песнь четвертая. Видение и Дар*

Краткое содержание Части первой

Во всеоружии Духа Савитри встречает рассвет рокового дня, когда ее мужу Сатьявану суждено умереть. Перед ней предстает вся невозможная грандиозность ее задачи: силой своей божественной Любви победить Смерть. Сатьяван символизирует душу человечества, и его смерть означает гибель мира. Савитри, воплощенной божественной Истине, пришедшей спасти мир, предстоит остановить вращение вселенского кармического колеса и избавить душу человечества от засилья вековой Тьмы. В ней проявляется ее истинная Суть — Мать мироздания, которая своей всемогущей Силой отменяет Рок и побеждает Смерть.

Далее разворачивается обширное повествование о том, что заставило Савитри родиться на земле, о ее рождении и взрослении, о встрече с возлюбленным, о роковом предначертании, согласно которому через год ему суждено умереть, о жизни с ним в лесной обители, о ее могучей Йоге, позволяющей ей обрести силу Духа, способную победить Рок, — вся предыстория этого рокового дня.

Савитри рождается на земле в ответ на мольбу всего мира. Выразителем этой мольбы становится царь Ашвапати — могучий дух, воплощенный в человеке, вождь мировых духовных исканий, символизирующий духовное устремление всего человечества. Он совершает великую Йогу во имя освобождения людского рода, благодаря которой раскрывает собственную душу, истинное «я», одухотворяет свое существо и постигает великие тайны мироздания. Достигнув индивидуальной полноты, он проникает в иные сферы бытия и странствует по лестнице проявленных миров, чтобы покорить все ее ступени и открыть человечеству путь к вершинам Духа. Он движется через миры тонкой Материи, низшей и высшей Жизни, низшего и высшего Разума; он восходит в великие светоносные царства и спускается в бездны миров Мрака и Ажи, принося в них высший Свет, чтобы в итоге подняться к мирам высочайшего Знания. Наконец, остановившись на последней границе проявленных миров, перед непостижимой Вечностью, он удостоивается Откровения божественной Матери мироздания и молит Ее как вестник всего человеческого рода низойти на землю и даровать падшему роду освобождение от Тьмы и Смерти. Мать Мира внимает его молитве и прорекает свое нисхождение и освобождение человечества.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. КНИГА РОЖДЕНИЯ И ПОИСКА

Песнь первая. Рождение и детство Пламени

Песнь вторая. Рост Пламени

Песнь третья. Призыв к Поиску

Песнь четвертая. Поиск

КНИГА ПЯТАЯ. КНИГА ЛЮБВИ

Песнь первая. Предуготованное место встречи

Песнь вторая. Сатъяван

Песнь третья. Сатъяван и Савитри

КНИГА ШЕСТАЯ. КНИГА СУДЬБЫ

Песнь первая. Слово судьбы

Песнь вторая. Путь судьбы и проблема боли

КНИГА СЕДЬМАЯ. КНИГА ЙОГИ

*Песнь первая. Радость единства; муки предвидения смерти
и сердечная боль и печаль*

Песнь вторая. Притча о поиске души

Песнь третья. Вхождение во внутренние страны

Песнь четвертая. Тройственные Силы Души

Песнь пятая. Обретение Души

Песнь шестая. Нирвана и открытие Всеотрицающего Абсолюта

*Песнь седьмая. Открытие Космического Духа и Космического
Сознания*

КНИГА ВОСЬМАЯ. КНИГА СМЕРТИ

«Песнь третья». Смерть в лесу

Краткое содержание Части второй

И вот у Ашвапати рождается дочь, царевна Савитри, спасительница мира, воплощение божественной Матери. Она растет, достигает совершеннолетия и по воле своего отца отправляется на поиски суженого, в единстве с которым ей предстоит исполнить свою миссию. На краю глухих лесов она встречает Сатьявана, сына ослепшего и изгнанного с престола царя Дьюматсены (символизирующего божественный Разум, падший во Мрак и утративший свое Могущество), — царевича, который вырос в лесной обители среди отшельников и мудрецов. В нем она узнает своего суженого и решает связать с ним жизнь. Однако от провидца Нарады она и ее родители узнают, что Сатьяван обречен и ровно через год ему суждено умереть. Родители убеждают Савитри выбрать себе другого спутника, но она решает оставаться верной своему возлюбленному до конца, какая бы участь его ни ждала. Нарад призывает их предоставить Савитри ее могучей судьбе и миссии, ибо только она может совладать с вселенским Роком и спасти себя и мир.

Савитри живет с Сатьяваном, ничего не подозревающим о нависшем над ним роке, в лесной обители как простая отшельница; внешне ее жизнь полна радости и любви, но внутри ее все сильнее гнетет ожидание надвигающегося конца. И она начинает искать в себе силу, которая позволила бы ей противостоять року и изменить предназначение Судьбы. Следуя голосу своего высшего «Я», она совершает могучую Йогу: раскрывает свою истинную душу, обретая в ней источник великого Знания и Силы, и постигает истинную Реальность бытия в единстве ее статического (Нирвана) и динамического (Космическое Сознание) аспектов.

И вот настает роковой день. Сатьяван в сопровождении Савитри отправляется за дровами для жертвенного костра и внезапно теряет сознание и умирает на коленях у Савитри. Появляется исполинский ужасающий Бог Смерти и забирает душу Сатьявана.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КНИГА ДЕВЯТАЯ. КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ

Песнь первая. К черной Пустоте

Песнь вторая. Странствие в вечной Ночи и глас Мрака

КНИГА ДЕСЯТАЯ. КНИГА ДВОЙСТВЕННОГО СУМРАКА

Песнь первая. Сумерки грез Идеала

Песнь вторая. Евангелие Смерти и тщета Идеала

Песнь третья. Спор Любви и Смерти

Песнь четвертая. Сумерки грез земной реальности

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ. КНИГА НЕМЕРКНУЩЕГО ДНЯ

Песнь первая. Вечный День: выбор Души и высшее Осуществление

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЭПИЛОГ

Возвращение на Землю

Краткое содержание Части третьей

Савитри, осененная силой открывшихся ей духовных истин, бесстрашно следует за Богом Смерти в его царство Мрака и вступает с ним в противоборство. Бог Смерти пытается всеми возможными способами — угрозами, угрозами, доводами, посулами — заставить Савитри отказаться от своей миссии; устрешенный ее светом и стойкостью, он наделяет ее великими дарами в земной жизни (в том числе дарует зрение и возвращает царство отцу Сатьявана), надеясь таким образом «откупиться» от нее; он доказывает ей несостоятельность ее усилий по возвращению Сатьявана с самых разных точек зрения — с позиций здравого смысла и обыденного взгляда на вещи, с позиций материализма и нигилизма, с позиций агностицизма и иллюзионизма, — всеми способами пытаясь подчинить ее истине и логике Смерти, по правилам которой мы живем ныне. Но на все его смертоносные доводы Савитри отвечает более высокой Истиной — Истиной Духа, Истиной Бога, Истиной бессмертной и всемогущей божественной Любви, которая пылает в ее сердце. В итоге в ней проявляется ее подлинная Суть — сама Божественная Мать — и Она растворяет Бога Смерти и мрак его царства в океане своего Света и Истины.

Теперь Савитри и Сатьяван оказываются в высочайших запредельных мирах Света и Блаженства и предстают пред ликом Всевышнего, сбросившего маску Мрака и Смерти. Савитри ждет новый выбор. Всевышний предлагает ей не возвращаться в исполненный мук и борений подзвездный мир, а остаться вместе со своим возлюбленным в высочайших беспечальных мирах, раствориться в своем беспредельном Источнике, пребывать в вечном Блаженстве. Но Савитри вновь делает выбор во имя человечества: она просит у Всевышнего даровать страждущему роду освобождение от Тьмы, Страдания и Смерти, ниспослать людям Его божественный Мир и Покой, Его могущество, Единство счастливых душ в объятиях Его радости и любви. Наконец, Всевышний откликается на мольбу Савитри и прорекает человечеству освобождение и осуществление всего, о чем просит Савитри. Он посылает ее и Сатьявана в земной мир как своих вестников, свою Силу и Дух, дабы они преобразили жизнь на земле в Жизнь Божественную.

Влюбленные под ликование всех миров возвращаются на землю, неся ей победный Свет, Истину и Любовь. Они вновь оказываются на лесной поляне, где развернулись роковые события. Сатьяван пробуждается на коленях у склонившейся над ним Савитри. Новый мир и новая жизнь раскрываются перед ними. Их встречает прозревший отец Сатьявана, вновь призванный на царство своим народом — так божественный Разум, которого символизирует Дьюматсена, в результате победы Савитри вновь обретает свое божественное Видение, а значит, и свое светоносное Владычество. На царственной белоконной упряжке в сопровождении великой процессии Савитри и Сатьяван движутся навстречу радостно ожидающему их спасенному миру.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ИМЕН

Аватар — божественное воплощение, проявление Божественного Сознания в человеческом теле.

Авгур — [латин. augur] в древнем Риме жрец, дававший предсказания по крику и полету птиц.

Ананда — [санскр.] блаженство, упоение, духовный экстаз; основополагающий принцип самосущего наслаждения, составляющий природу трансцендентного бесконечного бытия.

Апокалипсис — [греч. apokalypsis — откровение] [зд.] Богоявление, Богооткровение.

Аркан (аркана) — [лат. arcanum — тайна, секрет] в мистических традициях Каббалы и Таро основополагающий термин, означающий сокровенное знание, которое является ключом к пониманию определенной совокупности фактов, законов или принципов; оно может выражаться языковыми либо символическими средствами.

Бахавадгита (Гита) — [санскр. — «Песнь Блаженного Господа»] знаменитое священное писание Древней Индии (эпизод *Махабхараты*), составленное в форме диалога между *Шри Кришной* как Божественным воплощением и Арджуной, его преданным другом и учеником, происходящего перед сражением на поле Курукшетра.

Веды — [санскр., букв. — знание, священное ведание] название канонического свода древнейших священных текстов индуизма, в центре которого четыре книги: Ригведа, Яджурведа, Самаведа, Атхарваведа.

Веданта — [санскр., букв. — конец, завершение Вед] одна из 6-ти главных систем классической индийской философии, постулирующая наличие Брахмана (или Абсолюта) как высшей Реальности и Атмана (души человека) как ее индивидуального аспекта; идеологически составила основу индуизма; истоки В. — гимны Ригведы, а ее основные положения изложены в ее сутрах («Веданта-сутре», или «Брахмасутре», II в. до н. э. — II в. н. э.), систематизировавших учения Упанишад и приписываемых Бадараяне (или Вьясе), а также в текстах, составленных позднейшими авторами, в числе которых наиболее известны Шанкара и Рамануджа.

Витальное существо (витальное) — термин Интегральной Йоги Шри Ауробиндо: жизненная сила, проявляющаяся в человеке в виде существа желаний, эмоций, чувств, побуждений, амбиций и т. д.

Герметический — [зд.] сокровенный, тайный, оккультный; по имени Гермеса Трисмегиста [греч. — трижды величайший] — мифического обладателя тайных познаний, с которым в период поздней античности и в ряде последующих оккультных и мистических традиций связывались оккультные науки и т. н. герметические (т. е. тайные, закрытые, доступные только посвященным) сочинения.

Грифон — в греческой мифологии существо с телом льва, крыльями и клювом могучей птицы — орла или грифа; Г. каждый год приносит на себе Солнечного Бога Аполлона обратно из темных гиперборейских регионов далекого севера, где тот скрывается в зимнее время; эти «собаки Зевса» стерегут золото в стране гипербореев; они также запряжены в колесницы ужасных безликих богинь Ананки (Предопределенности) и Немезиды (Возмездия). Зд. [с. 129], — вероятно, символ двойственности, ограничивающего, регулирующего, циклического аспекта природного мира, а также — страж, охраняющий путь к «гиперборейской стране» Сверхсознания или истинного видения и к «золоту» Духа.

Гуджарат (Гуджерат) — во время жизни Шри Ауробиндо обширная территория в западной Индии, место компактного проживания населения, говорящего на языке гуджарати; сейчас штат Республики Индия, образованный в 1960 г. путем выделения из штата Бомбей областей с большинством гуджаратского населения.

Ишвара — [санскр.] Господь, Владыка, Бог; божественный Дух и Создатель вселенной.

Креcendo — [ит. *crescendo*] (муз.) постепенное нарастание силы звука (при пении, исполнении музыкального произведения и т. п.).

Кришна (Шри Кришна) — Божественное воплощение, ипостась Божественного Блаженства; в индуизме — восьмое и полное воплощение Вишну, хранителя мира. Согласно индийской традиции К. в земном воплощении — правитель народа ядавов, царь и воин; прославился своими великими подвигами и победами над множеством могущественнейших демонов; неявным образом направлял описанное в эпосе *Махабхарата* противостояние двух царских родов пандавов и кауравов во имя поддержания Истины на земле; принимал участие

в битве между ними на поле Курукшетра как колесничий Арджуны, одного из пандавов.

Мантра — [санскр.] священный слог, имя или мистическое изречение; ритмическое выражение, вдохновленное интуитивным прозрением; стихи *Вед*; стихи, наполненные силой, имеющей не обычный, а божественный источник вдохновения.

Махабхарата — [санскр. — «Сказание о великой битве потомков Бхараты»] великая эпическая поэма древней Индии, по объему вероятно самая большая в мире, отличающаяся как высокой литературной ценностью, так и глубоким религиозно-этическим и духовным содержанием; авторство приписывается легендарному мудрецу Вьясе.

Ментальное существо (ментальное) — термин Интегральной Йоги Шри Ауробиндо: часть человеческого существа, связанная с умом и его познавательной деятельностью, мышлением, идеями и представлениями, восприятием и реакциями, движениями и формациями, видением и волей.

Мнемоника — [греч. *mnemonicē*] совокупность правил и приемов, имеющих целью облегчить запоминание возможно большего числа сведений, фактов и т. п. путем образования искусственных ассоциаций.

Несознание (Несознательное, Бессознательное) — термин Интегральной Йоги Шри Ауробиндо: «Высочайшее Бесконечное, будучи ничем не связанным, может в ходе своей космической манифестации проявлять в Себе, в Своем беспредельном сознании в качестве одной из его бесчисленных возможностей нечто, казалось бы, противоречащее ему самому, — то, что несет в себе Мрак, Бессознательность, Инертность, Бесчувственность, Дисгармонию и Разложение. Именно в таком проявлении мы видим основу материального мира, называя его, как принято говорить сейчас, Бессознательным, — это Океан Несознания Ригведы, в который погрузился Единый и из которого Он проявился в форме этой вселенной; еще его называют Небытием, *Асам*. ... Однако даже в самом Несознании и за всеми извращениями Неведения скрыто присутствует и действует Божественное Сознание, чтобы все больше и больше проявлять себя и в конце концов сбросить свои обманчивые покровы. Поэтому и говорится, что мир призван выразить Божественное» [Шри Ауробиндо. Письма о Йоге, с. 9]. «Несознательное представляет собой как бы обратное, перевернутое отражение высшего Сверхсознания и обладает таким же абсолютным бытием

и самопроизвольным действием, но это бытие погружено в состояние глубокого самопоглощенного транса, в бездну собственной бесконечности» [Шри Ауробиндо. Жизнь Божественная, с. 550].

Нирвана — [санскр.] прекращение ложной формации индивидуально бытия как обособленной эгоистической личности в неизменном бескачественном Абсолюте.

Оксиморон (оксюморон) — [греч. охутогон, букв. — остроумно-глупое] стилистическая фигура, нарочитое сочетание противоположных по значению слов (напр., «хладный пламень»).

Психическое существо (психическое) — [от греч. psyche — душа, дыхание; «психея» — олицетворение души] термин Интегральной Йоги Шри Ауробиндо: подлинное, центральное существо человека, его истинная душа — бессмертная искра Божественного, которая поддерживает всю деятельность внешней ментально-витально-физической личности и развивается в последовательности перевоплощений. «То, что мы называем человеческой «душой», в действительности является двойственной сущностью: с одной стороны, это поверхностная душа желаний, которая проявляется в наших витальных пристрастиях, наших эмоциях, эстетическом чувстве и ментальном поиске силы, знания и счастья, с другой — скрытая под покровом внешней личности психическая сущность, представляющая собой чистую силу света, любви, радости и утонченной субстанции бытия, — именно она и является нашей истинной душой, скрываясь за наружной формой нашего индивидуального бытия, которую мы так часто ошибочно называем этим именем» [Шри Ауробиндо. Жизнь Божественная, с. 220].

Пуруша — [санскр.] Сознательная Душа, которая познает, созерцает, побуждает и правит; безмолвное свидетельное сознание, наблюдающее за деятельностью Природы-Пракрити, поддерживающее и санкционирующее эту деятельность.

Садхана — [санскр.] практика йоги, в ходе которой достигается окончательная реализация цели йоги, совершенство, *сиддхи*; *садхак* — йогин, который следуя этой практике, стремится к овладению *сиддхи*.

Сублиминальное — термин Интегральной Йоги Шри Ауробиндо: внутреннее существо человека, скрывающееся за его поверхностным бодрствующим сознанием: внутренний ум, внутреннее *витальное*, внутреннее *физическое*, поддерживаемые истинной душой, или *психическим существом*.

Супраментальное (Сверхразум, Супраментал, Гнозис) — термин Интегральной Йоги Шри Ауробиндо: сфера всеобъемлющего и всемогущего Сознания-Истины, превосходящего даже наивысшие уровни ментального сознания.

Трансформация — термин Интегральной Йоги Шри Ауробиндо: полное и радикальное изменение Сознания, вызывающее преобразование всего человеческого существа; замена низшего сознания разума, жизни и тела высшим Сознанием и высшей Природой, нисходящими на уровень воплощенного человека. Включает в себя три этапа:

Трансформация психическая — первый этап Т., в ходе которого все человеческое существо входит в контакт с Божественным через индивидуальное *психическое* сознание и преобразуется светом души.

Трансформация духовная — второй этап Т.: открытие человеческого существа высшей духовной Силе и Сознанию и его преобразование, ведущее к расширению индивидуального существа до масштабов Космического Сознания.

Трансформация супраментальная — третий этап Т., в результате которого человеческое существо подвергается *супраментальному* преображению в божественном гностическом Сознании и становится совершенным выражением динамической божественной Истины на всех уровнях своего бытия. Этот этап Т. обеспечивает ее окончательную полноту и ведет к всестороннему радикальному преобразованию разума, жизни и тела.

Унтертоны — [нем. Unterton] (муз., физ.) ряд дополнительных тонов, возникающих при звучании основного тона и звучащих ниже его (противоп. обертон).

Упанишады — древнеиндийские священные трактаты, посвященные осмыслению природы Реальности.

Физическое существо (физическое) — термин Интегральной Йоги Шри Ауробиндо: физический ум и физическая часть *витального*, а также собственно сознание тела.

Шакти — [санскр.] Энергия, Сила, Воля; самосущая, самосознающая, самореализующая творческая Сила Господа (*Ишвары*); Божественная Мать и Созидательница вселенной.

Экзегет — [греч. exegesis — толкование] толкователь высказываний оракулов, законов, античных и библейских текстов; интерпретатор.

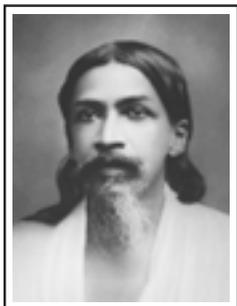
БИБЛИОГРАФИЯ

Работы Шри Ауробиндо

- Жизнь Божественная. — *The Life Divine*. Birth Centenary Library, v. 18—19. — Pondicherry, Sri Aurobindo Ashram, 1972.
- Письма о Йоге. — *Letters on Yoga*. Birth Centenary Library, v. 22—24. — Pondicherry, Sri Aurobindo Ashram, 1972.
- Письма о поэзии и искусстве. — *Letters on Poetry and Art*. Complete Works, v. 27. — Pondicherry, Sri Aurobindo Ashram, 1997.
- Поэзия будущего. — *The Future Poetry*. Complete Works, v. 26. — Pondicherry, Sri Aurobindo Ashram, 1997.
- Савитри. — *Savitri — A Legend and a Symbol*. Complete Works, v. 33—34. — Pondicherry, Sri Aurobindo Ashram, 1997.
- Синтез Йоги. — *The Synthesis of Yoga*. Birth Centenary Library, v. 20—21. — Pondicherry, Sri Aurobindo Ashram, 1972.
- Сочинения на бенгали. — *Writings in Bengali*. Birth Centenary Library, v. 4. — Pondicherry, Sri Aurobindo Ashram, 1972.
- Упанишады. — *The Upanishads*. Birth Centenary Library, v. 12. — Pondicherry, Sri Aurobindo Ashram, 1972.
- Час Бога. — Час Бога. Йога и ее цели. Мать. Мысли и озарения. — Л.: Савитри, 1991.

Работы других авторов

- Амаль Киран. Наш Свет и Восторг. — Amal Kiran. *Our Light and Delight — Recollections of Life with the Mother*. — Pondicherry, Clear Ray Trust, 2003.
- Д. К. Рой. Шри Ауробиндо пришел ко мне. — Dilip Kumar Roy. *Sri Aurobindo Came to Me*. — Pondicherry, All India Books, 1952.
- М. Шаркар. Гармонии Света. — *Sweet Mother — Harmonies of Light*. Words recollected by Mona Sharker. — Pondicherry, Sri Aurobindo Ashram, 2000.

ШРИ АУРОБИНДО

биографическая справка

Шри Ауробиндо (Ауробиндо Гхош) — выдающийся политический и общественный деятель Индии, великий духовный первопроходец, мыслитель, поэт-провидец — родился в Калькутте 15 августа 1872 г. в семье врача. С семилетнего возраста обучался в Англии; окончил Королевский колледж в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. В возрасте 21 года возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет занимает различные посты в администрации г. Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 г. переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. В эти же годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии и становится одним из лидеров национально-освободительного движения. Одновременно он погружается в изучение культурного и духовного наследия Индии. В 1904 г. он решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме с обвинением, грозившим ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден. Во время заключения он получил интенсивный духовный опыт — внутренние переживания и откровения, изменившие дальнейший ход его судьбы.

В 1910 г., повинаясь внутреннему голосу, он оставляет «внешнюю» революционную работу и удаляется в Пондичерри, французскую колонию на юге Индии, чтобы продолжать интенсивную практику йоги. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной и закономерной целью духовных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплощение на земле жизни божественной. Достижению этой цели он посвятил оставшиеся сорок лет жизни.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает более 30 томов, среди которых мировоззренческие труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

МАТЬ

биографическая справка

МАТЬ (Мирра Альфасса) — чрезвычайно глубокая и многосторонне одаренная личность, художник, литератор, педагог, талантливый организатор, духовный первопроходец и водитель, словно проводит мост между глобальным видением и учением Шри Ауробиндо и повседневной жизнью. Она родилась в Париже 21 февраля 1878 г. Ее отец был банкиром, выходцем из Турции, а мать принадлежала к египетской королевской семье. Начальное образование Мирра получила дома, а затем в Школе изящных искусств в Париже; она прекрасно рисовала, играла на фортепиано и делала успехи на литературном поприще.

Уже в детстве Мирра получила ряд духовных опытов, которые, как она позднее говорила, заставили ее «осознать возможность единения человека с Всевышним и всесторонней реализации Его в жизни божественной».

В 1906—1907 г. Мирра предприняла две длительные поездки в Алжир, где изучала оккультизм. Постепенно вокруг нее сформировалась группа духовных искателей. В 1914 г. Мирра отправляется в Индию, где в Пондичерри встречает Шри Ауробиндо, узнав в нем того, кто многие годы на тонком плане направлял ее внутреннее развитие. Она пробыла рядом с ним около года и затем вернулась в Париж. Проведя несколько лет в Японии, в 1920 г. она приехала в Пондичерри насовсем.

Постепенно вокруг Шри Ауробиндо и Мирры собралась небольшая группа учеников, ставшая в 1926 г. Ашрамом Шри Ауробиндо. Сам Шри Ауробиндо и вслед за ним ученики называли Мирру «Матерью», признавая в ней воплощение принципа божественного материнства, и она стала настоящей духовной Матерью для искателей, устремившихся со всех концов мира в Пондичерри. Почти полвека, вплоть до своего физического ухода 17 ноября 1973 г., Мать руководила Ашрамом и за это время он вырос в огромную общину, насчитывающую около 2000 членов. В 1951 г. Мать создала школу, которая затем превратилась в Международный образовательный центр. В 1968 г. она основала Ауровиль, международный город, расположенный недалеко от Пондичерри и насчитывающий сегодня около 1800 жителей — представителей всех народов земли, стремящихся воплотить мечту Шри Ауробиндо о едином человечестве.

После ухода Шри Ауробиндо Мать продолжила его Супраментальную Йогу. Ей удалось освоить, воплотить и описать неизвестные человечеству высочайшие уровни сознания. Ее литературное наследие насчитывает более 30 томов.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
Предисловие к изданию	12
От автора переложения	47
Символизм «Савитри»	60
Песнь первая. Символическая Заря	63
Песнь вторая. Миссия	89
Песнь третья. Йога царя: Йога освобождения души	119
Песнь четвертая. Тайное Знание	179
Песнь пятая. Йога царя: Йога свободы и величия духа	251
Комментарии Шри Ауробиндо	297
Приложение	
Вариант поэтического переложения начального фрагмента	
Песни первой	305
Краткое содержание «Савитри»	320
Указатель терминов и имен	326
Библиография	331
Шри Ауробиндо и Мать: биографическая справка	332

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Фонд интегрального развития человека «САВИТРИ»

создан с целью содействия всем формам деятельности, способствующим росту человеческого сознания, интегральному развитию личности и объединению человечества на основе принципов сознательного эволюционного развития. Фонд занимается деятельностью, связанной с организацией и координацией образовательных, ознакомительных, культурных и просветительных программ, направленных на самосовершенствование и всестороннее развитие личности. Приоритетной задачей Фонда является разработка и осуществление программ, связанных с изучением и осещением наследия основоположников Интегральной Йоги Шри Ауробиндо и Матери. Приглашаем к сотрудничеству всех, кто заинтересован в деятельности, осуществляемой и поддерживаемой Фондом.

Также приглашаем принять участие во Всероссийской АУРОКОНФЕРЕНЦИИ (ВАК) — неформальной ассоциации интересующихся идеалами Шри Ауробиндо и Матери. Задача ВАК — налаживание общения и взаимодействия между всеми заинтересованными людьми в России, а также в ближнем и дальнем зарубежье. В настоящее время создан интернет-сайт www.auroconf.ru, действуют емэйл и он-лайн форумы, организуются ежегодные конференции в день рождения Шри Ауробиндо 15 августа.

Если вы хотите получить более подробную информацию, установить контакт с нами, заказать наши книги и товары, обращайтесь по нижеуказанным адресам и телефонам.

Адрес для писем:

115184 г. Москва, 1-й Новокузнецкий пер., д. 11, кв. 3
т/ф (495) 198-94-40 info@savitri.ru
www.savitri.ru www.auroconf.ru

Оптовые поставки: т/ф (495) 151-09-71
Книга-почтой: 129323 г. Москва, а/я 1
real-ganga@mail.ru

Книга-почтой: 111396 г. Москва, а/я 120
Горпинченко Вадиму Михайловичу.
т/ф (495) 182-03-55 Татьяна, Катерина.
box120@inbox.ru www.box120.narod.ru

Приглашаем спонсоров и распространителей литературы для сотрудничества в издании и реализации книг Шри Ауробиндо.

ШРИ АУРОБИНДО

САВИТРИ. Легенда и Символ.

Книга I. Книга Начал.

Поэтическое и прозаическое переложение Д. В. Мельгунова. —
М: Савитри, 2006. — 336 с.

Впервые на русском языке представляем вашему вниманию эпическую поэму «Савитри» — главное произведение видного общественного деятеля Индии, духовного первопроходца, мыслителя, поэта-провидца Шри Ауробиндо. Грандиозный эпос является наиболее полным и совершенным выражением уникального мировоззрения и духовного опыта великого провидца, и кроме того — самым большим поэтическим произведением на английском языке. Надеемся, читателям будет интересно познакомиться с этой поэмой, принадлежащей к числу наиболее выдающихся произведений человечества. Книга первая поэмы посвящена миссии Савитри — воплощенной Матери мироздания и ее противоборству с вселенским Роком, а также первому этапу великой Йоги царя Ашвапати, в ходе которого он постигает свое истинное «я» и открывается высшей духовной силе, преображающей его существо.

Компьютерная верстка: *А. И. Клементьев*

Корректор: *А. В. Попова*

Фонд интегрального развития человека
«САВИТРИ»

Адрес для писем:

115184 г. Москва, 1-й Новокузнецкий пер., д. 11, кв. 3
т/ф (495) 198-94-40 info@savitri.ru www.savitri.ru

ООО «Издательство «КЛЮЧ»

115211 Москва, ул. Борисовские пруды, д. 12.

Оптовые поставки:

т/ф (495) 151-09-71, e-mail: real-ganga@mail.ru

Приглашаем спонсоров и распространителей литературы для сотрудничества в издании и реализации книг Шри Ауробиндо.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60x88/16.

Печ. л. 21. Тираж 2000 экз.

ISBN 5-98865-007-4

9 785988 650072

Отпечатано в типографии
ГУП МО «Воскресенская типография».
140200 г. Воскресенск Московской области,
ул. Вокзальная, д. 30.

*Молниекрылый вестник — вдохновенье,
Вдруг низлетая из всезрящих высей,
Блистало в залах разума беззвучных,
Неся заветных тайн ритмичный смысл.
Реченьем плавным музыка текла,
Превосходя убогий говор смертных.
Как из золотого кубка Всеблаженства,
Улада света, благодать прозренья,
Счастливым пыл бессмертного Глагола
Лились рекой в пустую чашу сердца —
Так разлилась впервые радость Божья
В твореньи юных, девственных Времен.
Явившись в краткий миг, в пространстве тесном,
Всеведение лучом бессловной мысли
Роняло в тишь его глубин молящих
Верховной Абсолютности кристалл,
Невыразимой Истины частицу —
Безмолвья дар душе его безмолвной.*

САВИТРИ